

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Российский научный журнал

Специальный выпуск — 2021

Учредитель ФГБОУ ВО «Ивановский государственный университет»

*Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-78824 от 30.07.2020 г.*

*Журнал включен ВАК РФ в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (ред. от 01.12.2015 г.)*

С 2017 г. входит в систему цитирования SCOPUS

Редакционный совет:

С. Г. Айвазова (Институт социологии РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

К. Р. Некемьяс (Школа по связям с общественностью,
Государственный университет Пенсильвании в Харрисбурге, Миддлтаун, США;
почетный доктор политических наук и государственной политики),

Н. Л. Пушкарёва (*заместитель главного редактора*,
Институт этнологии и антропологии РАН, г. Москва; доктор исторических наук, профессор),

О. В. Рябов (Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург;
доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник),

З. Х. Саралиева (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет
им. Н. И. Лобачевского, г. Нижний Новгород; доктор исторических наук, профессор),

Е. А. Смирнов (Ивановский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ, г. Иваново;
доктор социологических наук, профессор),

Н. А. Шведова (Институт США и Канады РАН, г. Москва;
доктор политических наук, главный научный сотрудник),

Е. Р. Ярская-Смирнова (Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», г. Москва; доктор социологических наук, профессор)

Редакционная коллегия:

О. А. Хасбулатова (*главный редактор*, Ивановский государственный университет, г. Иваново;
доктор исторических наук, профессор),

И. С. Клёцина (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор психологических наук, профессор),

Т. Б. Рябова (Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
г. Санкт-Петербург; доктор социологических наук, профессор),

И. Н. Смирнова (*ответственный секретарь*, Ивановский государственный университет,
г. Иваново; кандидат социологических наук, доцент),

Н. С. Рычихина (Ивановский государственный университет, г. Иваново;
кандидат экономических наук, доцент)

Специальный выпуск подготовлен и издан за счет средств гранта РФФИ
№ 20-011-20001 «Научные мероприятия»

II Всероссийский демографический форум с международным участием»

Адрес редакции: 153025 Иваново, ул. Тимирязева, 5
Тел./факс в Иваново: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

Электронная копия журнала размещена на сайтах
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Подписной индекс в каталоге «Пресса России» 41513

© «Женщина в российском обществе», 2021

© ФГБОУ ВО «Ивановский

государственный университет», 2021

WOMAN IN RUSSIAN SOCIETY

Russian Scholarly Journal

Special issue — 2021

Founder (Constitutor) Ivanovo State University

---

*The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media
Registration License PI № FS77-78824 on 30.07.2020*

*The journal is peer-reviewed and recommended
by the Supreme Attestation Commission of the Russian Federation
to publish main results of Doctors and Candidates of Sciences' dissertations (issued on 01.12.2015)
Included into abstract and citation database SCOPUS since 2017*

Editorial Council:

- S. G. Aivazova**, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher
(Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow),
C. R. Nechemias, Dr. Sc., Assoc. Prof. Emerita of Political Science and Public Policy
(School of Public Affairs, Pennsylvania State University at Harrisburg, Middletown, USA),
Prof. **N. L. Pushkareva**, Dr. Sc. History (*Vice Editor-in-chief*, Institute of Ethnology and Anthropology
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **O. V. Riabov**, Dr. Sc. Philosophy, Leading Researcher
(St. Petersburg State University, St. Petersburg),
Prof. **Z. H. Saralieva**, Dr. Sc. History (National Research Lobachevsky State University
of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod),
N. A. Shvedova, Dr. Sc. Politics, Chief Researcher (Institute of USA and Canada Studies
of Russian Academy of Sciences, Moscow),
Prof. **E. R. Iarskaia-Smirnova**, Dr. Sc. Sociology (National Research University
"Higher School of Economics", Moscow),
Prof. **E. A. Smirnov**, Dr. Sc. Sociology (Ivanovo Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Ivanovo)

Editorial Board:

- Prof. **O. A. Khazbulatova**, Dr. Sc. History (*Editor-in-chief*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Prof. **I. S. Kletsina**, Dr. Sc. Psychology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Prof. **T. B. Riabova**, Dr. Sc. Sociology (Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg),
Assoc. Prof. **I. N. Smirnova** (*assistant editor*, Ivanovo State University, Ivanovo),
Assoc. Prof. **N. S. Rychikhina** (Ivanovo State University, Ivanovo)

**The special issue was funded by RFBR according to the research project № 20-011-20001
«Scientific events. II all-Russian demographic forum with international participation»**

Editorial Office Address:

153025 Ivanovo, Timiriyev str., 5
Tel./Fax: (8920) 357-58-31. E-mail: winrs@bk.ru

The e-copy of the issue can be accessed at
www.womaninrussiansociety.ru, www.elibrary.ru, www.ivanovo.ac.ru

Subscription index in catalogue "Press of RF" 41513

© "Woman in Russian society", 2021
© Ivanovo State University, 2021

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 3—24
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.1

Женщина в российском обществе
2021. Специальный выпуск. С. 3—24
ББК60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.1

ВЛИЯНИЕ УРОВНЯ ЖИЗНИ НА РЕПРОДУКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЯН: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

В. Н. Архангельский^{a, b}, Т. К. Ростовская^{a, c}, Е. Н. Васильева^d

^a Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, archangelsky@yandex.ru

^b Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия

^c Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»,
г. Москва, Россия

^d Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

Актуальность исследования влияния уровня жизни на репродуктивное поведение мужчин и женщин обусловлена сложностью демографической ситуации на национальном уровне, противоречивостью репродуктивного поведения россиян, необходимостью разработки прогнозных гипотез рождаемости, а также определения институциональных решений, которые могут быть использованы для принятия новых мер в рамках государственных программ увеличения рождаемости в Российской Федерации. Эмпирической базой исследования выступают данные репрезентативных выборочных обследований: выборочных наблюдений репродуктивных планов населения, которые были проведены Росстатом в 2012 и 2017 гг., а также итоги первой волны всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в конце 2019 — начале 2020 г. под руководством доктора социологических наук, профессора Т. К. Ростовской. Результаты исследования будут использованы в процессе мониторинга и реализации мер семейной политики на микро-, мезо- и макроуровне, при формировании концептуальных и законодательных основ семейной и демографической политики и оценке ее эффективности.

Ключевые слова: индикаторы уровня жизни, демографическая ситуация, репродуктивные ориентации, репродуктивное поведение мужчин и женщин.

© Архангельский В. Н., Ростовская Т. К., Васильева Е. Н., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

INFLUENCE OF THE STANDARD OF LIVING ON THE REPRODUCTIVE BEHAVIOR OF RUSSIANS: GENDER ASPECT

V. N. Arkhangelskiy^{a, b}, T. K. Rostovskaya^{a, c}, E. N. Vasilieva^d

^a Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, archangelsky@yandex.ru

^b Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

^c Moscow State University of Technology “STANKIN”, Moscow, Russian Federation

^d Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

The relevance of the study of the impact of living standards on the reproductive behavior of men and women is due to the complexity of the demographic situation at the national level, the inconsistency of the reproductive behavior of Russians, the need to develop predictive hypotheses of fertility, as well as identify institutional solutions that can be used to develop new measures in the framework of state programs to increase the birth rate in the Russian Federation. The empirical basis of the study is data from representative sample surveys: sample observations of the population’s reproductive plans, which were conducted by Rosstat in 2012 and 2017, as well as the results of the first wave of the all-Russian sociological study “Demographic well-being of Russia”, conducted in late 2019 — early 2020 under the guidance of Doctor of Sociological Sciences, Professor T. K. Rostovskaya. The results of the study will be used in monitoring and implementing family policy measures at the micro-, meso- and macro-levels: forming the conceptual and legislative framework for family and demographic policy; evaluating the effectiveness of family and demographic policy.

Key words: indicators of living standards, demographic situation, reproductive orientation, reproductive behavior of men and women.

Введение

Характерной чертой современного состояния института семьи выступают трансформационные процессы, затрагивающие выполнение семьей всех ее основных функций, в первую очередь репродуктивной [Ростовская, Кучмаева, 2020]. Уровень жизни оказывает существенное влияние на репродуктивное поведение. Он в значительной степени определяет восприятие условий реализации потребности в детях как благоприятных или неблагоприятных для их рождения.

Межстрановой и межрегиональный анализ, многочисленные исследования на уровне семей показывают обратную зависимость между уровнем рождаемости, числом детей в семье и индикаторами уровня жизни, что не раз подтверждалось исследованиями в европейских странах (см., напр.: [Beaujouan, Berghammer, 2019; Lebano, Jamieson, 2020; Salvati et al., 2009; Puig-Barrachina et al., 2019; Овод, 2018]). Безусловно, нельзя утверждать, что более низкий уровень жизни способствует рождению относительно большего числа детей. В данном случае уместно говорить, вероятно, о иной детерминации: при большем числе детей в среднем имеет место относительно более низкий уровень жизни.

Однако многие исследования показывают, что при более низком уровне жизни в среднем выше и репродуктивные ориентации. Так, И. Э. Киселева, систематизировав научные исследования феномена обратной связи между числом рожденных детей и социальным положением матерей, выявила несколько тенденций, в частности: на фоне повышения уровня жизни происходит сокращение как уровня смертности, так и рождаемости; изменение функций семьи идет параллельно эмансипации женщин; включаются компенсаторные механизмы — снижение рождаемости при повышении уровня жизни ведет к замещению детей домашними животными и др. [Киселева, 2017]. Данные тенденции обусловлены несколькими факторами, например, повышение уровня образования женщин детерминирует увеличение их занятости на рынке труда, что положительно влияет на уровень жизни, но отрицательно на число не только родившихся детей, но и ожидаемых. Таким образом, идея о том, что женщина хочет иметь много детей, но ей недостаточно материальных ресурсов для этого, оказывается несостоятельной. Репродуктивное поведение формируется не только под влиянием прямых стимулов, но и за счет сопоставления женщинами и мужчинами, связанными или не связанными семейными узами, внешних стимулов и внутренних мотивов и ресурсов.

С. В. Щепотьева выделяет несколько факторов, детерминирующих репродуктивные установки и рождаемость, — возраст акторов, материальные условия существования семьи, семейное положение и число детей в семье, тип населенного пункта, религиозные ориентации, занятость женщин вне дома. Указанные факторы определяют следующие индикаторы демографических процессов, на основе которых фиксируются основные тенденции демографического перехода в России, — идеальное, желаемое, ожидаемое и реальное число детей. Сопоставляя данные индикаторы, С. В. Щепотьева отмечает, что показатели идеального и желаемого числа детей всегда ниже показателя реального числа детей, а респонденты, оценивающие материальное положение семьи как очень плохое, имеют высокие показатели идеального и желаемого числа детей [Щепотьева, 2010].

Ответ на вопрос о том, в какой степени уровень жизни в настоящее время влияет на репродуктивное поведение россиян, могут дать итоги первой волны всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в 2019—2020 гг., а также данные выборочных наблюдений репродуктивных планов населения, которые были осуществлены Росстатом в 2012 и 2017 гг.

Методология исследования

Методологическая база исследования демографических процессов достаточно проработана. О. А. Козлова и Е. И. Левина выделяют пять основных подходов (экономический, социально-психологический, историко-описательный, эколого-биологический, социоэкономический), которые позволяют комплексно формулировать повестку социально-экономической и демографической политики государства [Козлова, Левина, 2019]. Каждый из представленных подходов можно назвать целостным, но недостаточным для формирования полной картины о трансформации репродуктивного поведения как основного результата демографических переходов.

А. И. Кузьмин предлагает рассматривать процесс демографического перехода в рамках институциональных и неинституциональных концепций [Кузьмин, 2013]. Институциональные теории позволяют исследовать изменение репродуктивного поведения под влиянием таких социально-экономических факторов, как инфраструктура, нормативные документы, регулирующие социально-экономическую поддержку семей с детьми, рынок труда, образования, досуга и т. д. Однако ценностные ориентации формируются не только благодаря институциональной среде, но и вопреки. Речь идет о том, что институциональные ресурсы, например меры финансовой поддержки, вводятся, чтобы стимулировать рождаемость, но в некоторых случаях оказываются неэффективными.

Интересный взгляд на институциональные факторы предлагают З. Х. Саралиева и А. В. Щекотуров [Саралиева, Щекотуров, 2015]. Авторы оценивают институты и агентов социализации (массмедиа, школа, друзья и значимые сверстники, семья) в фокусе гендерной чувствительности подростка. Данный подход не говорит о проблемах рождаемости, но применим к исследованию трансформации репродуктивного поведения, так как именно под влиянием информационной среды и близкого окружения формируются установки на рождение детей и гендерные различия акторов.

Д. А. Шпилев, анализируя комплексный гендерный подход в немецкой социологии, в первую очередь отмечает, что гендерные теории ставят своей целью устранение институциональных и структурных элементов, ведущих к ущемлению прав женщин. Во вторую очередь говорит о том, что гендерное равноправие в молодежной среде систематически нарушается: в сфере образования (большой процент девушек не завершают образование), при выборе профессии в вузе (спектр выбираемых девушками профессий уже) и, как следствие, на рынке труда [Шпилев, 2013]. Все эти факты позволяют сделать обоснованный вывод: уровень образования, профессия и место на рынке труда влияют на уровень жизни и репродуктивное поведение женщин иначе, чем на уровень жизни и репродуктивное поведение мужчин. Необходимо рассматривать эти переменные как факторы, определяющие уровень жизни актора, и соотносить с установками, полученными мужчинами и женщинами в процессе социализации, что позволяет сделать вывод об эффективности институтов, определяющих социальное благополучие населения и влияющих на демографические процессы.

Е. В. Кабашова предлагает анализировать уровень жизни опираясь на теорию Дж. Р. Хикса и учитывать доход как максимальное количество средств, которое индивид может потратить в течение данной недели и которое он планирует тратить в течение каждой следующей недели [Кабашова, 2013]. При этом доходы складываются из официальных источников (заработная плата и т. д.) и неофициальных (поддержка родственников, личное подсобное хозяйство и т. д.). Е. В. Кабашова систематизирует методологические установки исследования связи рождаемости и уровня жизни: чем выше доходы, тем ниже рождаемость (обратная зависимость); чем выше доходы, тем выше рождаемость (прямая зависимость); рождаемость повышается с ростом дохода до тех пор, пока не будет достигнут определенный уровень насыщения, после которого рождаемость снижается; демографическое поведение автономно, так как обусловлено культурой и моралью, а значит, не зависит от ситуативных факторов, таких как уровень

дохода. Доходы не являются основным показателем уровня жизни, не менее важный показатель — инфраструктура, коротая существенно различается в городе и сельской местности. Сравнивая статистические показатели уровня жизни и рождаемости в Республике Башкортостан и в Российской Федерации за 1991—2011 гг., автор приходит к выводу о различиях между корреляционными зависимостями (континуум: сильная — средняя — слабая связи) исследуемых показателей в сельских поселениях и в городах.

О. В. Гокова и М. А. Клупт выявляют зависимость рождаемости и уровня жизни семьи от типа пронаталистской политики (поощрение рождаемости экономическими методами, отношение государства к занятости женщин, разводам, легализации абортотв и т. д.) [Гокова, 2016; Клупт, 2018]. М. А. Клупт делает вывод о прямой зависимости рождаемости от политической системы государства. С этим можно согласиться, так как именно комплексность семейной и демографической политики государства определяет уровень жизни населения — доходы, гендерное равенство, инфраструктуру, меры поддержки семьи и т. д.

В современной России перед научным сообществом стоит серьезная задача — найти механизмы, позволяющие уравновесить репродуктивные установки и уровень жизни семьи, сгладить обратные и прямые зависимости рождаемости от уровня жизни. Понятие «уровень жизни» на первый взгляд очень просто операционализируется — достаточно определить абсолютный доход и ввести шкалу самооценки уровня жизни респондентов. Тем не менее между индикаторами, выраженными в числовом значении, и самооценкой уровня жизни респондентов заложены большие разрывы. В первом случае мы получаем данные для сопоставления с определенными статистическими индикаторами уровня жизни населения (средний уровень заработной платы, располагаемые и реальные доходы населения и т. д.), которые чаще всего закладываются в программы стимулирования рождаемости. Во втором случае мы имеем дело с уровнем ценностных и материальных притязаний респондентов, которые и формируют демографическое поведение акторов. В. Н. Архангельский делает важный вывод: высокая субъективная оценка уровня жизни сокращает разрыв между желаемым и ожидаемым числом детей [Архангельский, 2011].

Таким образом, целью представленного исследования является анализ влияния уровня жизни на репродуктивное поведение россиян. Выводы основаны на анализе массивов, по которым в распоряжении авторов имеются базы микроданных, и статистических данных, представленных на официальных ресурсах Федеральной службы государственной статистики:

— «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», которое было проведено Росстатом в 2012 г. (10 054 человек в 30 субъектах РФ)¹;

— «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения», проведенного Росстатом в 2017 г. (15 тыс. домохозяйств с охватом всех субъектов РФ)²;

— всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в конце 2019 — начале 2020 г. в Центральном,

¹ URL: https://gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/index.html (дата обращения: 07.05.2020).

² URL: https://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN17/index.html (дата обращения: 09.06.2020).

Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах коллективом ведущих российских ученых (А. А. Шабунова, Е. Н. Васильева, О. В. Кучмаева, В. Н. Архангельский, О. Н. Калачикова) под руководством доктора социологических наук, профессора Т. К. Ростовской³.

Результаты и научная новизна

Результаты «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г. показывают обратную связь между среднемесячным среднедушевым доходом и желаемым и ожидаемым числом детей, особенно у женщин (табл. 1).

Таблица 1

Число детей и репродуктивные ориентации в группах, различающихся по среднемесячному среднедушевому доходу («Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)

Среднемесячный среднедушевой доход, руб.	Женщины					Мужчины				
	Среднее число детей					Среднее число детей				
	желаемое	ожидаемое	имеющиеся	желаемое еще	ожидаемое еще	желаемое	ожидаемое	имеющиеся	желаемое еще	ожидаемое еще
6000 и менее	2,51	2,12	1,53	0,98	0,59	2,46	2,08	1,45	1,01	0,63
6001—10000	2,26	1,91	1,16	1,10	0,75	2,28	1,88	1,18	1,10	0,70
10001—15000	2,17	1,81	0,93	1,24	0,88	2,25	1,86	1,01	1,24	0,85
Свыше 15000	2,19	1,82	0,81	1,38	1,01	2,26	1,88	0,98	1,28	0,90

При более низком среднедушевом доходе в среднем выше желаемое и ожидаемое число детей. Однако наименьшие величины этих показателей не в группе с наибольшими доходами, а при среднедушевом доходе от 10 до 15 тыс. руб. В несколько большей степени это проявляется у женщин. Разница между значениями среднего желаемого числа детей в этой группе и группе имеющих наименьший доход равна 0,34 у женщин и 0,21 у мужчин, значениями среднего ожидаемого числа детей — 0,31 и 0,22 соответственно.

Казалось бы, более низкий уровень жизни детерминирует ориентацию на рождение относительно большего числа детей и, следовательно, демографическая политика, направленная на повышение рождаемости, должна способствовать снижению уровня жизни. Очевидно, что это не так.

Как и применительно к рассмотренному выше влиянию значимости ценностей на репродуктивные ориентации, в данном случае целесообразно определить влияние уровня жизни на желаемое и ожидаемое еще число детей, т. е. сверх тех, которые уже есть. Во-первых, именно относительно большее число имеющихся детей может обуславливать меньший среднедушевой доход.

³ В нем принимали участие представители различных возрастных групп от 18 до 50 лет (N = 5616).

Во-вторых, решение об их рождении принималось, возможно, при ином уровне жизни семьи, чем тот, который имеет место на момент обследования.

Связь между среднедушевым доходом и желаемым и ожидаемым еще числом детей уже не обратная, а прямая. В группе с доходами свыше 15 тыс. руб. среднее желаемое еще число детей больше, чем у имеющих среднедушевой доход менее 6 тыс. руб., у женщин на 0,40 и у мужчин на 0,27, среднее ожидаемое еще число детей — соответственно на 0,42 и 0,27.

Но при этом наблюдается существенная обратная связь между среднедушевым доходом и средним имеющимся числом детей. При величине дохода 6 тыс. руб. и менее оно больше, чем при доходе свыше 15 тыс. руб., на 0,72 у женщин и на 0,47 у мужчин.

Понятно, что имеющееся число детей зависит от возраста. Поэтому различия между значениями среднего числа имеющихся детей у респондентов с разным среднедушевым доходом корректно рассматривать по возрастным группам (табл. 2).

Таблица 2

**Число детей в группах, различающихся по среднедушевому доходу и возрасту
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Среднемесячный среднедушевой доход, руб.	Женщины					Мужчины				
	до 25 лет	25—29 лет	30—34 лет	35—39 лет	40 лет и старше	до 25 лет	25—29 лет	30—34 лет	35—39 лет	40 лет и старше
6000 и менее	0,68	1,32	1,77	1,83	1,91	0,19	0,88	1,50	1,57	1,82
6001—10000	0,32	1,02	1,34	1,54	1,54	0,08	0,57	0,99	1,26	1,67
10001—15000	0,26	0,77	1,18	1,27	1,25	0,06	0,38	0,81	1,26	1,58
Свыше 15000	0,19	0,59	0,97	1,21	1,21	0,07	0,37	0,81	1,14	1,52

Как и в целом для всей совокупности респондентов, в рамках возрастных групп при меньшем среднедушевом доходе отмечается большее среднее имеющееся число детей, т. е. выявленная ранее обратная связь между этими характеристиками не обусловлена различиями в возрастном составе групп.

Такой характер связи между среднедушевым доходом и средним имеющимся числом детей может быть вызван тем, что из-за большего числа детей семья имеет меньший среднедушевой доход, и тем, что у респондентов с меньшим доходом изначально была ориентация на относительно большее число детей, которая на момент обследования реализовалась в большем имеющемся числе детей. Поэтому для корректности оценки влияния среднедушевого дохода на репродуктивное поведение необходимо было бы, конечно, учитывать, при каком его уровне принималось решение о рождении уже имеющихся детей.

Согласно теории потребности в детях, эта потребность является ключевым детерминантом репродуктивного поведения. А. И. Антонов отмечает следующую основную его диспозицию: «потребность в детях — ситуация ее удовлетворения — результаты поведения, образующиеся в ходе оценки возникающих ситуаций» [Антонов, 1980: 81].

Уровень жизни — один из важнейших компонентов условий реализации (ситуации удовлетворения) потребности в детях. Поэтому оценивать зависимость от него ожидаемого числа детей корректно в рамках одного и того же желаемого числа детей (табл. 3).

Таблица 3

**Среднее ожидаемое и имеющееся число детей
в зависимости от среднедушевого дохода и желаемого числа детей
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Среднедушевой доход, руб.	Группа по желаемому числу детей			
	Женщины		Мужчины	
	Два	Три и более	Два	Три и более
	Среднее ожидаемое число детей			
6000 и менее	1,81	2,47	1,82	2,49
6001—10000	1,79	2,38	1,77	2,34
10001—15000	1,75	2,40	1,80	2,33
Свыше 15000	1,73	2,31	1,78	2,40
	Среднее имеющееся число детей			
6000 и менее	1,24	2,01	1,14	2,11
6001—10000	1,02	1,61	1,05	1,75
10001—15000	0,85	1,30	0,94	1,39
Свыше 15000	0,74	1,19	0,90	1,46
	Среднее ожидаемое еще число детей			
6000 и менее	0,57	0,46	0,68	0,38
6001—10000	0,77	0,77	0,72	0,59
10001—15000	0,90	1,10	0,86	0,94
Свыше 15000	0,99	1,12	0,88	0,94

При одинаковом желаемом числе детей ожидаемое число детей в среднем больше у имеющих более низкий доход. Но в данном случае эта зависимость слабее, чем показанная выше без дифференциации по желаемому числу детей (см. табл. 1). Значения среднего ожидаемого числа детей различаются в зависимости от желаемого числа детей при одинаковом уровне дохода намного в большей мере, чем при разном доходе, но одинаковом желаемом числе детей.

Однако это проявляется только в отношении ожидаемого числа детей, которое включает уже имеющихся. Если же говорить о тех детях, которых респонденты собираются иметь дополнительно, то ситуация иная. Во-первых, существует прямая связь, т. е. при более высоком среднедушевом доходе выше среднее ожидаемое еще число детей. Во-вторых, значения среднего ожидаемого еще числа детей различаются в зависимости от величины дохода в большей мере, чем от желаемого числа детей (при низких доходах ожидаемое еще число детей в среднем даже больше при желаемом числе, равном двум, чем трем и более). Казалось бы, это противоречит теории репродуктивного поведения, рассматривающей потребность в детях как основной детерминант репродуктивного поведения.

Но если обратиться к уже имеющемуся числу детей, которое в значительной мере является результатом реализации данных установок, то здесь наблюдается

гораздо более выраженная обратная связь со среднедушевым доходом, чем с ожидаемым числом детей (включая имеющихся). Различия между значениями имеющегося числа детей при разном доходе сопоставимы с теми, какие отмечаются при разных значениях желаемого числа детей (особенно у женщин). Такая связь могла предшествовать рождению ребенка, но могла и возникнуть после его рождения. Чтобы установить это, нужна информация о том, каким был доход семьи примерно за год или несколько меньше до рождения ребенка. Но она в социологических опросах, как правило, не выясняется.

Помочь здесь может анализ различий в репродуктивных ориентациях в зависимости от дохода у тех, у кого еще нет детей. Среди 10 054 респондентов, опрошенных в рамках «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012», таковых почти треть (3149 человек) (табл. 4).

Таблица 4

**Репродуктивные ориентации у респондентов, не имеющих детей,
в зависимости от среднедушевого дохода
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Среднемесячный среднедушевой доход, руб.	Женщины		Мужчины	
	Среднее число детей		Среднее число детей	
	желаемое	ожидаемое	желаемое	ожидаемое
6000 и менее	2,08	1,76	1,80	1,43
6001—10000	1,97	1,77	1,89	1,50
10001—15000	2,05	1,73	2,03	1,71
Свыше 15000	2,01	1,76	2,01	1,74

По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012», у бездетных значения желаемого и ожидаемого числа детей в среднем практически не различаются в зависимости от дохода. У мужчин скорее можно говорить о прямой связи: при более высоком среднедушевом доходе больше среднее желаемое и особенно ожидаемое число детей.

Вновь отметим, что зависимость ожидаемого числа детей от дохода (как и от любой другой характеристики условий реализации потребности в детях) корректно анализировать в группах, однородных по желаемому числу детей, которое с определенной степенью условности можно, видимо, трактовать как косвенный индикатор потребности в детях (табл. 5).

Таблица 5

**Среднее ожидаемое число детей у бездетных
в зависимости от среднедушевого дохода и желаемого числа детей
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Среднедушевой доход, руб.	Группы по желаемому числу детей			
	Женщины		Мужчины	
	Два	Три и более	Два	Три и более
6000 и менее	1,78	2,64	1,70	2,26
6001—10000	1,83	2,58	1,67	2,32
10001—15000	1,80	2,50	1,82	2,49
Свыше 15000	1,75	2,77	1,81	2,73

По сути дела, только у мужчин с желаемым числом детей три и более имеет место прямая связь между среднедушевым доходом и средним ожидаемым числом детей. Относительно мужчин с желаемым числом детей, равным двум, и женщин в данном случае нет оснований говорить о влиянии дохода на ожидаемое число детей.

По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012», значения желаемого и ожидаемого числа детей почти не различаются у респондентов с разным среднедушевым доходом в семье: при доходе 6000 руб. и менее разница между их значениями составляет 0,39 у женщин и 0,38 у мужчин, 6001—10 000 руб. — 0,35 и 0,40 соответственно, 10 001—15 000 руб. — 0,36 и 0,39, свыше 15 000 руб. — 0,37 и 0,38. Понятно, что эта разница остается одинаковой независимо от того, включается или не включается имеющееся число детей в расчет желаемого и ожидаемого. Это косвенно свидетельствует о том, что в данном случае от величины среднедушевого дохода практически не зависит оценка условий реализации потребности в детях как более благоприятных или менее благоприятных. То же характерно и для респондентов, не имеющих детей: при доходе 6000 руб. и менее разница между значениями желаемого и ожидаемого числа детей равна 0,32 у женщин и 0,37 у мужчин, 6001—10 000 руб. — 0,20 и 0,39 соответственно, 10 001—15 000 руб. — 0,32 и 0,32, свыше 15 000 рублей — 0,25 и 0,27.

Вероятно, при определении условий реализации потребности в детях люди ориентируются не столько на размер дохода, сколько на свою субъективную оценку уровня жизни. На этот критерий обращали внимание многие российские ученые. В частности, В. А. Борисов отмечал, что «номинальная величина дохода еще не дает представления о благосостоянии семьи без учета различий в уровне потребностей и динамики их развития» [Борисов, 1976: 147]. В. А. Белова и Л. Е. Дарский обращали внимание на то, что «именно субъективная оценка материального положения лежит в основе планирования семьи» [Белова, Дарский, 1968: 35].

Таблица 6

Число детей и репродуктивные ориентации в группах по оценке уровня жизни («Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)

Само- оценка уровня жизни, баллы	Женщины					Мужчины				
	Среднее число детей					Среднее число детей				
	желаемое	ожидаемое	имеющееся	желаемое еще	ожидаемое еще	желаемое	ожидаемое	имеющееся	желаемое еще	ожидаемое еще
0—30	2,41	1,92	1,28	1,13	0,64	2,33	1,83	1,16	1,17	0,67
40—60	2,26	1,89	1,11	1,15	0,78	2,28	1,90	1,13	1,15	0,77
70—100	2,27	1,97	1,05	1,22	0,92	2,33	1,98	1,14	1,19	0,84

У женщин, по данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012», отмечается обратная связь между оценкой уровня жизни и имеющимся числом детей (в данном случае число детей может влиять на оценку уровня жизни) и, наоборот, прямая связь со средним ожидаемым еще числом детей. Чем выше оценка уровня жизни, тем меньше разница между значениями

среднего желаемого и ожидаемого числа детей: 0—30 баллов — 0,49; 40—60 — 0,37; 70—100 — 0,30. Примерно то же имеет место и у мужчин: 0—30 баллов — 0,50; 40—60 — 0,38; 70—100 — 0,35 (табл. 6). Косвенно это может свидетельствовать о том, что более высокая оценка уровня жизни определяет более благоприятное восприятие условий для рождения желаемого числа детей.

По результатам социологического опроса, проведенного в конце 2019 — начале 2020 г., у респондентов с более высокой оценкой уровня жизни больше среднее желаемое и ожидаемое число детей (табл. 7).

Таблица 7

Число детей и репродуктивные ориентации в группах, различающихся по оценке уровня жизни (социологический опрос 2019—2020 гг.)

Само-оценка уровня жизни, баллы	Женщины					Мужчины				
	Среднее число детей					Среднее число детей				
	желаемое	ожидаемое	имеющееся	желаемое еще	ожидаемое еще	желаемое	ожидаемое	имеющееся	желаемое еще	ожидаемое еще
1—3	2,17	1,63	1,21	0,96	0,42	2,17	1,65	1,07	1,10	0,58
4—7	2,28	1,82	1,07	1,21	0,75	2,21	1,84	0,83	1,38	1,01
8—10	2,37	2,05	0,98	1,39	1,07	2,33	2,12	0,84	1,49	1,28

Разница значений среднего ожидаемого числа детей в крайних группах по оценке уровня жизни (8—10 и 1—3 балла) составляет 0,42 у женщин и 0,47 у мужчин, значений желаемого числа — 0,20 и 0,16 соответственно. Имеющееся число детей при более низкой оценке уровня жизни выше, и поэтому разница его значений и значений желаемого и ожидаемого числа детей в двух крайних группах по оценке уровня жизни в среднем еще больше: для ожидаемого числа детей — 0,65 у женщин и 0,70 у мужчин, для желаемого — 0,43 и 0,39 соответственно.

У респондентов с более высокой оценкой уровня жизни в среднем меньше разница между значениями желаемого и ожидаемого числа детей: 1—3 балла — 0,54 у женщин и 0,52 у мужчин, 4—6 баллов — 0,46 и 0,37 соответственно, 8—10 баллов — 0,32 и 0,21 (табл. 7). Это свидетельствует о том, что при более высокой оценке уровня жизни условия жизнедеятельности воспринимаются как более благоприятные для реализации потребности в детях.

Чтобы устранить возможное обратное влияние имеющегося числа детей на оценку уровня жизни, как и в рассмотренной выше ситуации со среднедушевым доходом, целесообразно определить различия между значениями желаемого и ожидаемого числа детей в зависимости от оценки уровня жизни у бездетных респондентов. По данным «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012», чем выше они оценивают уровень жизни, тем больше у них среднее ожидаемое число детей. В существенно большей мере это проявляется у мужчин (табл. 8).

При более низкой оценке уровня жизни в среднем больше разница между значениями желаемого и ожидаемого числа детей: у женщин при его оценке в 0—30 баллов — 0,39, 40—60 — 0,26, 70—100 — 0,23; у мужчин при его оценке в 0—30 баллов — 0,46, 40—60 — 0,33, 70—100 — 0,28 (табл. 8). Косвенно это свидетельствует о том, что при более низкой оценке уровня жизни условия реализации потребности в детях воспринимаются как менее благоприятные.

Таблица 8

**Репродуктивные ориентации у респондентов, не имеющих детей,
в зависимости от оценки уровня жизни
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Самооценка уровня жизни, баллы	Женщины		Мужчины	
	Среднее число детей		Среднее число детей	
	желаемое	ожидаемое	желаемое	ожидаемое
0—30	2,06	1,67	1,78	1,32
40—60	1,97	1,71	1,94	1,61
70—100	2,08	1,85	2,04	1,76

По данным всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в 2019—2020 гг., у оценивающих уровень жизни выше больше в среднем как желаемое, так и ожидаемое число детей (табл. 9).

Таблица 9

**Репродуктивные ориентации у респондентов, не имеющих детей,
в зависимости от оценки уровня жизни (социологический опрос 2019—2020 гг.)**

Самооценка уровня жизни, баллы	Женщины		Мужчины	
	Среднее число детей		Среднее число детей	
	желаемое	ожидаемое	желаемое	ожидаемое
1—3	1,39	0,94	1,64	1,36
4—7	2,03	1,67	1,97	1,68
8—10	2,17	1,96	2,11	1,95

Более существенно различаются репродуктивные ориентации при разной оценке уровня жизни у женщин. Разница между значениями среднего желаемого числа детей у оценивших уровень жизни в 8—10 и 1—3 балла составляет 0,78, между значениями ожидаемого числа детей — 1,02. У мужчин эта разница равна 0,47 и 0,59 соответственно.

У респондентов, которые выше оценили уровень жизни, меньше в среднем различаются желаемое и ожидаемое число детей: при оценке в 1—3 балла у женщин разница — 0,45, у мужчин — 0,28; в 4—7 баллов — 0,36 и 0,29 соответственно; 8—10 баллов — 0,21 и 0,16 (табл. 9).

Результаты «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012» показали, что у тех респондентов, кто выше оценивает уровень жизни, при одинаковом желаемом числе детей ожидаемое число детей (включая имеющихся) в среднем больше. Но в значительно большей мере его значения различаются в зависимости от желаемого числа детей (табл. 10).

В отличие от ожидаемого имеющегося число детей в среднем меньше при более высокой оценке уровня жизни у тех, кто хотел бы иметь троих и более детей, и практически не связано с этим фактором у тех, кто хотел бы иметь двоих детей.

Таблица 10

**Среднее ожидаемое и имеющееся число детей
 в зависимости от оценки уровня жизни и желаемого числа детей
 («Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Самооценка уровня жизни, баллы	Группы по желаемому числу детей			
	Женщины		Мужчины	
	Два	Три и более	Два	Три и более
	Среднее ожидаемое число детей			
0—30	1,68	2,54	1,73	2,51
40—60	1,77	2,54	1,78	2,58
70—100	1,81	2,67	1,83	2,64
	Среднее имеющееся число детей			
0—30	1,01	1,80	0,96	1,85
40—60	0,97	1,58	1,00	1,68
70—100	0,93	1,51	1,00	1,64
	Среднее ожидаемое еще число детей			
0—30	0,67	0,74	0,77	0,66
40—60	0,80	0,96	0,78	0,90
70—100	0,88	1,16	0,83	1,00
	Среднее ожидаемое число детей у бездетных			
0—30	1,62	2,79	1,58	2,16
40—60	1,80	2,54	1,75	2,46
70—100	1,84	2,74	1,84	2,66

Дополнительное к уже имеющемуся числу детей их ожидаемое число в среднем больше у тех, кто выше оценивает уровень жизни. У респондентов с желаемым числом детей три и более разница между его значениями у тех, кто оценил свой уровень жизни в 70—100 и 0—30 баллов, составляет 0,42 у женщин и 0,34 у мужчин. У тех, кто хотел бы иметь двоих детей, данные различия существенно меньше — 0,21 и 0,06 соответственно. При этом в отличие от ожидаемого всего числа детей (включая имеющихся) и их имеющегося числа дополнительное к имеющемуся среднее ожидаемое число детей дифференцируется по оценке уровня жизни не меньше, чем по желаемому числу детей (табл. 10).

Более высокая оценка уровня жизни является, вероятно, одним из индикаторов благоприятных условий реализации потребности в детях. Поэтому при одинаковом желаемом числе детей ожидаемое число детей в среднем выше. То, что имеющееся число детей в среднем больше у тех, кто ниже оценивает уровень жизни, скорее всего, не является следствием такой оценки, а наоборот, большее имеющееся число детей детерминирует более низкую оценку уровня жизни.

У бездетных респондентов среднее ожидаемое число детей больше при более высокой оценке уровня жизни (у мужчин, которые хотели бы иметь двоих детей, разница между его значениями в группах с высокой и низкой оценкой уровня жизни составляет 0,26, троих и более детей — 0,50, у женщин, которые хотели бы иметь двоих детей, — 0,22). Исключением являются только женщины с желаемым числом детей три и более. При этом среднее ожидаемое число детей дифференцируется по желаемому числу детей в значительно большей мере, чем по оценке уровня жизни (табл. 10).

В основном похожие результаты получены и в социологическом исследовании «Демографическое самочувствие России», проведенном в 2019—2020 гг. (табл. 11).

Таблица 11

**Среднее ожидаемое и имеющееся число детей
в зависимости от оценки уровня жизни и желаемого числа детей
(социологический опрос 2019—2020 гг.)**

Самооценка уровня жизни, баллы	Группы по желаемому числу детей			
	Женщины		Мужчины	
	Два	Три и более	Два	Три и более
	Среднее ожидаемое число детей			
1—3	1,52	2,44	1,53	2,67
4—7	1,69	2,39	1,80	2,54
8—10	1,88	2,60	1,85	2,96
	Среднее имеющееся число детей			
1—3	0,98	1,81	0,94	1,50
4—7	0,93	1,43	0,74	1,20
8—10	0,83	1,32	0,65	1,25
	Среднее ожидаемое еще число детей			
1—3	0,54	0,63	0,59	1,17
4—7	0,76	0,96	1,06	1,34
8—10	1,05	1,28	1,20	1,71
	Среднее ожидаемое число детей у бездетных			
1—3	1,33	2,25	1,85	2,78
4—7	1,70	2,63	1,82	2,54
8—10	1,85	2,71	1,89	2,97

У респондентов, выше оценивающих уровень жизни, в среднем больше ожидаемое число детей. В данном исследовании эти различия более значимы, чем в «Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения — 2012». В наибольшей мере это проявляется у тех, кто хотел бы иметь двоих детей: разница между значениями среднего ожидаемого числа детей у оценивших уровень жизни в 8—10 и 1—3 балла составляет 0,36 у женщин и 0,32 у мужчин.

Значения среднего ожидаемого числа детей при разном желаемом числе детей различаются значительно в большей мере, чем при разной оценке уровня жизни (табл. 11).

В отличие от ожидаемого имеющееся число детей, наоборот, в среднем меньше при более высокой оценке уровня жизни. Как уже отмечалось, здесь, вероятно, уместно говорить о влиянии имеющегося числа детей на уровень жизни: при относительно большем числе детей, как правило, меньше среднедушевые доходы и соответственно ниже оценка уровня жизни.

Из-за разнонаправленности связи оценки уровня жизни с ожидаемым и имеющимся числом детей различия в значениях дополнительного ожидаемого числа детей при разной оценке уровня жизни существенно больше, чем в значениях ожидаемого числа детей, включая имеющихся. У тех, кто хотел бы иметь двоих детей, разница между значениями дополнительного ожидаемого числа

при оценке уровня жизни в 8—10 и 1—3 балла равна 0,51 у женщин и 0,61 у мужчин, а у тех, кто хотел бы иметь троих детей и более, — 0,65 и 0,54 соответственно.

При этом в отличие от общего ожидаемого числа детей (т. е. включая имеющихся) дополнительное ожидаемое число детей зависит от оценки уровня жизни в большей мере, чем от желаемого числа детей (табл. 11). Похожая ситуация складывается и по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения — 2012» (табл. 10). Но данные социологического опроса 2019—2020 гг. показали более выраженную разницу значений среднего ожидаемого еще числа детей в зависимости от этих двух параметров. Однако вряд ли правомерно говорить, что уровень жизни в большей степени, чем желаемое число детей, или хотя бы в равной с ним степени детерминирует ожидаемое число детей. Различия в значениях уже имеющегося числа детей в зависимости от желаемого числа детей больше, чем в зависимости от уровня жизни. При этом следует учитывать, что имеющееся число детей уже реализованная отчасти потребность в детях, тогда как ожидаемые еще дети (плюс к имеющимся) могут родиться, а могут и не родиться.

Вероятно, более точно установить влияние желаемого числа детей и оценки уровня жизни на ожидаемое число детей можно применительно к тем респондентам, которые еще не имеют детей. У них нет обратного влияния числа детей на оценку уровня жизни. По данным социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в 2019—2020 гг., у женщин при одинаковом желаемом числе детей, ожидаемое число в среднем больше при более высокой оценке уровня жизни: разница между его значениями в группах с высокой и низкой оценкой уровня жизни составляет 0,52 у тех, кто хотел бы иметь двоих детей, и 0,46 при желаемом числе детей три и более.

У мужчин, которые хотели бы иметь двоих детей, значения среднего ожидаемого числа детей почти не различаются в зависимости от оценки уровня жизни. У тех, кто хотел бы иметь троих детей и более, среднее ожидаемое число детей при высокой оценке уровня жизни существенно больше, но наименьшая его величина имеет место не при низкой оценке уровня жизни, а при средней.

Важно отметить, что значения среднего ожидаемого числа детей различаются в зависимости от желаемого числа детей в существенно большей мере, чем от оценки уровня жизни (табл. 11).

О влиянии оценки уровня жизни на восприятие условий реализации потребности в детях свидетельствуют и данные «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2017 г. (в отличие от предыдущего аналогичного обследования 2012 г. оно проводилось во всех субъектах РФ, но недоступность базы микроданных в настоящее время не позволяет осуществить их дополнительную разработку и анализ, как это было сделано применительно к обследованию 2012 г.). Данные этого обследования показали существенное различие в значениях среднего желаемого и ожидаемого числа детей у респондентов, по-разному оценивших уровень жизни (табл. 12).

Таблица 12

**Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от оценки уровня жизни
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2017»)**

Самооценка уровня жизни	Среднее желаемое число детей		Среднее ожидаемое число детей		Разница между желаемым и ожидаемым числом детей	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Очень плохой	2,47	2,16	1,95	1,65	0,52	0,51
Плохой	2,27	2,23	1,90	1,82	0,37	0,41
Средний	2,14	2,16	1,86	1,89	0,28	0,27
Хороший	2,11	2,13	1,90	1,91	0,21	0,22
Очень хороший	1,91	1,92	1,78	1,81	0,13	0,11

При оценке уровня жизни как очень плохого желаемое число детей в среднем превышает ожидаемое на 0,52 у женщин и 0,51 у мужчин, а при его оценке как очень хорошего — на 0,13 и 0,11 соответственно, т. е. при высокой оценке уровня жизни условия воспринимаются как более благоприятные для рождения желаемого числа детей.

Относительно большее в среднем ожидаемое число детей при более высокой оценке уровня жизни, по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2017 г., отмечается только у тех респондентов, кто хотел бы иметь двоих детей (табл. 13).

Таблица 13

**Среднее ожидаемое число детей в зависимости от оценки уровня жизни и желаемого числа детей
(«Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2017»)**

Самооценка уровня жизни	Желаемое число детей			
	Женщины		Мужчины	
	Два	Три и более	Два	Три и более
Очень плохой	1,80	2,52	1,57	2,74
Плохой	1,77	2,72	1,75	2,70
Средний	1,81	2,70	1,84	2,72
Хороший	1,86	2,78	1,86	2,83
Очень хороший	2,02	2,68	1,91	2,75

У женщин с желаемым числом детей два, которые оценили уровень жизни как плохой или очень плохой, ожидаемое число детей в среднем равно 1,77 и 1,80 соответственно, а у тех, кто оценил его как очень хороший, — 2,02. У мужчин с таким же желаемым числом детей эти различия еще более существенны: при очень плохой оценке уровня жизни — 1,57, при очень хорошей — 1,91. Как и в рассмотренных выше данных других исследований, значения среднего ожидаемого числа в значительно большей мере различаются в зависимости от желаемого числа детей, чем от оценки уровня жизни (табл. 13).

Важно выявить, чем, кроме суммы денежных доходов, обусловлена оценка уровня жизни. Одним из факторов, ее определяющих, может быть оценка значимости материального благополучия (табл. 14).

Таблица 14

**Оценка уровня жизни в зависимости от среднедушевого дохода
 и значимости материального благополучия
 («Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Среднедушевой доход, руб.	Оценка значимости материального благополучия, баллы					
	Женщины			Мужчины		
	1—3	4	5	1—3	4	5
6000 и менее	48,9	49,8	47,3	45,0	46,7	46,9
6001—10000	55,6	57,9	54,9	54,3	53,5	53,9
10001—15000	57,8	59,5	57,5	57,5	59,6	57,8
Свыше 15000	59,1	57,6	62,7	67,6	60,0	63,6

При более высоком среднедушевом доходе имеет место более высокая оценка уровня жизни (кроме женщин, оценивших значимость материального благополучия в 4 балла). Хотя различия даже между крайними группами по величине дохода сравнительно невелики.

Различия в оценке уровня жизни при разной значимости материального благополучия, по результатам «Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения» 2012 г., незначительны, и поэтому нет оснований говорить о влиянии значимости данного фактора на эту оценку.

Другим фактором, который может влиять на оценку уровня жизни, является уровень притязаний в отношении дохода. Можно предположить, что при одном и том же уровне дохода более высокие притязания детерминируют более низкую оценку уровня жизни. В «Выборочном наблюдении репродуктивных планов населения» 2012 г. задавался вопрос «Сколько рублей нужно Вашей семье на одного человека в месяц, чтобы жить нормальной для нынешних условий жизнью?»⁴

Таблица 15

**Оценка уровня жизни в зависимости от среднедушевого дохода
 и представления о его величине для нормальной жизни
 («Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения — 2012»)**

Среднедушевой доход, руб.	Сколько рублей нужно Вашей семье на одного человека в месяц, чтобы жить нормальной для нынешних условий жизнью?							
	Женщины				Мужчины			
	До 20 тыс.	От 20 до 30 тыс.	От 30 до 40 тыс.	40 тыс. и более	До 20 тыс.	От 20 до 30 тыс.	От 30 до 40 тыс.	40 тыс. и более
6000 и менее	50,5	46,5	45,5	44,1	48,9	45,7	45,5	46,0
6001—10000	60,4	56,7	52,8	51,3	60,0	54,7	52,3	50,6
10001—15000	67,0	59,9	56,8	55,3	66,4	60,2	57,2	55,0
Свыше 15000	66,7	64,5	62,9	61,3	66,4	66,7	64,5	62,6

⁴ Вопрос был предложен профессором Н. В. Зверевой.

В группах респондентов, однородных по величине дохода, необходимого для нормальной жизни, при более высоком среднедушевом доходе имеет место более высокая оценка уровня жизни (табл. 15).

В то же время эта оценка выше и при более низком уровне притязаний в отношении дохода, необходимого для нормальной жизни. Особенно существенно это проявляется у женщин. Среди имеющих среднедушевой доход в семье 6000 руб. и менее разница между оценками уровня жизни в двух крайних группах, различающихся по представлению о величине дохода, составляет, 6,4 балла, при среднедушевом доходе 6001—10 000 руб. — 9,1 балла, 10 001—15 000 руб. — 11,7 балла, свыше 15 000 руб. — 5,4 балла. Причем ни в одной из групп нет нарушения характера связи, т. е. в каждой последующей группе по возрастанию величины дохода, необходимого для нормальной жизни, оценка уровня жизни меньше, чем в предыдущей группе.

У мужчин эти различия существенны в группах со среднедушевым доходом в семье 6001—10 000 руб. (9,4 балла) и 10 001—15 000 руб. (11,4 балла) и значительно меньше в двух крайних группах (табл. 15).

Таким образом, в отличие от значимости материального благополучия представления о доходе, необходимом для нормальной жизни, влияют на оценку уровня жизни: чем величина этого дохода выше, тем субъективная оценка уровня жизни ниже.

Обсуждение и заключение

Проведенный анализ позволяет сделать некоторые выводы.

Необходимо совершенствование методики анализа влияния уровня жизни на репродуктивные ориентации. У традиционно используемых и, вероятно, наиболее адекватных показателей желаемого и ожидаемого числа детей, включающих уже имеющихся, есть в данном случае некоторые ограничения. Они обусловлены тем, что на желаемое и ожидаемое число детей влияет не только уровень жизни, но и включенное в них имеющееся число детей, от которого зависит как среднедушевой доход, так и оценка уровня жизни. Причем это влияние зачастую разнонаправленное. Избежать его можно используя в качестве объекта исследования только респондентов, не имеющих детей. Но такое ограничение при изучении уровня жизни как одного из важнейших детерминантов репродуктивного поведения вряд ли целесообразно. Использование в качестве основных индикаторов желаемого и ожидаемого еще числа детей (т. е. сверх имеющегося) также вызывает очень большие сомнения. Во-первых, это, если можно так сказать, неполные установки на число детей. Во-вторых, в данном случае возникает еще один фактор, который влияет на данные индикаторы, — имеющееся число детей.

Можно использовать параметры уровня жизни, предшествующие рождению каждого ребенка (примерно за год до него). Но с некоторой степенью приближения это допустимо применять только для показателя доходов. Ретроспективная субъективная оценка уровня жизни будет некорректна. Можно выяснить лишь то, как респондент сейчас оценивает тот уровень жизни, который был у него раньше в те или иные периоды.

Таким образом, методические аспекты анализа влияния уровня жизни на репродуктивные ориентации требуют дополнительных исследований, возможно, поиска новых подходов.

Еще одним ресурсом для увеличения рождаемости могут стать меры материального поощрения мужчин, так как результаты всех трех исследований показывают, что при низком уровне доходов женщины оценивают среднее желаемое/ожидаемое число детей выше, чем мужчины. Напротив, при увеличении уровня доходов мужчины оценивают среднее желаемое/ожидаемое число детей выше, чем женщины.

Демографическая политика, направленная на повышение доходов семей, уровня жизни, будет способствовать увеличению числа детей в них, росту рождаемости. Вывод основан на том, что значительная часть исследований показывает большую в среднем близость желаемого и ожидаемого числа детей у тех, кто выше оценивает уровень жизни. Это дает основания рассматривать более высокую оценку уровня жизни как важный компонент более благоприятных условий реализации потребности в детях. В то же время данная потребность выступает, по сути дела, верхним ограничителем возможного увеличения числа детей в семье.

Значения среднего ожидаемого числа детей в существенно большей мере различаются в зависимости от желаемого числа детей (при одинаковом доходе, одинаковой оценке уровня жизни), чем от уровня жизни (при одинаковом желаемом числе детей). Следовательно, демографическая политика, результатом которой является повышение потребности в детях, была бы значительно более эффективной, чем ориентированная на повышение уровня жизни при неизменной потребности в детях. Влияние на изменение потребности, вероятно, возможно в первую очередь через воздействие на ценностные ориентации. В этой связи важно отметить: результаты исследований показывают, что восприятие уровня жизни с точки зрения степени благоприятности для рождения детей также в существенной мере зависит от ценностных ориентаций.

Таблица 16

Оценка уровня жизни и ценностные ориентации в зависимости от оценки материальных трудностей как помехи к достижению желаемой трехдетности (социологический опрос 2019—2020 гг.)

Мешают ли материальные трудности иметь желаемое число детей	Самооценка уровня жизни, средний балл по шкале 1—10	Значимость, средний балл по шкале 1—5		Разница в значимости материального благополучия семьи и наличия троих детей
		материального благополучия семьи	наличия троих детей	
Женщины				
Очень мешают	6,24	4,87	3,69	1,18
Мешают	7,12	4,80	3,58	1,22
Не мешают	8,06	4,66	4,01	0,65
Мужчины				
Очень мешают	5,92	4,80	3,56	1,24
Мешают	7,27	4,71	3,40	1,31
Не мешают	7,59	4,67	3,71	0,96

По данным всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие России», проведенного в 2019—2020 гг., у тех респондентов, которые считают, что материальные трудности не являются помехой к рождению желаемых троих детей, не только выше в среднем оценка уровня жизни,

но и несколько ниже значимость материального благополучия, выше значимость наличия троих детей и соответственно существенно меньше разница между ними. Особенно это проявляется у женщин (табл. 16).

Конечно, нужна демографическая политика, призванная как способствовать созданию более благоприятных условий для рождения желаемого числа детей, в частности, через повышение уровня жизни, так и влиять на повышение потребности в детях. Решение первой задачи даст относительно меньший, но быстрый результат, второй — более существенный, но и более отдаленный.

Библиографический список

- Антонов А. И.* Социология рождаемости. М.: Статистика, 1980. 271 с.
- Архангельский В. Н.* Влияние субъективной оценки уровня жизни на репродуктивное поведение // *Уровень жизни населения регионов России.* 2011. № 8. С. 36—41.
- Белова В., Дарский Л.* Мнения женщин о формировании семьи: (по данным специального опроса работниц нескольких московских предприятий) // *Вестник статистики.* 1968. № 8. С. 27—36.
- Борисов В. А.* Перспективы рождаемости. М.: Статистика, 1976. 248 с.
- Гокова О. В.* Сравнительный социально-экономический анализ проведения молодежной пронаталистской политики в Германии и Франции // *Вестник Омского университета.* Сер.: Экономика. 2016. № 2. С. 135—144.
- Кабашова Е. В.* О проблеме выбора индикатора уровня жизни населения // *Российский электронный научный журнал.* 2013. № 1. С. 64—73.
- Киселева И. Э.* Рост благосостояния как фактор снижения рождаемости // *Современные проблемы науки и образования: материалы ежегодной Международной научно-практической конференции.* Эссен: Ученые, 2017. С. 181—191.
- Клупт М. А.* Переосмысливая современную историю рождаемости: семья, государство и мир-система // *Демографическое обозрение.* 2018. Т. 5, № 3. С. 6—24.
- Козлова О. А., Левина Е. И.* Роль социально-экономических факторов в формировании демографических процессов: эволюция теоретических концепций // *Журнал экономической теории.* 2019. Т. 16, № 1. С. 144—153.
- Кузьмин А. И.* Социально-экономические факторы рождаемости в свете концепции демографического перехода // *Ученые записки Забайкальского государственного университета.* 2013. № 4. С. 62—69.
- Овод А. И.* Исследование влияния экономических факторов на уровень рождаемости в странах Европы // *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration.* 2018. Т. 7, № 4. С. 218—221.
- Ростовская Т. К., Кучмаева О. В.* Поколенческие и межстрановые различия воспитательных стратегий семьи: (по данным социологического исследования) // *Научный результат.* Сер.: Социология и управление. 2020. Т. 6, № 2. С. 117—132.
- Саралиева З. Х., Щекотуров А. В.* «Я не хочу быть такой девочкой, чтобы посуду всегда мыть»: институциональный анализ гендерной чувствительности подростков поколения «Z» // *Женщина в российском обществе.* 2015. № 3—4. С. 45—58.
- Шпилев Д. А.* Использование комплексного гендерного подхода в современной немецкой социологии // *Женщина в российском обществе.* 2013. № 1. С. 52—60.
- Щепотьева С. В.* Факторы дифференциации репродуктивных установок и рождаемости населения России // *Научное обозрение.* Сер. 1, Экономика и право. 2010. № 6. С. 56—60.
- Beaujouan E., Berghammer C.* The gap between lifetime fertility intentions and completed fertility in Europe and the United States: a cohort approach // *Population Research and Policy Review.* 2019. Vol. 38, iss. 4. P. 507—535.

- Lebano A., Jamieson L. Childbearing in Italy and Spain: postponement narratives // *Population and Development Review*. Vol. 46, iss. 1. P. 121—144.
- Puig-Barrachina V. et al. Decline in fertility induced by economic recession in Spain // *Gaceta Sanitaria*. 2019. Vol. 34, iss. 3. P. 238—244.
- Salvati L., Carlucci M., Serra P., Zambon L. Demographic Transitions and Socioeconomic Development in Italy, 1862—2009: a brief overview // *Sustainability*. 2019. Vol. 11, iss. 1. P. 11—12.

References

- Antonov, A. I. (1980) *Sotsiologiya rozhdaemosti* [Birth rate sociology], Moscow: Statistika.
- Arkhangel'skiĭ, V. N. (2011) Vliianie sub'ektivnoĭ otsenki urovnia zhizni na reproduktivnoe povedenie [Influence of subjective assessment of living standards on reproductive behavior], *Uroven' zhizni naseleniia regionov Rossii*, no. 8, pp. 36—41.
- Beaujouan, E., Berghammer, C. (2019) The gap between lifetime fertility intentions and completed fertility in Europe and the United States: a cohort approach, *Population Research and Policy Review*, vol. 38, iss. 4, pp. 507—535.
- Belova, V., Darskiĭ, L. (1968) Mneniia zhenshchin o formirovanii sem'i: (Po dannym spetsial'nogo oprosa rabotnits neskol'kikh moskovskikh predpriatii) [Women's opinions on family formation: (According to a special survey of employees of several Moscow enterprises)], *Vestnik statistiki*, no. 8, pp. 27—36.
- Borisov, V. A. (1976) *Perspektivy rozhdaemosti* [Prospects of fertility], Moscow: Statistika.
- Gokova, O. V. (2016) Sravnitel'nyi sotsial'no-ekonomicheskiĭ analiz provedeniia molodězhnoĭ pronatalistskoĭ politiki v Germanii i Frantsii [Comparative socio-economic analysis of youth pro-natalist policies in Germany and France], *Vestnik Omskogo universiteta*, seriia Ėkonomika, no. 2, pp. 135—144.
- Kabashova, E. V. (2013) O probleme vybora indikatora urovnia zhizni naseleniia [On the problem of choosing an indicator of the population's standard of living], *Rossiiskii ėlektronnyi nauchnyi zhurnal*, no. 1, pp. 64—73.
- Kiseleva, I. E. (2017) Rost blagosostoianiia kak faktor snizheniia rozhdaemosti [Growth of welfare as a factor in reducing the birth rate], in: *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniia: Materialy ezhegodnoĭ Mezhdunarodnoĭ nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Yessentuki, pp. 181—191.
- Klupt, M. A. (2018) Pereosmyslivaia sovremennuiu istoriiu rozhdaemosti: sem'ia, gosudarstvo i mir-sistema [Rethinking the modern history of fertility: the family, the state, and the world-system], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 5, no. 3, pp. 6—24.
- Kozlova, O. A., Levina, E. I. (2019) Rol' sotsial'no-ekonomicheskikh faktorov v formirovanii demograficheskikh protsessov: ėvoliutsiia teoreticheskikh kontseptsii [The role of socio-economic factors in shaping demographic processes: evolution of theoretical concepts], *Zhurnal ekonomicheskoi teorii*, vol. 16, no. 1, pp. 144—153.
- Kuz'min, A. I. (2013) Sotsial'no-ekonomicheskie faktory rozhdaemosti v svete kontseptsii demograficheskogo perekhoda [Socio-economic factors of birth rate in the light of the concept of demographic transition], *Uchēnye zapiski Zabaikal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4, pp. 62—69.
- Lebano, A., Jamieson, L. (2020) Childbearing in Italy and Spain: postponement narratives, *Population and Development Review*, vol. 46, iss. 1, pp. 121—144.
- Ovod, A. I. (2018) Issledovanie vliianiia ekonomicheskikh faktorov na uroven' rozhdaemosti v stranakh Evropy [Research on the impact of economic factors on the birth rate in Europe], *Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, vol. 7, no. 4, pp. 218—221.

- Puig-Barrachina, V. et al. (2019) Decline in fertility induced by economic recession in Spain, *Gaceta Sanitaria*, vol. 34, iss. 3, pp. 238—244.
- Rostovskaia, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2020) Pokolencheskie i mezhsranovye razlichii vospitatel'nykh strategii sem'i: (Po dannym sotsiologicheskogo issledovaniia) [Generational and cross-country differences in family educational strategies: (According to a sociological study)], *Nauchnyĭ rezul'tat*, serii Sotsiologiya i upravlenie, vol. 6, no. 2, pp. 117—132.
- Salvati, L., Carlucci, M., Serra, P., Zambon, L. (2019) Demographic transitions and socioeconomic development in Italy, 1862—2009: a brief overview, *Sustainability*, vol. 11, iss. 1, pp. 1—12.
- Saraliev, Z. Kh., Shchekoturov, A. V. (2015) “Ja ne khochu byt' takoi devojkoĭ, chtoby posudu vseгда myt'”: institutsional'nyĭ analiz gendernoi chuvstvitel'nosti podrostkov pokoleniia “Z” [“I don't want to be the kind of girl who always wash dishes”: an institutional analysis of the gender sensitivity of generation Z teenagers], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 45—58.
- Shchepot'eva, S. V. (2010) Faktory differentsiatsii reproduktivnykh ustanovok i rozhdamosti naseleniia Rossii [Factors of differentiation of reproductive attitudes and birth rate of the Russian population], *Nauchnoe obozrenie*, serii 1, Ėkonomika i pravo, no. 6, pp. 56—60.
- Shpilev, D. A. (2013) Ispol'zovanie kompleksnogo gendernogo podkhoda v sovremennoi nemetskoĭ sotsiologii [Using an integrated gender approach in modern German sociology], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 52—60.

Статья поступила 10.09.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Архангельский Владимир Николаевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; заведующий сектором теоретических проблем воспроизводства и политики населения, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия, archangelsky@yandex.ru (Cand. Sc. (Economics), Leading Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Head of the Sector in the Laboratory of Population Economics and Demography, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation).

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры социологии, политологии и нормативно-правового регулирования промышленного развития, Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», г. Москва, Россия, rostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of Sociology, Political Science and Legal Regulation of Industrial Development, Moscow State University of Technology “STANKIN”, Moscow, Russian Federation).

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, доцент, директор института истории, международных отношений и социальных технологий, Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия, vasiljevaen@volsu.ru (Dr. Sc. (Sociology), Associate Professor, Director of Institute of History, International Relations and Social Technologies, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 25—37
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.2

Женщина в российском обществе
2021. Специальный выпуск. С. 25—37
ББК 60.561.51
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.2

РЕПРОДУКТИВНЫЕ ПРАВА ЖЕНЩИН В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Н. М. Великая^{a, c}, Е. А. Князькова^{b, c}

^a Институт социально-политических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com

^b Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия

^c Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия

Рассматриваются особенности презентации репродуктивных прав женщин в политическом дискурсе современной России. На основе проведенного качественного и количественного контент-анализа, фрейм-анализа текстов выступлений политических лидеров и программ политических партий, участвовавших в федеральных выборах в 2016 г., выявляются основные фреймы, в рамках которых происходит маркирование гендерных проблем. Преобладание в гендерном политическом дискурсе традиционалистской, консервативной риторики подтверждает факт реализации проекта консервативного поворота, делающего акцент на различиях между полами в социальных отношениях, что ведет к гендерному неравенству. В программах политических партий женщина рассматривается главным образом как инструмент реализации государственной демографической политики, решение женских проблем в российской политике сводится к заботам о материнстве и укреплении семьи. Показано, что вытеснение проблем репродуктивного здоровья и репродуктивных прав на периферию информационного публичного пространства обостряет гендерные противоречия. Это проявляется в радикализации феминистских движений.

Ключевые слова: репродуктивные права, репродуктивное здоровье, репродуктивные стратегии, гендерное равенство, политический дискурс, политические партии.

REPRODUCTIVE WOMEN RIGHTS IN POLITICAL DISCOURSE OF MODERN RUSSIA

N. M. Velikaya^{a, c}, E. A. Knyazkova^{b, c}

^a Institute Socio-Political Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, natalivelikaya@gmail.com

^b Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^c Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

The article examines the specifics of reproductive rights presentation in political discourse of modern Russia and it is based on the well-handled quantitative and qualitative content-analysis and frame-analyses of collections of speeches of political leaders and official programs of political parties which participate in electoral process of 2016. The main frames are sort out where gender problems are marked. Dominating if gender political discourse traditional and conservative rhetoric confirm the fact of embodied conservative turn, which accent on differences between genders in social relationships leading to gender inequality. In political parties programs women mainly consider as the instrument of realization of state demographic policy. Solving of women problems reduces to motherhood and supporting family. It is shown that exclusion of problems of reproductive health and reproductive rights to the periphery of information public space sharpen gender oppositions which can lead to radicalization of women movements.

Key words: reproductive rights, reproductive health, reproductive strategies, gender equality, political discourse, political parties.

Введение

Тенденции демографического развития России последних лет, связанные с наметившимся после недолгого роста падением рождаемости, обусловлены ситуацией так называемого нового консервативного поворота. По оценкам большинства исследователей гендерной проблематики, он сопровождается воспроизводством и усилением консервативной риторики, имеющей зачастую дискриминационный характер по отношению к женщинам [Айвазова, 2017]. Это актуализирует изучение публичного и политического дискурса, связанного с проблемами гендерного равенства и теми аспектами социальной политики, которые в той или иной мере касаются решения демографических проблем. В рамках данной статьи мы предполагаем остановиться на репродуктивных стратегиях и репродуктивных правах женщин, поскольку социальные установки в этой сфере существенным образом определяют репродуктивное поведение.

Исходя из документов ООН, сексуальное и репродуктивное здоровье женщин связаны с другими правами человека, в том числе правом на здравоохранение, на неприкосновенность частной жизни, правом на образование и запретом на дискриминацию, правом на труд и социальную поддержку¹.

---

¹ Сексуальное и репродуктивное здоровье и права: информационная серия ООН // Официальный сайт ООН. URL: <https://www.ohchr.org/RU/Issues/Women/WRGS/Pages/Information-Series-Sexual-Reproductive-Health-Rights.aspx> (дата обращения: 29.08.2020).

Несмотря на факт подписания 189 государствами Конвенции ООН о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., принятые ими обязательства следовать изложенным там принципам, атаки на уже завоеванные права женщин только в последнее десятилетие предпринимались с известной регулярностью в самых разных странах (в том числе в Венгрии, Польше, России, США, Бразилии, Индии и др.). Это дало основание одной из исследовательниц гендерной дискриминации — А. Графф назвать данный процесс «war of gender», подчеркивая неустойчивость и конфликтогенность сферы гендерных прав и свобод, где нормы, ценности и социальные практики постоянно подвергаются пересмотру [Graff, 2016].

Особенно ярко это проявляется в публичном дискурсе, который становится полем гендерных конфликтов, обостряемых глобализационными процессами. Данные процессы меняют рынки труда, трансформируют семейные отношения и формы родительства, ведут к усложнению пространства идентичностей и формируют новые социальные практики, что, в свою очередь, расширяет набор методологических и методических исследовательских стратегий [Fonow et al., 2005].

Методы исследования

Мы сузили рамки нашего исследования до политического дискурса в силу того, что в нем с большей очевидностью можно обнаружить идеологические элементы, продвигающие интересы той или иной социальной группы [Хабермас, 2001]. Поскольку политика связана с гендерным порядком, именно политический дискурс оказывает особое влияние на формирование общественных норм и ценностей, определяющих социальные практики людей. В большей степени нас интересует, как репродуктивные права и репродуктивные стратегии женщин отражены в дискурсе лидеров мнений — политиков, общественных деятелей, лидеров партий, а также в официальных партийных документах. Наша исследовательская стратегия предполагает выделение идеологических элементов, артикулированных политическими субъектами и представленных в официальных документах, заявлениях и публичных текстах. В данном случае субъектами, разворачивающими дискурс, выступают различные группы интересов, политические партии и движения, отдельные индивиды, аффилированные с ними. Основные методы исследования — качественный и количественный контент-анализ текстов, в которых осуществлялся поиск по ключевым словам «женщина», «женский», «материнство», «отцовство», «репродуктивные права», «трудовые права женщин», «гендер», «семья» (в контексте политики в отношении женщин) и их производным; фрейм-анализ текста, подразумевающий выявление наиболее значимых, выраженных в риторических практиках смыслов, связанных с репродуктивными правами, стратегиями и поведением.

Фреймы гендерного дискурса

Со времен Симоны де Бовуар большинство феминистских идеологий и социологических гендерных концепций так или иначе показывают: репродуктивные способности, сексуальность, экономическое положение женщин обуславливают их позиционирование в социальном пространстве как особых объектов, скованных границами своей телесности и социальной ситуации,

что неизбежно разворачивает дискурс в плоскость, где рассматривается иерархичность позиций мужчин и женщин, несправедливость распределения ресурсов и различия в социальных практиках.

Несмотря на отказ от полоролевого подхода в современном научном сообществе и распространение феминистских исследований, которые акцентируют внимание на объяснении гендерного неравенства и возможностях его преодоления, общественное сознание и публичный, в том числе политический, дискурс демонстрируют приоритет традиционных подходов к анализу положения женщин в обществе.

Заметим, что гендерный дискурс в современной Европе, США, Латинской Америке приобрел весьма конфликтные формы и получил название «women's empowerment» — наделение женщин властью и защита их прав. Ведущие издания и популярные политики затрагивают широкий круг проблем, с которыми сталкиваются женщины, даже те проблемы, которые в нашей стране кажутся незначительными.

В России «женский вопрос» если и является предметом обсуждения для различных общественных объединений и политических сил, то носит скорее периферийный характер. Субъектами этого дискурса являются не столько референтные политические фигуры и значимые публичные политики, сколько представители разнообразных общественных организаций и движений как феминистской, так и антифеминистской направленности, что придает гендерной проблематике вторичный, периферийный характер.

По мнению большинства отечественных исследователей «женского вопроса», гендерное равенство, не успев реализоваться в России ни в институциональном, ни в культурном форматах, превратилось в политический инструмент для реализации проекта консервативного поворота (см.: [Великая, Овчарова, 2018]), что проявляется в воспроизводстве и популяризации традиционалистского, неоконсервативного дискурса, предписывающего женщине второстепенные роли в обществе и определенные правила репродуктивного поведения. На смену закрепленной в Конституции РФ норме равных прав и свобод для женщин и мужчин «пришли сентенции онтологической морали, скрепленные идеей естественного назначения полов, т. е. биологическим детерминизмом и эссенциализмом» [Айвазова, 2017: 4], что в сфере политики сопровождалось отказом от рассмотрения законопроекта о женском равенстве, запуском антиабортной кампании, декриминализацией побоев и др.

Следуя логике Дж. Скотт, мы интерпретируем гендер как составной элемент различий между полами в социальных отношениях, который включает первичные отношения власти [Скотт, 2017: 157]. При этом выбранный формат гендерного дискурса позволяет как снять напряженность неравных гендерных отношений, так и сформировать гендерную асимметрию, маскируя дискриминацию под различие [Великая, Овчарова, 2018].

Необходимо заметить, что в современном публичном политическом пространстве наблюдается очевидное отрицание проблем гендерного характера, что зачастую ведет к сознательной политике маргинализации темы женского неравенства и реализации прав женщин.

Вообще депутатский корпус, лидеры партийных фракций в Государственной думе если и высказываются на тему женского равенства, то весьма ограниченно. Проанализированный корпус текстов, который включал в себя 117 выступлений депутатов политических партий, представленных в Государственной думе два последних электоральных цикла, продемонстрировал, что, как правило, о женщинах вспоминают по трем поводам.

Первый, что весьма предсказуемо, — 8 Марта, когда упоминания женщин и женских прав ограничиваются пафосными поздравлениями, комплиментарными высказываниями о их исключительных внешних и душевных качествах, трудолюбии и жертвенности и историческими реминисценциями о том, как женщины сражались на фронтах, строили экономику и воспитывали детей. Во втором случае о женщинах как о социальных субъектах вспоминают в связи с демографическими проблемами и необходимостью их решения. В третьем — это реакция на информационные поводы в СМИ, вызывающие общественный резонанс, которые связаны с обсуждением проблем семейного насилия и текущих уголовных дел в этой сфере, харассмента, рейтингов гендерного неравенства и художественного акционизма радикальных феминисток.

Первый фрейм, который мы выделили при анализе текстов выступлений, можно условно назвать снисходительно-покровительственным, где как раз и доминируют мизогинные высказывания и фактически отрицается принцип гендерного равенства. К примеру, не вызвало большого резонанса высказывание одного из депутатов Государственной думы — А. Тарнавского: «Жалею их и отношусь по-человечески. В них я в первую очередь вижу слабый пол, а не депутатов». Далее парламентарий объясняет, что миссия женщин — «быть в семье, рожать детей, ходить по магазинам и тому подобное»². Именно в рамках этого дискурса женщинам отказывают в праве на профессиональный рост, на занятие политической деятельностью, здесь сосредоточены позиции, оправдывающие запреты на ряд профессий для женщин.

В отечественном поле политики, особенно на официальных площадках, основными спикерами по гендерным проблемам являются женщины. При этом именно они становятся флагами наступления на женские права в репродуктивной сфере [Великая, 2018].

Так, против политики гендерного равенства неоднократно выступала И. Яровая, заместитель председателя Государственной думы. Она отмечала, что «сейчас бороться за (гендерное) равенство — значит отказаться от своих привилегий», под которыми депутат понимает «вежливость, деликатность, заботу, внимание, комплиментарность»³.

Примитивизация роли женщины и закрепление за ней только функции, связанной с деторождением и воспитанием детей, остается доминирующей в существующих рамках дискурсивных стратегий представителей законодательного корпуса, что, несомненно, влияет и на результаты законотворческого процесса. Важно напомнить, что в последние годы в Государственной думе

² Цит. по: Ушакова Д. Дамы с мандатом. Как живет женщина в большой политике. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/10/woman/> (дата обращения: 29.08.2020).

³ Ирина Яровая выступила против гендерного равенства // Информационное агентство ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4743629> (дата обращения: 29.08.2020).

обсуждались законопроекты, которые в случае их принятия фактически привели бы к ущемлению прав женщин, прежде всего репродуктивных: были попытки ограничить доступ к бесплатным медицинским абортam, социальная поддержка женщин с детьми потихоньку растет, но остается несущественной; высокотехнологическая медицинская помощь для детей (особенно из регионов) зачастую остается недоступной и подразумевает ее платный характер. Уязвимость женщины с детьми на рынке труда и более низкий уровень его оплаты также не способствуют резкой смене репродуктивных стратегий, которые могли бы существенно поднять уровень рождаемости.

Второй фрейм, который мы выявили в выступлениях политических лидеров, — демографическо-социальный. В нем женщины если и упоминаются, то не в контексте реализации их прав, а либо как главный инструмент повышения рождаемости, либо как потребитель социальных пособий и выплат. Так, весьма показательно здесь одно из выступлений лидера КПРФ Г. Зюганова, который, критикуя политику правительства, говорит о вымирании русского народа, о низком уровне рождаемости и высоком уровне смертности и предлагает определенные дополнительные меры стимулирования роста населения. При этом на протяжении всего выступления слово «женщина» употребляется только один раз — при сравнении уровня мужской и женской смертности⁴.

Самым активным спикером по вопросам демографии среди руководителей парламентских фракций является С. Миронов, который, озвучивая в 2019 г. разработанный партией комплекс мер по повышению рождаемости, предложил ввести дополнительные денежные выплаты для студенческих семей с детьми и беременных женщин; расширить социальные гарантии для малоимущих семей и семей, где воспитываются дети с инвалидностью, кратно повысить единовременные выплаты при рождении первого ребенка, освободить малообеспеченные многодетные семьи от имущественного и транспортного налога⁵.

Надо сказать, что рецепты повышения рождаемости и решения демографической проблемы часто принимают гротескные формы. Так, хорошо известны идеи В. Жириновского о необходимости введения многоженства в России, которые последний раз были озвучены с думской трибуны в ходе круглого стола на тему «Традиционные ценности и правовые гарантии их обеспечения»⁶. Не менее популярны и предложения отказаться от образования девочек в пользу деторождения. В этом отношении отличились и председатель Союза женщин и бывший депутат Госдумы пяти созывов Е. Лахова, и многочисленные представители Церкви, и бывший уполномоченный по правам ребенка П. Астахов, поддержавший браки с несовершеннолетними девушками, и уже упоминавшаяся И. Яровая, которая выступила против сексуального образования детей, что фактически противоречит ст. 16 п. Е Конвенции о ликвидации всех форм

⁴ Зюганов Г. А. Система вымирания... // Официальный сайт КПРФ. URL: https://kprf.ru/rus_soc/56296.html (дата обращения: 29.08.2020).

⁵ Миронов С. Для улучшения демографии необходимы масштабные комплексные меры // Официальный сайт политической партии «Справедливая Россия». URL: <https://spravedlivo.ru/9693110> (дата обращения: 29.08.2020).

⁶ Жириновский призвал ввести в России многоженство // Официальный сайт РИА «Новости». 2019. 21 октября. URL: <https://ria.ru/20191021/1560042261.html> (дата обращения: 29.08.2020).

дискриминации в отношении женщин, где предусмотрено в числе прочего сексуальное образование и просвещение, которые увязываются с сохранением репродуктивного здоровья женщин.

Третий фрейм — агрессивно-женоненавистнический, в нем выступления в защиту прав женщин, в том числе репродуктивных, воспринимаются как вредоносные и неактуальные. Тиражируется точка зрения, что борьба за равноправие нелепа, она противоречит здравому смыслу и физиологии, приносит женщинам вред и даже усиливает их безудержную эксплуатацию⁷.

В четвертом фрейме женщина рассматривается как жертва насилия со стороны мужчин и жертва социальных обстоятельств, объект агрессии и мизогинии. Однако в официальном политическом дискурсе этот фрейм почти не представлен. Здесь, пожалуй, можно упомянуть деятельность и выступления О. Пушкиной, которая безуспешно пытается привлечь внимание общества и власти к проблемам насилия над женщинами, чтобы пересмотреть закон о декриминализации домашнего насилия, и вице-председателя Госдумы О. Епифановой, выступающей против вывода абортотерапии из системы обязательного медицинского страхования, против декриминализации статей за неуплату алиментов и замены уголовной ответственности административной за преступления небольшой тяжести⁸.

Женский вопрос в программных документах политических партий

Основным документом партии является ее программа, которая принимается на съезде партии и содержит в себе основные цели, задачи и направления работы ее членов. Мы проанализировали программы 14 партий, принимавших участие в выборах в Государственную думу в 2016 г.⁹: «Родина», «Коммунисты России», Российской партии пенсионеров за справедливость, «Единая Россия», «Зеленые», «Гражданская платформа», ЛДПР, Партии народной свободы, Партии Роста, «Гражданская сила», «Яблоко», КПРФ, «Патриоты России», «Справедливая Россия»¹⁰. В программных документах осуществлялся поиск по ключевым словам «женщина», «женский», «материнство», «гендер», «семья» и другим (в контексте политики в отношении женщин), а также их производным.

Простой количественный анализ текстов программ выявил довольно ограниченное число упоминаний женской проблематики в политических намерениях и планах партий, участвующих в избирательном процессе. Показательно, что некоторые партии вообще не упоминают женщин в своих программах.

⁷ Виноградов П. Защитить женщин от феминизма // Невское время. 2015. 29 апреля. URL: <https://nvspb.ru/2015/04/29/zashchitit-jenshchin-ot-feminizma-57535> (дата обращения: 29.08.2020).

⁸ Епифанова О. Н. Идеи, рожденные в обществе, приобретают формат государственных решений // ИНФОРМ-24: информационно-аналитический портал. 2015. 26 ноября. URL: <https://inform-24.com/7009-olga-epifanova-idei-rozhdennye-v-obschestve-priobretayut-format-gosudarstvennyh-resheniy.html> (дата обращения: 29.08.2020).

⁹ Центральная избирательная комиссия РФ. М., 2018. URL: <http://www.vybory.izbirkom.ru/region/izbirkom?action=show&global=1&vrn=100100067795849&region=0&prver=0&pronetvd=0> (дата обращения: 02.06.2018).

¹⁰ Программы всех партий представлены на официальном портале Министерства юстиции РФ. URL: <http://minjust.ru/taxonomy/term/196> (дата обращения: 29.08.2020).

Основным объектом социальной поддержки, максимально нуждающимся в помощи государства, является семья (всего 104 упоминания), в том числе традиционная семья (5), многодетная семья (17), молодая семья (7). Женщины упоминаются в программе значительно чаще, чем мужчины (25 против 16), матери чаще, чем отцы (12 против 7) (табл. 1).

Таблица 1

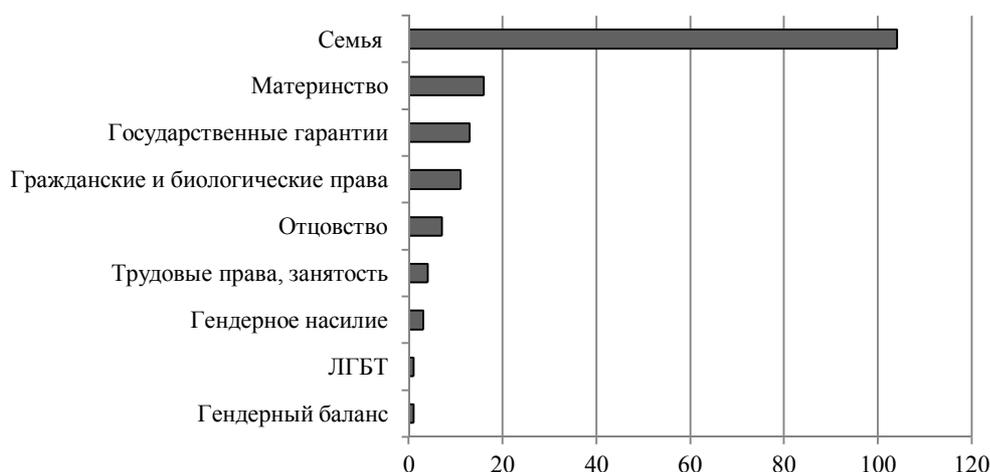
Смысловые блоки, связанные с демографической и семейной политикой

Тематический кластер	Количество упоминаний
Женщина, женское	25
Мужчина, мужской	16
Семья	76
Молодая семья	7
Многодетная семья	17
Субсидии для молодых и многодетных семей («Справедливая Россия»)	1
Родительство/материнство, мать/отцовство, отец	1/12/7
Пособие при рождении, по уходу за ребенком	2
Социальная поддержка одиноких родителей (матерей и отцов) («Родина»)	1
Усыновление (патронатные семьи)	1
Браки/разводы	3/3
Алименты	2
Аборт, прерывание беременности	4
Порнография	2
Традиционные семейные ценности	2
Детский сад	7
Равные права для мужчин и женщин («Яблоко»)	1
Насилие в отношении женщин	1
Работающие женщины, трудовые права и гарантии женщин	4

Объединение часто встречающихся упоминаний позволяет визуализировать объем каждого тематического кластера (рис.). С большим отрывом лидирует кластер «Семья», который включает в себя главным образом меры социальной поддержки семей с детьми. Что касается собственно репродуктивных прав и мер социальной поддержки, способствующих изменению репродуктивных стратегий, то они упоминаются только 11 раз в программах всех 14 партий.

Исключение здесь составляет программа партии ЛДПР, в которой акценты смещены не в пользу женщин. Согласно партийному документу, в современном российском обществе снижается значимость отца и мужчины, происходит искусственное вовлечение женщин в политическую и экономическую сферы. Поэтому ЛДПР выступает за распределение обязанностей по признаку пола:

мужчина должен быть «хозяином» и «добытчиком», а женщина «хранительницей домашнего очага». В области репродуктивного поведения ЛДПР предлагала отменить аборт на 10 лет за исключением особых случаев, снизить брачный возраст, а также разрешить вступать в новый брак без расторжения предыдущего¹¹.

Тематические кластеры, абсолютные цифры

Интересно, что проблема гражданских и репродуктивных прав женщин не включена в актуальную политическую повестку дня, несмотря на серьезные пробелы в этой сфере. Так, трудовые права женщин упоминаются лишь 4 раза, а наиболее полно они освещены в программе партии «Справедливая Россия», где, помимо требования усиления контроля за соблюдением трудовых прав женщин, говорится о сокращении продолжительности рабочего дня для женщин, имеющих детей, а также о поддержке работодателей, создающих условия для работы женщин с детьми.

Что касается репродуктивных прав, то, несмотря на довольно активное обсуждение темы абортов и выведения их из системы ОМС, она возникает в программах только 4 раза, причем доминирует здесь позиция о проведении «профилактических мероприятий по предупреждению искусственного прерывания беременности»¹². Игнорируется в политических текстах и актуальный для общественного мнения вопрос о насилии в отношении женщин: он звучит только в программах партий ЛДПР и «Справедливая Россия».

Среди анализируемых политических программ партий четыре не содержали никаких положений в отношении женщин, семьи и материнства. Это программные документы партий «Единая Россия», «Коммунисты России», «Гражданская платформа» и Партии народной свободы (табл. 2).

¹¹ Программа политической партии «ЛДПР — Либерально-демократическая партия России».

¹² Программа политической партии «Справедливая Россия».

Большинство политических партий рассматривают женщину исключительно в контексте материнства и семейных отношений. При этом конкретные предложения в области семейной политики и политики повышения рождаемости встречаются нечасто. Так, партия «Гражданская сила» предлагает «уменьшить подоходный налог с многодетных семей, осуществлять правовую поддержку патронатных семей, воспитывающих приемных детей»¹³. Партия Роста единственный раз упоминает женщин в контексте защиты гражданских прав и отхода от практики «заключения под стражу лиц, подозреваемых или обвиняемых в экономических преступлениях, а также беременных женщин и кормящих матерей, которые не представляют общественной опасности»¹⁴.

Таблица 2

Распределение смысловых категорий, связанных с демографической политикой, по количеству упоминаний в программах партий

Политическая партия	Тематические кластеры								Всего
	Материнство	Отцовство	Государственные гарантии, пособия	Семья	Гражданские и репродуктивные права	Гендерный баланс	Гендерное насилие	Трудовые права, занятость	
«Единая Россия»	4	–	3	17	2	–	–	–	26
«Гражданская платформа»	–	–	–	2	–	–	–	–	2
«Гражданская сила»	–	1	–	3	–	–	–	–	4
«Зеленые»	1	–	–	4	–	–	–	–	5
«Коммунисты России»	2	–	1	2	–	–	–	–	5
КПРФ	–	–	1	2	–	–	–	–	3
ЛДПР	–	2	1	10	6	–	2	–	21
Партия народной свободы	–	–	–	1	–	–	–	–	1
Партия Роста	–	1	–	3	–	–	–	–	4
«Патриоты России»	–	–	1	13	–	–	–	–	14
«Родина»	4	2	3	6	–	–	–	2	17
Российская партия пенсионеров за справедливость	1	–	–	3	–	–	–	–	5
«Справедливая Россия»	3	1	3	35	3	–	1	2	48
«Яблоко»	1	–	–	3	–	1	–	–	5
<i>Всего</i>	16	7	13	104	11	1	3	4	

¹³ Программа Всероссийской политической партии «Гражданская сила».

¹⁴ Программа Всероссийской политической партии «Партия Роста».

Большинство же предлагаемых мер носят общий и декларативный характер. И «Единая Россия», и КПРФ, и «Справедливая Россия», будучи парламентскими партиями, предсказуемо выступают за преодоление демографического кризиса путем восстановления льгот для многодетных семей, создания сети общедоступных детских садов и жилья для молодых семей, снижения ставки ипотеки, что озвучивается и ведущими спикерами партий в публичном пространстве.

Чем меньше партия включена в реальный политический процесс на федеральном уровне, тем более популистскими выглядят предложения в области демографической политики. Так, партия «Родина» в своей программе делает упор на поддержку традиционного института семьи, желательна многодетной, а «Патриоты России» — на необходимость повсеместного и скорейшего распространения трехдетной семьи, не останавливаясь при этом на путях достижения такой цели.

Резюмируя, подчеркнем, что большинство политических партий, участвовавших в выборах, в качестве главной цели своей семейной политики видят преодоление демографического кризиса за счет стимулирования рождаемости и снижения числа абортотв.

Заключение

Гендерный консервативный дискурс в политическом пространстве современной России не коррелирует с доминирующими социальными гендерными практиками. При этом публичная риторика, апеллируя к традиционным ценностям, либо маргинализирует тему, оттесняя гендерную проблематику на периферию информационного пространства, либо носит дискриминационный характер в отношении женщин, что негативным образом сказывается на проблеме понимания и реализации гражданских и репродуктивных прав женщин.

В идеологической системе координат, представленной в политическом публичном дискурсе, преобладают ценности концепции социального консерватизма, где женщину необходимо поддерживать прежде всего в реализации ее материнских функций. Из 14 программ политических партий по меньшей мере в 10 женщина рассматриваются с точки зрения только ее биологических и детородных функций, поэтому поддержка женщин и решение их проблем сводятся к заботам о материнстве и укреплении семьи.

Навязывание ограниченных репродуктивных стратегий, в которых женское поведение конструируется на основе традиционных представлений о семье и заботе о детях, подразумевающих раннее вступление в брак и раннее материнство, не соотносится с доминирующими тенденциями актуального репродуктивного поведения в России [Чурилова, Захаров, 2019]. Более того, в ряде случаев фреймы гендерного политического дискурса противоречат реализуемой в России демографической политике, которая акцентирует внимание на улучшении медицинского обслуживания и социально-экономических условий жизнедеятельности населения.

В этом контексте консервативный поворот гендерного дискурса обусловлен не столько необходимостью задекларировать консервативные ценности россиян, сколько желанием выгодно манипулировать данной проблемой, которая скорее отвлекает граждан от осмысления более сложных и злободневных социально-политических проблем, требующих обязательного решения.

Устранение государства от выполнения роли медиатора и проводника гендерной политики негативно сказалось на содержательной и эмоциональной стороне политического гендерного дискурса. Как результат, обсуждение гендерных проблем, вытесненное из официального политического пространства, радикализуется и приобретает конфликтные формы, переходит в социальные сети, запускает гражданский протестный активизм.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Гендерный дискурс в поле консервативной политики // *Женщина в российском обществе*. 2017. № 4. С. 3—13.
- Великая Н. М.* Женщины vs феминистки: парадоксы гендерного дискурса в России // *Политика развития, государство и новый порядок: материалы VIII Всероссийского конгресса политологов / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой*. М.: Аспект-Пресс, 2018. С. 107—108.
- Великая Н. М., Овчарова О. Г.* Гендерная риторика на фоне консервативного поворота в современной России // *Интеллигенция и проблемы социокультурной модернизации современного общества: материалы XII Международной научной конференции «Байкальская встреча»*. Улан-Уде: Бурят. гос. ун-т, 2018. С. 29—34.
- Скотт Дж.* Гендер: полезная категория исторического анализа // *Гендерные исследования*. 2000. № 5. С. 142—170.
- Хабермас Ю.* Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2001. 388 с.
- Чурилова Е., Захаров С.* Репродуктивные установки населения России: есть ли повод для оптимизма // *Вестник общественного мнения*. 2019. № 2. С. 66—87.
- Fonow M. M., Cook J. A., Jorge J. A.* Feminist methodology: new applications in the academy and public policy // *Signs Journal of Women in Culture and Society*. 2005. Vol. 30, № 4. P. 2211—2236.
- Graff A.* «Gender ideology»: weak concepts, powerful politics // *Religion and Gender*. 2016. Vol. 6, iss. 2. P. 268—272.

References

- Aivazova, S. G. (2017) Gendernyi discurs v pole konservativnoi politiki [Gender discourse in terms of conservative politics], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 3—13.
- Churilova, E. Zakharov, S. (2019) Reproductivnye ustanovki naseleniia Rossii: est' li povod dlia optimizma [Reproductive attitudes of the Russian population: is there a reason for optimism], *Vestnik obshchestvennogo mneniia*, no. 2, pp. 66—87.
- Fonow, M. M., Cook, J. A., Jorge, J. A. (2005) Feminist methodology: new applications in the academy and public policy, *Signs Journal of Women in Culture and Society*, vol. 30, no. 4, pp. 2211—2236.
- Graff, A. (2016) “Gender ideology”: weak concepts, powerful politics, *Religion and Gender*, vol. 6, iss. 2, pp. 268—272.
- Khabermas, U. (2001) *Moral'noe soznanie i kommunikativnoe deistvie* [Moral consciousness and communicative action], St. Petersburg: Nauka.

- Skott, Dzh. (2000) Gender: poleznaia kategoriia istoricheskogo analiza [Gender: a useful category of historical analysis], *Gendernye issledovaniia*, no. 5, pp. 142—170.
- Velikaia, N. M. (2018) Zhenshchiny vs feministki: paradoksy gendernogo discursa v Rossii [Women vs feminists: paradoxes of gender discourse in Russia], in: Gaman-Golutvina, O. V., Smorgunova, L. V., Timofeeva, L. N. (eds), *Politica razvitiia, gosudarstvo i novyi poriadok: Materialy VIII Vserossiiskogo kongressa politologov*, Moscow: Aspekt-Press, pp. 107—108.
- Velikaia, N. M., Ovcharova, O. G. (2018) Gendernaia ritorika na fone konservativnogo povorota v sovremennoi Rossii [Gender rhetoric in the context of a conservative turn in modern Russia], in: *Intelligentsiia i problemy sotsiokul'turnoi modernizatsii sovremenного obshchestva: Materialy XII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "Baikal'skaia vstrecha"*, Ulan-Ude: Buriatskii gosudarstvennyi universitet, pp. 29—34.

Статья поступила 10.09.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Великая Наталья Михайловна — доктор политических наук, главный научный сотрудник, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры политической социологии и социальных технологий, декан социологического факультета, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, natalivelikaya@gmail.com (Dr. Sc. (Political Sciences), Chief Researcher, Institute Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of Political Sociology and Social Technologies, Dean of Sociology Faculty, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Князькова Екатерина Александровна — кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; доцент кафедры политической социологии и социальных технологий, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия, eapavlova@bk.ru (Cand. Sc. (Political Science), Senior Researcher Fellow, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Associate Professor at the Department of Political Sociology and Social Technologies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 38—59
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.3

Женщина в российском обществе
2020. Специальный выпуск. С. 38—59
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.3

СМЫСЛОВАЯ САМОРЕГУЛЯЦИЯ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖИ: ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В СФЕРЕ ТРУДА

Ю. А. Зубок, В. И. Чупров, О. В. Сорокин

Институт социально-политических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, uzubok@mail.ru

В саморегуляции жизнедеятельности гендерных групп в сфере труда отмечается общее и особенное. Значимым фактором сходства является универсальная структура культурного пространства молодых женщин и мужчин, а различия определяются степенью выраженности отдельных его составляющих. Типология культурного пространства в гендерных группах в наибольшей степени отражается в формировании смысложизненных ценностей, влияние которых проявляется в ценности труда. Наиболее значимая связь терминальной ценности труда в обеих группах отмечается в связи с ценностью справедливости и усиливается смысложизненными ценностями борьбы за справедливость и самореализацией у мужчин, а также стремлением к истине у женщин. Адаптация и вынужденная экономия одинаково выражаются в инструментализации труда гендерных групп. В образе труда молодых женщин доминируют: добросовестное отношение к труду, ответственность, взаимопомощь, а среди молодых мужчин — чувства свободы, независимости и индивидуализма. Изменение смысловых оснований саморегуляции жизнедеятельности гендерных групп происходит в направлении снижения значимости традиционных оснований для женщин. Отличием мужских особенностей восприятия труда является его смысл как источника обеспечения себя и семьи, восходящего к базовым, архетипическим представлениям о социальной роли добытчика и кормильца. В смысловых основаниях образа труда в женской гендерной группе доминируют заработок и самореализация. На основе изменяющейся конфигурации смыслов в культурном пространстве гендерных групп происходит и выбор саморегуляционных стратегий молодежи в сфере труда.

Ключевые слова: молодежь, саморегуляция, жизнедеятельность, молодые женщины, молодые мужчины, труд, культурное пространство, смысл, смысложизненные ценности.

© Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-011-00585 «Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в изменяющейся социальной реальности».

MEANINGS IN SELF-REGULATION OF YOUNG PEOPLE'S LIFE: GENDER DIFFERENCES IN THE LABOR SPHERE

Yu. A. Zubok, V. I. Chuprov, O. V. Sorokin

Institute of Socio-Political Research,
Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation, uzubok@mail.ru

In the self-regulation of the life activity of gender groups in the sphere of labor, the general and the particular trends are noted. A significant factor of similarity is connected with the universal structure of the cultural space of young people — women and men. But the differences are determined by the severity of its components. The typology of the cultural space in gender groups is most reflected in the formation of life-meaning values. The influence of these meanings is manifested in the value of labor and attitudes towards labor. In both groups there is a most significant connection between the terminal value of labor with the value of justice. Among young men it is reinforced by such the life-meaning values as the struggle for justice and self-realization. Among young women it is linked to the desire for truth. Difficulties of the economic and social adaptation are equally expressed in the instrumentalization of the labor among the both gender groups. The image of work among young women is dominated by conscientious attitude to work, responsibility, mutual assistance; among young men — by feelings of freedom, independence and individualism. The change in the value foundations of self-regulation of the life activity of gender groups is in the direction of reducing the importance of traditional foundations. It is especially true for women. The difference in perception of labor is that young males see labor mostly as a source of support for themselves and the family, which goes back to the basic, archetypal ideas about the social role of the “breadwinner”. In the female gender group structure of meanings work is perceived as the source of personal well-being and self-realization. On the basis of the changing configuration of cultural meanings perception of labor is appearing and the choice of self-regulatory strategies takes place among different gender groups.

Key words: youth, self-regulation, life activity, young women, men, labor, cultural space, meaning, meaning and life values.

Смыслообразование в социальной саморегуляции жизнедеятельности

В ракурсе социологического анализа жизнедеятельность рассматривается как особая форма организации и регулирования взаимно сопряженных действий людей, погруженных в общий социально-экономический и социокультурный контекст. В жизнедеятельности молодежи связываются воедино общественные и индивидуальные стремления, а в саморегуляции — *осмысленный* выбор целей и средств жизнедеятельности, соотнесенный с выбором других.

Осознание индивидуальных действий, направленных на объекты реальности, соотносится индивидом с действиями других людей в схожих условиях и со смыслами, которыми окружающие наделяют события и явления. Поэтому понимание смысла и значения объектов реальности раскрывается в повседневном взаимодействии молодежи, в интерсубъективности. Она возможна благодаря духовной связи между людьми и общему в познании и понимании реальности. Люди

включаются в биографическую ситуацию друг друга и «каждый партнер соучаствует в непосредственной жизни другого, может схватывать в живом настоящем мысли другого шаг за шагом, по мере их смены. Происходят события, строятся планы на будущее, возникают надежды, беспокойство... они живут в чистом «мы-отношении»» [Шюц, 1988: 133]. Благодаря интерсубъективности повседневное знание и жизнь индивидов, принадлежащих к одной группе, отличаются от других. Так возникают различия в опыте и представлениях о реальности «Мы» — группы, в которой индивид чувствует себя как дома, и «Они» — группы, к которой индивид не принадлежит. Такие группы могут выделяться на основе пола, возраста, экономического положения, субкультурных стилевых отличий и т. д. Сформированные в той или иной среде смыслы, как представления о сущности объектов реальности и их значении для жизнедеятельности, проникают в структуру мотивации и смыкаются с ценностями. В свою очередь, ценности — коллективные представления о *высшем смысле* — наполняют деятельность каждого представителя группы общим мировоззренческим содержанием.

Смысл содержит понимание молодыми людьми сущности всего того, чем наполняется жизнедеятельность и одновременно является «дискретным импульсом особого рода интенциональности» [Пелипенко, 2014: 25]. В основаниях культуры, отмечает В. С. Степин, можно выделить фундаментальные жизненные смыслы, базисные ценности, которые объединяют все многообразие культурных феноменов в органическую целостность [Степин, 2011: 67]. Поэтому, как пишет Д. А. Леонтьев, перемещаясь из плоскости изучения сознания в плоскость изучения жизни, вопрос о смысле расширяется и становится вопросом культуры [Леонтьев, 2014: 106].

Конструирование смыслов происходит в культурном пространстве, которое представляет собой форму существования культуры (норм, ценностей, способов организации жизнедеятельности) в сознании молодых людей. Поэтому культурное пространство является «пространством значений» [Конев, 2003: 20] и может быть соотнесено с субъектами и образами, которые они конструируют [Тишков, 2004].

Формирование смыслов предполагает осознанный отбор молодым человеком значимых характеристик реальности и осмысленное встраивание их в свой оценочный аппарат. «В непосредственном опыте, — пишет А. А. Пелипенко, — восприятию открывается не значение, а «ощущаемый смысл» как его имплицитная предпосылка» [Пелипенко, 2001]. В ощущаемом смысле содержится целый набор значений, из которого не столько сознание человека, сколько *культура посредством сознания*, выбирает наиболее адекватные контексту ситуации значения. Поэтому из входящего потока впечатлений в мозг пропускается лишь то, что «так или иначе, корреспондирует с внутренними психическими образами» [Пелипенко, 2011].

Сосуществование и взаимодействие различных вероисповеданий, культурных традиций и норм, ценностных установок, глубинных психологических структур восприятия и функционирования картин мира, составляющих представления о реальности, устойчиво проявляется на определенной территории [Замятин, 2002]. Исходя из этого, культурное пространство связано с географическими образами — системами взаимосвязанных и взаимодействующих знаков, символов, архетипов и стереотипов, характеризующих территории [Замятин,

2006]. Отражая концентрацию времени, пространства и ментальности [Преснякова, 2013], культурное пространство способно изменять свои границы и содержание в результате взаимодействия с другими пространствами. А с другой стороны, культурное пространство способно сохранять устойчивость [Гудкина, 2003]. Во многом это происходит благодаря многоуровневому механизму формирования смыслов и их связи с саморегуляцией. Наряду с осмыслением, значимая часть саморегуляции протекает в коллективном бессознательном. Совокупный жизненный опыт, накопленный людьми, живущими в конкретном обществе на данной территории, со всеми исторически сложившимися противоречивыми особенностями, воплощается в обобщенных представлениях о реальности, передается в межпоколенческих и внутр поколенческих взаимодействиях, накапливается в образах окружающего мира и в деятельности. Накопленный опыт существует не только в осознаваемой, но и в неосознанной — архетипической — форме. Архетипы — исторически возникшие «общечеловеческие первообразы», служащие формой накопления и существования всего предшествующего опыта, основой придания смысла явлениям, событиям и процессам, влияющие на поведение, в чем люди обычно не отдают себе отчет [Юнг, 1988]. Безотчетность, нерелефлексированность, но присутствие в социальных практиках и образах реальности — отличительная черта архетипических образов. Переход бессознательных форм в осознанные — осмысленные — происходит в результате рефлексии. Врастающие в ткань социальной жизни образы реальности и реакции на них становятся частью коллективной установки. Нагружаясь не только эмоциями, но и убеждениями, они переходят в индивидуальные жизненные позиции молодых людей.

Наследуя опыт и культурные образцы прежних поколений, молодежь активно переосмысливает их в соответствии с актуальным опытом, наделяя новыми смыслами и значениями. Поэтому в культурном пространстве воспроизводятся не только хорошо узнаваемые образцы базовой культуры, но и современные, возникшие под влиянием глобализации. На их основе складываются разные модели саморегуляции жизнедеятельности. Аккумулируя разнообразные смысловые проекции, культурное пространство отражается в характере смысложизненных ценностей молодых людей *противоречием* между традиционностью и «нарастающей рациональностью» [Чупров и др., 2014].

Гендерные аспекты формирования смыслового пространства

Ключевое понятие для определения смысла, отмечает Д. А. Леонтьев, — это контекст. Вопрос о механизмах порождения смысла — это вопрос о контекстах, в которых люди живут повседневной жизнью. Контексты, в которых обретается опыт и формируются смыслы, могут быть разными, и их можно искать в сознании, картине мира или же в жизненной практике, бытии в мире [Леонтьев, 2014: 108]. Если фоновый контекст смысловой саморегуляции жизнедеятельности задает культура, то ее конкретные проявления обуславливаются групповыми особенностями людей [Леонтьев, 2014: 111]. Именно групповые особенности — возрастные, гендерные и др. — вносят дифференцирующее основание в жизнедеятельность, определяя конкретные смыслы, на которые ориентируются молодые люди в повседневной саморегуляции.

«Гендер — это повседневный мир взаимодействия мужского и женского, воплощенный в “практиках”, представлениях, нравах; это системная характеристика социального порядка, от которой невозможно отказаться, — она постоянно воспроизводится и в структурах сознания, и в структурах действия», — отмечают Е. А. Здравомыслова и А. А. Темкина [Здравомыслова, Темкина, 2015: 172]. Причем на сам гендер распространяется тезис о том, что «все в мире социально сконструировано», что основано на концепции социального конструирования реальности, согласно которой реальность является одновременно объективной и субъективной [Бергер, Лукман, 1995], где объективность реальности поддерживается ее независимостью от индивидов, а субъективность — их повседневной созидательной деятельностью [Манхейм, 1994; Шеллер, 2016]. Поэтому в гендерном анализе имеет значение не биологический детерминизм, а собственный выбор людей, который является, прежде всего, смысловым — социокультурным — выбором полов. Смыслы лежат в основе самоидентификации людей и того, чем они наполняют свою жизнь, имея в виду сконструированную гендерную идентичность. Исходя из этого, различия между полами перестают с необходимостью реализовываться как иерархические, предполагающие разный статус и разные возможности, но могут воспроизводиться в силу действия механизма инерции культурных матриц или деконструироваться и создаваться на новой основе в силу культурных изменений. Поэтому конструирование отношений с объектами реальности в сфере труда происходит на основе не только традиционных образцов, но и современных. Идея конструирования гендера, подразумевающая выбор и создание молодыми людьми ролевых структур, собственных форматов и моделей отношений в разных сферах жизнедеятельности, легко вписывается в концепцию социального развития молодежи как изменения количественных и качественных характеристик этой относительно самостоятельной социально-демографической группы. Источником развития в данном случае является инновационная функция молодежи, выраженная в ее способности меняться самой и изменять реальность с учетом актуального социального и культурного опыта, обретаемого во взаимодействии с новыми социальными посредниками. Одним из проявлений таких изменений в современном обществе является выход за пределы ролевых рамок, традиционно связанных с аскриптивными характеристиками. Отношение к труду, выбор карьерных ориентаций, определение места труда в их жизни — предмет их личного выбора, избавленного от обязательной гендерной привязки. Это не означает, что гендер полностью перестает влиять на распределение власти и влияния в обществе, но ожидания и притязания современных молодых людей линейно не связаны с их полом. Они все отчетливее являются основой вариативного жизненного выбора молодых женщин и мужчин. И хотя жизненные притязания могут нести на себе отпечатки соответствующего гендерного опыта социализации, существует установка на выход за пределы гендерных границ и свободу от традиционной гендерной предопределенности. Сама дискуссия об этом влияет на самосознание молодых людей, их восприятие себя и своих возможностей, легитимизирует расширение социальных притязаний и тем самым уже влияет на смысложизненный выбор вне традиционных гендерных стереотипов.

Особенно это касается молодых женщин и наиболее ярко проявляется в сфере экономических отношений.

Анализируя эти процессы, Г. Г. Силласте подчеркивает, что современные динамично меняющиеся общества «отмечены замещением норм старого гендерного порядка новыми нормами в самой подвижной сфере экономического развития — на рынке труда... Особое место в анализе непростого и противоречивого процесса эволюционного замещения гендерного порядка-XX порядком-XXI занимают способы производства, воспроизводства и распространения новых ценностей и моделей поведения, которые развиваются во всех без исключения сферах деятельности: от экономической до семейно-бытовой» [Силласте, 2020: 40].

Социогендерные общности — женская и мужская — рассматриваются Г. Г. Силласте в качестве носителей гендерных ресурсов. «Через реализацию своих способностей и возможностей в форме разных действий и моделей поведения они способны создавать как интеллектуальные, информационные, духовно-культурные — в целом гуманитарные ценности общества, так и ценности материальные, которые образуют достойные государства и материализуются в его экономике» [Силласте, 2020: 44]. «Как основные трудовые ресурсы, гендерные ресурсы представляют собой часть женского и мужского населения, обладающего необходимым физическим развитием, умственными способностями, общеобразовательными и профессиональными знаниями, навыками и практическим опытом реализации себя в различных сферах общественно полезного труда. Эти гендерные ресурсы принципиально отличаются от всех других видов экономических ресурсов, так как являются фактором общественного производства и развития. В определенной мере гендерные трудовые ресурсы связаны и с развитием гендерной экономики, предметом которой выступает гендерный фактор экономического развития и его влияние на экономику» [Силласте, 2020: 45]. В этой связи рассмотрение отношения к труду и формирование образа труда в группе женщин и в группе мужчин показывает качество этих ресурсов, а способы саморегуляции отражают разные представления о реальности и смысложизненный выбор.

Итак, изменение гендерного порядка и конструирование гендера отражает, во-первых, более общие процессы реформирования «системы взаимосвязанных социальных институтов и норм, определяющих социально-статусное положение граждан, конкретных групп населения и социальные отношения между членами общества...» [Силласте, 2020: 43], а во-вторых, деятельностный характер отбора и усвоения опыта, и находит продолжение в создании субъектами любых структур и правил, в том числе гендерных [Здравомыслова, Темкина, 1998].

Все, что происходит на этом поприще, является результатом индивидуального и группового выбора женщин и мужчин, начиная от самоопределения в области идентичностей и заканчивая саморегуляцией трудовых и профессиональных траекторий, как следствие модернизации и либерализации. Сегодня мы наблюдаем, как изменяется доля молодых женщин, ориентированных на современные смысложизненные ценности и практики, допускающих разнообразие форм занятости, самостоятельно и безотносительно традиционных ролевых представлений определяющих желаемое соотношение (баланс) работы и личной жизни, способов самореализации (в труде, в личной или семейной жизни), определяющих смысловые акценты в своей жизнедеятельности [Зубок и др., 2020;

Зубок, Чупров, 2020; Хасбулатова и др., 2020; Савинская, Лебедева, 2020; Силласте, 2019; Хоткина, 2020; Калабихина, 2017; Балдицына и др., 2019].

В то же время полностью исключить гендерный опыт, обусловленный более глубокими пластами культуры и в той или иной мере влияющий на жизненные стратегии, невозможно. Это в определенной мере объясняет неоднозначные сочетания установок в современном культурном пространстве молодых женщин и мужчин, что обнаруживается в их смысловых конструкциях.

Труд как пространство жизнедеятельности и смысловая конструкция

Труд остается одной из важнейших сфер жизнедеятельности молодежи. По данным статистики, в 2018 г. примерно каждый пятый трудящийся был молодой человек в возрасте до 29 лет [Хоткина, 2020: 136]. В группе 15—19-летних, включенных в трудовые отношения, — 5,6 %, в группе 20—24-летних — 47,8 %, а в самой старшей — 25—29 лет — 84,3 % [Труд и занятость... , 2019: 24]. Численность работающих молодых мужчин превышает аналогичные показатели среди девушек и женщин и составляет в группе 15—19 лет соответственно 6,4 % против 4,7 %; в группе 20—24 лет — 52,9 и 42,5 %; в группе 25—29 лет — 90,7 и 77,6 % [Труд и занятость... , 2019: 24].

Во взаимодействии с другими молодые люди познают условия и отношения в сфере труда во всем их многообразии. Процесс познания сопровождается осознанием его смысла и включением в структуру мотивации. Ожидание возможности реализовать связанные с трудом потребности, интересы и ценности определяет отношение молодых людей к труду вообще, т. е. как к объекту социальной реальности, а не только как к конкретной работе.

Понимание смысла труда и его назначения в жизни проецируется на базовые характеристики образа труда, содержащиеся в сознании разных групп молодежи. Образ в данном случае «есть не просто отфильтрованная аппаратом человеческого восприятия «объективная», отраженная в сознании, а «идеальный образ, в некотором смысле, первичный по отношению к своему внешнему эмпирическому корреляту» [Пелипенко, 2011].

В различных производственных и жизненных ситуациях, под влиянием группового опыта, разные аспекты труда могут приобретать неодинаковое значение. Они образуют социально-ситуационные характеристики отношения к труду, расширяя его смысл и порождая новые оттенки ценностных установок и стремлений молодежи в этой сфере. Поэтому формирование образа труда — развернутый во времени процесс конструирования и переконструирования его смысла. В этих процессах проявляется и определенная степень преемственности традиционных значений труда, и его изменение под влиянием современных социально-экономических и социокультурных условий. Поскольку в реальном процессе трудовой деятельности переплетается множество интересов молодежи и различных ролевых обязательств, которые молодые люди реализуют в своей повседневной жизни, то и в восприятии труда появляются разные оттенки. Их равнодействующая определяет общую смысловую направленность значения труда для конкретного молодого человека.

В зависимости от смысла, которым наделяется труд и значения, которое ему приписывается, выстраиваются ценностные приоритеты жизнедеятельности молодых людей, реализуемые в сфере труда. В парадигме рациональности М. Вебера эти основания определяют характер свершаемых действий — традиционное и аффективное, ценностно-рациональное и целерациональное [Вебер, 1990]. А в более широком плане они определяют установки в сфере труда.

Целерациональное действие, отмечает В. В. Щербина, четко связано с выгодой и различием целей и средств, а ценностно-рациональное их не разводит, а поступки, совершаемые в рамках этой схемы, рассматривает как самоценные, не ориентируя их на выгоду или успех, но связанные с представлением о долге [Щербина, 2018]. Эти типы существуют в виде коллективных установок на наиболее общие смыслы труда — инструментальные и терминальные.

Традиционные и аффективные действия в большей степени основаны на эмоциональных переживаниях, а не на осмысленном и разумном выборе (аффективное). Также они базируются на привычке, воспроизводящей сложившиеся формы поведения в трудовой сфере. В обоих случаях, отмечает В. В. Щербина, они трактуются как слабоосмысленные и бездумные [Щербина, 2018].

«Предполагаемый смысл» *реального* поведения, пишет М. Вебер о подобных слабоосмысленных действиях, *в подавляющем большинстве сознается смутно или вообще не сознается*. Действующий индивид лишь неопределенно «ощущает» этот смысл, а отнюдь не знает его, «ясно его себе не представляет», в своем поведении он в большинстве случаев руководствуется инстинктом или привычкой. Очень редко люди, а при массово-однородном поведении лишь отдельные индивиды отчетливо осознают его (рациональный или иррациональный) смысл [Вебер, 1990].

Для анализа конструирования образа труда веберовское понимание социального действия имеет значение в соотнесении «традиционного» с понятием «архетип» и «габитус». В первом случае в представлениях о труде выделяются его первообразы, во втором — устойчивые социальные практики.

Исторически образ труда в российском обществе складывался на основе противоречивых смыслов, в которых выявляется и отношение к труду как к безусловной ценности и к средству достижения иных целей, как к добродетели и к тяжкому бременю. Под влиянием православия формировалось представление о труде как единственном справедливом источнике благосостояния [Шанин, 2003: 120], радости и удовольствия от творчества. Мотивация труда как источника прибыли православной этикой была в значительной степени блокирована, но и безусловной ценностью это нравственно-богоугодное дело тоже не является [Шкаратан, 2003: 41]. Посвящение себя труду «до забвения великого дела спасения» расценивается как «недостаток» и проявление «жадности к прибыли». «Труд» отличается по смыслу от «работы». Трудятся по долгу, а работают — по принуждению (обязанности и нужде). Работать может не только человек, но домашнее животное и машина, а труд — прерогатива исключительно человека [Колесов, 2004: 84]. Тяжелый и подневольный труд в трудных климатических условиях, в условиях риска неурожая, труд недооцененный и недоплаченный являлся частью реальности российского общества на протяжении его долгой истории, что зафиксировалось в противоречивом образе труда и сформировало

противоположные смыслы — от «Труд кормит, а лень портит» и «Без труда не вынешь рыбку из пруда» до «Ешь потей, работай — зябни» и «Работа не волк, в лес не убежит». Поэтому, с одной стороны, труд является важным фактором личностного самоопределения молодежи, а с другой — имеет высокое инструментальное значение, соотносимое с вознаграждением.

Современное отношение к труду у молодых женщин и мужчин связано с влиянием новейших представлений о благополучии и успешности, самореализации и личностном самоопределении. А разные смысловые установки регулируют степень, корректируют образ труда и его ценность в сознании молодежи. Рассмотрим, как это происходит в разных гендерных группах, в чем общее и особенное в ценностных аспектах образа труда молодых женщин и мужчин, каковы смысловые основания саморегуляции трудовых отношений гендерных групп и какую роль в этом играет культура.

Методы исследования

Анализ основан на результатах всероссийского социологического исследования, проведенного Центром социологии молодежи ИСПИ ФНИСЦ РАН среди молодежи в возрасте 15—29 лет. Сбор эмпирических данных осуществлен методом личного интервью по месту жительства респондентов в 2017 году по выборке, репрезентативной для населения России в 28 населенных пунктах 7 субъектов РФ. Всего в ходе исследования опрошено 803 человека. Для обеспечения репрезентативности опроса была использована случайная маршрутная выборка для поиска домохозяйств (квартира, дом), в которых отбирался для последующего опроса конкретный респондент, согласно квотному заданию, частично был применен метод «снежный ком» для опроса требуемых респондентов. Для отбора респондентов были рассчитаны половозрастные квоты, репрезентирующие российскую молодежь с учетом региональных особенностей (руководители исследования: д-р социол. наук, проф. Ю. А. Зубок, д-р социол. наук, проф. В. И. Чупров). Опрос проводился Институтом общественного мнения «Квалитас» (руководитель — д-р социол. наук Н. А. Романович, г. Воронеж).

Для определения общего и особенного в смысловом пространстве молодежи и его влияния на конструирование образа труда в гендерных группах были выделены, во-первых, типы культуры. Для этого был применен подход П. А. Сорокина, изложенный в книге «Социокультурная динамика...», но переосмысленный для целей данного исследования (подробнее о типах культуры П. А. Сорокина см.: [Сорокин, 2000; Чупров, 2018; Зубок, Чупров, 2019]). Были выделены базовые типы культуры и соответствующие им смысловые приоритеты, определяющие не только основания жизнедеятельности молодежи, но и направленность ее саморегуляции. К ним отнесены следующие типы: *инновационный* (преобразование действительности, высокая активность, предприимчивость), *гедонистический* (стремление получить от жизни как можно больше удовольствий), *физического развития* (преобразование «себя», культ тела и стандартизация телесности, здоровый образ жизни), *духовный* (активизация духовной жизни вокруг триады культуры человечества: истина — добро — красота), *адаптационный* (необходимость экономить во всем, приспосабливаясь к постоянно изменяющимся условиям) и *моральной аномии* (отрицание моральных

норм, нравственный релятивизм и индивидуализация морали). Индикаторами интенциональности — установок молодежи на тот или иной тип культуры — стали ответы на вопрос о том, насколько респонденты разделяют соответствующие им смыслы.

Во-вторых, смысложизненные ценности — коллективные представления о высших смыслах жизнедеятельности. Их индикаторами выступили такие смыслы, как любовь, спокойная и безбедная жизнь, продолжение себя в будущих поколениях (детях), проявление своей индивидуальности (самореализация), борьба за справедливость и политическая борьба.

В-третьих, архетипические компоненты культуры, содержащиеся в поговорках, отразившие распространенные в российской культуре смыслы и олицетворяющие их образы. Архетипы: *судьбы* («Чему быть — того не миновать»), *добра* («Добро не умрёт, а зло пропадёт»), *совести* («Хоть мошна пуста, да совесть чиста»), *вины* («Послушание — добродетель, непослушание — грех»), *правоты власти* («Где царь — тут и правда»), *славы* («Бессмертен тот, кто славу добрую при жизни обретёт»), *спасителя* («Сколько нечисть ни тешится, а придёт добрый молодец и сокрушит нечестивца»), *идеализации прошлого* («Почитай старое, обретаешь новое»).

Ценностные составляющие образа труда — терминальные и инструментальные — раскрывались в ответах респондентов на вопрос «В чем для Вас смысл труда?». Труд как терминальная, т. е. безусловная ценность определяется следующими смысловыми значениями: *ощущением своей полезности, внутренней потребностью, творчеством*, с которыми связываются профессиональные ожидания. А инструментальная ценность — *возможностью заработать, вынужденной необходимостью и общением*, определяющими направленность жизнедеятельности в этой сфере.

Исходя из методологического принципа конструирования гендера, принадлежность к той или иной гендерной группе определялась на основе самоидентификации респондентов. Для анализа были отобраны две группы, самостоятельно определившие свой пол.

Гендерные различия смыслового пространства молодежи

Для общего понимания структуры смыслового пространства и его доминант рассмотрим, как распределились выделенные культурные типы и соответствующие им устремления по гендерным группам.

Как видно из таблицы 1, три типа культуры и содержащиеся в них смысловые приоритеты имеют одинаковое ранговое значение, в обеих группах — это доминирующие у современной молодежи *инновационная культура, культура физического развития и гедонистическая*. Два из них — *инновационная и физического развития* — имеют равное долевое представительство в обеих группах. Одинаковое значение у женщин и мужчин имеет и *духовная культура*, держащая в обеих группах уровень даже чуть выше, чем в целом по молодежи. Указанные типы в полной мере могут быть названы общим основанием культурного пространства молодежи, независимо от гендерной самоидентификации.

Таблица 1

Гендерные различия в типологии культуры, %

Тип культуры	Разделяют в полной мере		Разделяют не полностью		В целом по молодежи	
	Ж	М	Ж	М	Разделяют в полной мере	Разделяют не полностью
Инновационная (ориентация на новизну)	40,5	40,4	47,5	47,4	40,6	47,4
Физического развития (физическое преобразование себя в соответствии со стандартами современного мира)	38,3	38,4	49,4	41,2	38,4	45,3
Гедонистическая (ориентация на удовольствия, впечатления)	35,9	39,9	42,0	40,7	37,9	41,3
Духовная (духовное преобразование себя в соответствии с высшими смыслами «добра» и «зла»)	25,1	25,2	50,9	49,7	23,2	50,3
Адаптационная (приспособление к изменяющимся условиям путем сбережения минимума)	22,4	19,2	58,0	55,8	20,8	56,5
Моральной аномии (отказ от норм, моральная амбивалентность, и пластичность)	19,7	23,2	39,8	42,4	21,4	41,1

Однако анализ различий в идентификации с выделенными типами показал не только сходство, но и заметное расхождение в молодежной среде. Оно заключается в том, что среди молодых женщин ниже показатель *гедонистической культуры* и *моральной аномии*, но выше *адаптационной*. Типология культуры и соответствующих ей смысловых интенций в женской гендерной группе выстраивается в следующем порядке: *инновационная, культура физического развития, гедонистическая, духовная, адаптационная, моральной аномии*. А в мужской — *инновационная*; практически совпавшие в своем значении *культуры гедонистическая и физического развития*; *культура моральной аномии, духовная, адаптационная*.

Как видно, в культурном пространстве гендерных групп проявилась смысловая основа как традиционной, так и современной культуры. Еще более выражена эта дихотомия в структуре смысложизненных ценностей молодежи (табл. 2).

В структуре смысложизненных ценностей молодежи в целом выстраивается очевидная иерархия, на вершине которой находятся три базовые ценности: любовь, спокойная безбедная жизнь, проявление своей индивидуальности (самореализация). Если с точки зрения отражения этих смыслов в культурных традициях любовь и спокойная безбедная жизнь еще могут быть интерпретированы и как традиционная ценность, и как современная, то самореализация и проявление индивидуальности являются следствием интериоризации женщинами современных представлений, переосмысления ролевых структур и на их основе гендерного контакта.

Таблица 2

Смысложизненные ценности в гендерном разрезе, %*

Смысложизненные ценности	Женщины	Ранг	Мужчины	Ранг	Молодежь в целом	Ранг
Любовь	69,5	1	46,0	1	58,0	1
Спокойная безбедная жизнь	40,5	2	43,7	2	42,2	2
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	39,3	3	34,8	3	37,1	3
Продолжение себя в будущих поколениях	29,2	4	33,8	4	31,5	4
Стремление к истине	26,0	5	29,3	5	27,6	5
Борьба за справедливость	18,4	6	23,7	6	21,0	6
Политическая борьба (за власть)	4,4	7	3,5	7	4,0	7

* Больше 100 %, так как допускалось несколько вариантов ответа.

Ранговые значения смысловых ценностей среди молодых женщин не отличаются от выявленных среди молодых мужчин, чего нельзя сказать о степени их выраженности. Наибольшие различия отмечены по четырем смысловым ценностям: в связи с опережающим ростом значения ценности любви (в 1,8 раза выше среди женщин), самореализации (39,3 против 34,8 % у мужчин). А также снижением по сравнению с мужчинами значения социальной справедливости (18,4 против 23,7 %) и традиционно приписываемой женщине ценности продолжения себя в будущих поколениях (29,2 против 33,8 %). Показатель ориентации на детей как смысл жизни у женщин ниже не только по сравнению с мужчинами, но и со средним показателем по молодежи. Налицо дестрадиционализация сознания современных молодых россиянок и укрепление в их среде современных смысловых ценностей. В сочетании с преобладающими типами культуры это свидетельствует о формировании современной структуры жизнедеятельности и вызова традиционной.

Распределение архетипических установок по группам, содержащееся в таблице 3, показывает сходства и различия в базовых основаниях культуры женщин и мужчин.

Таблица 3

Связь гендерных характеристик с архетипами, %

Гендерная характеристика	Связь с архетипами							
	судьбы	добра	совести	правоты власти	вины	славы	спасителя	идеализации прошлого
Женщины	72,2	60,9	62,4	24,6	45,9	57,7	53,6	74,4
Мужчины	64,9	56,1	58,8	30,1	40,9	59,1	52,0	71,7

В обеих группах с незначительной разницей превалирует архетип идеализации прошлого как бессознательная установка на обращение к историческим образам как критериям оценки настоящего (74,4 % среди женщин и 71,7 —

среди мужчин). Данный архетип является доминирующим в коллективном бессознательном россиян.

В женской гендерной группе столь же сильно проявляется архетип судьбы, который в мужской группе, хотя и занимает вторую ранговую позицию, но проявляется на 8 % реже. Значимую роль в оценках реальности среди женщин играют архетипы совести (62,4 %) и добра (60,9), которые в образах реальности молодых мужчин проявляются несколько меньше. А такие архетипические образы, как спаситель и слава, имеют более схожие значения в обеих группах.

Достаточно высокое значение (хотя и меньше половины в каждой группе) имеют смыслы, связанные с архетипом вины. При этом среди молодых женщин эта доля выше (45,9 и 40,9 % соответственно). Наименее выраженным, хотя и достаточно заметным, оказался архетип правоты власти, характерный для смысловой матрицы каждой третьей из молодых женщин и каждого четвертого из мужчин. Смысловые архетипические образы прошлого, судьбы, добра и совести среди женщин выражены сильнее, чем среди мужчин.

Итак, исследование показывает высокие значения смысловых компонентов в культурном пространстве молодежи. Рассмотрим их регулятивное влияние на образ труда в гендерных группах.

Гендерные различия в образе труда

Ценностная составляющая образа труда позволяет выявить смысловую направленность саморегуляции трудовых отношений молодых женщин и мужчин, а анализ соотношения терминальных и инструментальных ценностей и особенно их связь с типами культуры, смысложизненными ценностями и архетипами показывает, насколько в жизнедеятельности молодежи укрепились разные смысловые проекции труда — традиционные и современные (табл. 4).

Таблица 4

Ценности труда в гендерных группах молодежи, %

Гендерная группа	Терминальные			Инструментальные			Терминальная ценность	Инструментальная ценность
	Ощущение своей полезности	Внутренняя потребность	Творчество	Возможность заработать	Вынужденная необходимость	Общение		
Женщины	19,9	8,2	5,6	56,1	8,2	2,0	33,7	66,3
Мужчины	22,0	6,3	1,0	66,3	2,9	1,5	29,3	70,7
Молодежь в целом	—	—	—	—	—	—	39,7	60,3

Как видно из таблицы 4, инструментальная ценность труда у молодежи превалирует над терминальной ценностью. Следовательно, две трети молодежи рассматривают труд как средство. В то же время, уровень терминального отношения к труду в условиях всеобщего прагматизма остается достаточно высоким (почти 40 %).

И без того высокая инструментализация труда среди молодых мужчин (70,7 %) выражена сильнее, чем у женщин (66,3) и еще сильнее, чем в среднем по молодежи (разница 10 %). А терминальная ценность — слабее, чем у женщин на 5,4 % (29,3 против 33,7 %) и на те же 10 % слабее, чем в общем распределении. Разрыв между самооценным и целерациональным отношением к труду в женской гендерной группе составляет почти 2 раза, а в мужской — 2,4 раза.

Для более детального анализа смысловых оснований саморегуляции в сфере труда рассмотрим связь ценности труда с типологией культуры и смысло-жизненными ценностями в гендерных группах (табл. 5).

Таблица 5

Связь типов культуры с ценностью труда, %

Тип культуры	Терминальная ценность		Инструментальная ценность	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Духовная культура	52,0	41,7	48,0	58,3
Инновационная культура	45,4	36,2	54,6	63,8
Гедонистическая культура	46,6	30,4	53,4	69,6
Культура моральной аномии	46,2	31,5	53,8	68,5
Культура физического развития	51,3	37,6	48,7	62,4
Адаптационная культура	41,8	18,3	58,2	81,7

Анализ связи разделяемых типов базовой культуры с ценностью труда — терминальной и инструментальной — показывает существенные различия в установках гендерных групп. У женщин проявляется наибольшая связь терминальной ценности труда с духовной культурой (52 %) и культурой физического развития (51,3 %); меньшая — с инновационной, гедонистической и моральной аномии (соответственно 45,4, 46,6 и 46,2 %). А рост инструментальной ценности труда у женщин отмечен во взаимосвязи с адаптационной (58,2 %), чуть меньше — с культурой инновационной (54,6 %), гедонистической (53,4 %) и моральной аномии (53,8 %). У каждой второй молодой женщины инструментализация труда имеет связь с духовной культурой и культурой физического развития (48 и 48,7 %).

У мужчин инструментализация труда превалирует над его терминальным смыслом. В большей степени на это влияет адаптационная культура — 81,7 %, что в 1,4 раза чаще, чем среди женщин. В сравнении с аналогичным показателем среди женщин гедонистическая культура повышает инструментальную ценность труда в мужской группе на 16 %, культура моральной аномии — на 14,7, физического развития — на 13,7, духовная — на 10,3, инновационная — на 9,2 %. Рассмотрим, какова связь отношения к труду со смысло-жизненными ценностями.

Таблица 6

Связь смысложизненных ценностей с ценностью труда, %

Смысл жизни	Терминальная ценность		Инструментальная ценность	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Стремление к истине	65,1	44,0	34,9	56,0
Любовь	50,7	36,2	49,3	63,8
Борьба за справедливость	56,0	45,8	44,0	54,2
Спокойная безбедная жизнь	40,9	26,6	59,1	73,4
Политическая борьба (за власть)	33,4	21,4	66,6	78,6
Проявление своей индивидуальности (самореализация)	49,4	44,2	50,6	55,8
Продолжение себя в будущих поколениях	39,5	38,1	60,5	61,9

Как показывают данные таблицы 6, под влиянием смысложизненных ценностей терминальное отношение к труду среди женщин продолжает укрепляться значительно сильнее, чем среди мужчин, а инструментальное во всех случаях оказывается ниже. Исключение составляет ценность *продолжения себя в детях*, которая реализуется преимущественно в инструментализации труда и распределяется у женщин и у мужчин практически в равных долях: терминальное отношение присуще 39,5 у женщин и 38,1 % у мужчин; инструментальное — 60,5 у женщин и 61,9 % у мужчин. При этом заметна более высокая реактивность инструментальной ценности труда. Ее изменение происходит под влиянием большего числа жизненных смыслов.

Рост самоценного отношения к труду у молодых женщин, в сравнении с мужчинами, особенно заметен в связи со следующими смыслами: *стремлением к истине* (65,1 %), *борьбой за справедливость* (56,0); *любовью* (50); *проявлением своей индивидуальности, самореализацией* (49,4 %). А усиление инструментальной ориентацией — с *политической борьбой и борьбой за власть* (66,6 %); *продолжением себя в будущих поколениях* (60,5 %); *спокойной безбедной жизнью* — 59,1 %.

Некоторые смысложизненные ценности и вовсе амбивалентны и одинаково формируют как терминальное, так и инструментальное отношение к труду. Таким двойственным значением у женщин отличаются *любовь* и *самореализация*, в отличие от мужчин, у которых эти же стремления конвертируются в противоположное отношение к труду как средству.

В мужской группе те же смысловые ориентации реализуются в инструментализации. Особенно это касается ценности *борьбы за власть* (78,6 %), *спокойной и безбедной жизни* (73,4), *любви* (63,8). Но и другие смыслы — *стремление к истине, справедливости и самореализация* — также связаны с проявлением рационализации трудовых отношений.

Различия в восприятии труда проявляются на уровне базовых составляющих его образа. Об этом говорит связь ценности труда и смысловых характеристик культурного пространства, отраженных в архетипах (табл. 7).

Таблица 7

Связь архетипов с ценностью труда в гендерных группах, %

Архетип	Ощущение своей полезности		Возможность заработать		Внутренняя потребность		Вынужденная необходимость		Творчество		Общение		Терминальная ценность		Инструментальная ценность	
	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М	Ж	М
Судьбы	31,0	26,1	43,2	56,4	7,8	3,5	7,8	7,8	7,8	5,1	2,4	1,2	46,6	34,7	53,4	65,3
Добра	31,5	27,5	37,1	55,9	10,9	4,1	8,5	7,2	8,5	5,0	3,6	0,5	50,9	36,6	49,1	63,4
Совести	35,0	26,6	37,8	55,4	10,2	6,0	6,3	8,2	8,7	3,4	2,0	0,4	53,9	36,0	46,1	64,0
Правоты власти	30,0	25,2	39,0	59,7	13,0	1,7	7,0	10,1	6,0	2,5	5,0	0,8	49,0	29,4	51,0	70,6
Вины	30,5	24,7	41,2	59,3	9,6	4,3	7,0	7,4	8,0	4,3	3,2	0,0	48,1	33,3	51,9	66,7
Славы	31,1	25,2	40,0	54,7	9,8	6,0	7,2	8,1	9,4	5,1	2,6	0,9	50,3	36,3	49,7	63,7
Спасителя	31,7	27,7	40,8	53,9	8,7	4,9	7,8	8,3	8,7	4,9	2,3	0,5	49,1	37,5	50,9	62,5
Идеализации прошлого	30,4	26,4	39,3	54,9	10,9	5,6	7,6	7,7	9,6	4,2	2,3	1,1	50,9	36,2	49,1	63,8
Среднее													49,9	35,0	50,2	65,0

Как видно из таблицы 7, связь архетипов с образом труда по-разному проявляется у женщин и мужчин. Архетипические образы в женском сознании порождают скорее неоднозначное восприятие труда: инструментальные (49,9 %) и терминальные (50,2) ценности проявляются примерно в равных долях. Иными словами, параллельно с самооценным отношением к труду укрепляется и его инструментализация.

В сознании мужчин происходит еще более резкий рост инструментализации и отмечается почти двукратный разрыв между терминальным (35 %) и инструментальным (65 %) отношением к труду.

У женщин терминальная ценность растет под влиянием архетипа совести, а инструментальная — судьбы. У мужчин невысокая терминальная ценность труда в целом достаточно равномерно сопрягается со всеми архетипами, но более всех — с архетипом спасителя (37,5 %), а менее — с архетипом правоты власти (29,4). Инструментальная, наоборот, в первую очередь связана с верой в правоту власти (70,6 %) и меньше всех остальных — с ролью спасителя (62,5).

Наиболее значимым в терминальном отношении к труду и у женщин, и у мужчин является ощущение своей полезности. При этом важность данного аспекта труда для женщин превышает аналогичный показатель среди мужчин. Особенно влиятельным здесь снова является архетип совести (35 % у женщин против 26,6 — у мужчин). А в регуляции образа труда как общественной пользы в группе мужчин значимых различий между действием разных архетипов нет.

В инструментальном отношении к труду в обеих группах доминирует ориентация на заработок. В мужской группе этот показатель по своему значению выше, а из всех архетипов больше всего с ним связаны архетипы вины (59,3 %) и правоты власти (59,7).

Выводы

Значение труда в сознании молодежи в целом зависит от понимания его субъективного смысла. На этом основываются базовые составляющие образа труда, восприятие его ценностного значения и роли, которую труд призван сыграть в жизнедеятельности. Ценность труда, сформированная в коллективном сознании, отражается в сознании индивидуальном, определяя направленность саморегуляции жизнедеятельности в этой сфере.

Существуют различия в образе труда, сформировавшемся в сознании молодых женщин и мужчин. Инструментальная ориентация в мужской гендерной группе значительно более выражена, чем в женской. Если в сознании женщин образ труда допускает вариации, то для мужчин труд — преимущественно заработок. В этом смысле труд для них является главным каналом реализации традиционной социальной роли, которая, несмотря на заметные культурные сдвиги, остается в сознании молодых мужчин доминирующей. Поэтому противоречие, возникающее из-за невозможности выполнения этой роли в условиях ничтожной оплаты труда и экономических кризисов, становится причиной не только трудовых деформаций, но и широкого круга социальных и психологических проблем. В отличие от мужчин, женщины находятся в иной позиции. Их сложная ролевая структура и разноплановые обязательства смягчают зависимость от инструментальной составляющей труда, расширяя структуру ожиданий в этой сфере.

В то же время доминантной тенденцией является укрепление современной структуры смысложизненных ценностей у молодых женщин. В женской гендерной группе активно происходит перераспределение ценностей от традиционных (патриархальных), связанных с продолжением себя в детях, к современным смысложизненным ценностям, восходящим к самореализации. Следствием этого является переосмысление ожиданий от труда, отражающих изменения в представлении о труде как способе индивидуальной самореализации и источнике безбедной жизни.

Механизм формирования и саморегуляции образа труда в разных гендерных группах различается. Связь типов культуры, архетипов и смысложизненных ценностей с представлениями о труде показывает существенные различия смысловых оснований саморегуляции у молодых женщин и мужчин. Если у женщин в большинстве случаев самоценное восприятие труда выше, либо сохраняется наравне с его инструментализацией, то у мужчин под влиянием любых условий инструментализация возрастает и существенно доминирует над терминальным смыслом труда.

При этом общим является инструменталистское влияние адаптационной культуры на саморегуляцию в сфере труда, независимо от гендера. Экономия и адаптация в условиях изменяющейся реальности является триггером расширения пространства инструментализации труда. Саморегуляция труда в этих условиях полностью зависит от его способности поддерживать ожидаемый уровень жизни молодежи. А это в условиях кризиса становится все более неопределенным.

Библиографический список

- Балдицына Е. И., Бакланов И. С., Бакланова О. А. Особенности исследования гендерной идентичности в современной социальной теории // *Женщина в российском обществе*. 2019. № 2. С. 43—51.
- Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности / пер. с англ. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
- Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
- Гуткина И. М. Культурное пространство: проблемы и перспективы изучения // *Философия и современность*. Саратов: Научная книга, 2003. С. 79—87.
- Замятин Д. Н. Геокультура: образ и его интерпретации // *Социологический журнал*. 2002. № 2. С. 5—12.
- Замятин Д. Н. Моделирование географических образов. М.: Знак, 2006. 488 с.
- Здравомыслова Е. А., Темкина А. А. Социальное конструирование гендера // *Социологический журнал*. 1998. № 3—4. С. 171—182.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности. М.: Норма, 2020. 304 с.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи // *Вестник Института социологии*. 2019. Т. 10, № 4. С. 164—186.
- Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В. Молодые женщины: социокультурная саморегуляция жизнедеятельности в сфере труда // *Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием*. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 15—19.
- Калабихина И. Е. Почему нельзя откладывать деятельность по вовлечению женщин в STEM-отрасли в современной России // *Навстречу будущему. Прогнозирование в социологических исследованиях: материалы VII Международной социологической Грушинской конференции*. М.: ВЦИОМ, 2017. С. 372—374.
- Колесов В. В. Язык и ментальность. СПб.: Петербург. востоковедение, 2004. 237 с.
- Конев В. А. Онтологические особенности мира человека. Самара: Самар. ун-т, 2003. 72 с.
- Леонтьев Д. А. Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт // *Мир психологии*. 2014. № 1. С. 104—117.
- Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 700 с.
- Пелипенко А. А. Рождение смысла // *Мир психологии*. 2001. № 2. С. 48—58.
- Пелипенко А. А. Человек между природой и культурой // *Вопросы социальной теории: научный альманах / под ред. Ю. М. Резника, М. В. Тлостановой*. М., 2011. Т. 5: Человек в изменяющемся мире: проблемы. С. 344—371.
- Преснякова Л. В. Понятие «Культурное пространство» в работах современных российских исследователей // *Вестник Российского государственного гуманитарного университета*. Сер.: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2013. № 7. С. 56—64.

- Савинская О. Б., Лебедева Н. В. Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 62—75.
- Силласте Г. Г. Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 38—51.
- Силласте Г. Г. Социальные транзиции и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 4—13.
- Сорокин П. А. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб.: Рус. христ. гуманит. ин-т, 2000. С. 40—65.
- Степин В. С. Цивилизация и культура. СПб.: Санкт-Петербург. гуманит. ун-т профсоюзов, 2011. 408 с.
- Тишков В. А. Культурный смысл пространства // Этнографическое обозрение. 2004. № 1. С. 14—31.
- Труд и занятость в России, 2019: статистический сборник / Росстат. М., 2019. 135 с.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н., Ростовская Т. К. Технологическая гендерная сегрегация на рынке труда в экономике XXI века: направления исследования // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 9—14.
- Хоткина З. А. Актуальные вызовы рынка труда и их гендерные последствия для занятости // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 2. С. 136—148.
- Чупров В. И. Саморегуляция жизнедеятельности молодежи в культурном пространстве: концепция социокультурного механизма // Гуманитарий Юга России. 2018. Т. 7, № 4. С. 14—19.
- Чупров В. И., Зубок Ю. А., Романович Н. А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. 352 с.
- Шанин Т. Обычное право в крестьянском сообществе // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 135—149.
- Шелер М. Проблемы социологии знания. М.: Ин-т. общегуманит. исслед. 2016. 306 с.
- Шкаратан О. И. Русская культура труда и управления // Общественные науки и современность. 2003. № 1. С. 41.
- Шюц А. Структура повседневного мышления // Социологические исследования. 1988. № 2. С. 129—137.
- Щербина В. В. Теоретико-методологические основания рационализации управленческой деятельности: к разработке программы реформирования отечественной системы управления // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 4. С. 164—174.
- Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного // Вопросы философии. 1988. № 1. С. 124—133.

References

- Balditsyna, E. I., Baklanov, I. S., Baklanova, O. A. (2019) Osobennosti issledovaniia gendernoĭ identichnosti v sovremennoĭ sotsial'noĭ teorii [Features of gender identity research in modern social theory], *Zhenshchina v rossiĭskom obshchestve*, no. 2, pp. 43—51.
- Berger, P., Lukman, T. (1995) *Sotsial'noe konstruirovaniie real'nosti* [Social construction of reality], Moscow: Medium.

- Chuprov, V. I. (2018) Samoregulatsiia zhiznedeiatel'nosti molodēzhi v kul'turnom prostranstve: kontsepsiia sotsiokul'turnogo mekhanizma [Self-regulation of youth life in the cultural space: the concept of socio-cultural mechanism], *Gumanitarii Iuga Rossii*, vol. 7, no. 4, pp. 14—19.
- Chuprov, V. I., Zubok, Iu. A., Romanovich, N. A. (2014) *Otnoshenie k sotsial'noī real'nosti v rossiiskom obshchestve: sotsiokul'turnyī mekhanizm formirovaniia i vosproizvodstva* [Attitude to social reality in Russian society: socio-cultural mechanism of formation and reproduction], Moscow: Norma: INFRA-M.
- Gutkina, I. M. (2003) Kul'turnoe prostranstvo: problemy i perspektivy izucheniia [Cultural space: problems and prospects of studying], in: *Filosofiia i sovremennost'*, Saratov: Nauchnaia kniga, pp. 79—87.
- Iung, K. G. (1988) Ob arkhētīpakh kollektivnogo bessoznatel'nogo [On the archetypes of the collective unconscious], *Voprosy filosofii*, no. 1, pp. 124—133.
- Kalabikhina, I. E. (2017) Pochemu nel'zia otkladyvat' deiatel'nost' po vovlecheniiu zhenshchin v STEM-otrasli v sovremennoī Rossii [Why it is impossible to postpone the involvement of women in the STEAM industry in modern Russia], in: *Navstrechu budushchemu: Prognozirovanie v sotsiologicheskikh issledovaniakh: Materialy VII Mezhdunarodnoī sotsiologicheskoi Grushinskoī konferentsii*, Moscow: Vserossiiskī tsentr izucheniia obshchestvennogo mneniia, pp. 372—374.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N., Rostovskaia, T. K. (2020) Tekhnologicheskaiia gendernaia segregatsiia na rynke truda v ēkonomike XXI veka: napravleniia issledovaniia [Technological gender segregation in the labor market in the economy of the XXI century: research directions], *Zhenshchiny v professiiakh XXI veka: tendentsii, problemy, perspektivy*, Ivanovo: Ivanovskī gosudarstvennyī universitet, pp. 9—14.
- Khotkina, Z. A. (2020) Aktual'nye vyzovy rynka truda i ikh gendernye posledstviia dlia zaniatosti [Current labour market challenges and their gender implications for employment], *Narodonaselenie*, vol. 23, no. 2, pp. 136—148.
- Kolesov, V. V. (2004) *Iazyk i mental'nost'* [The language and mentality], St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie.
- Konev, V. A. (2003) *Ontologicheskie osobennosti mira cheloveka* [Ontological features of the human world], Samara: Samarskī universitet.
- Leont'ev, D. A. (2014) Smysloobrazovanie i ego konteksty: zhizn', struktura, kul'tura, opyt [Meaning formation and its contexts: life, structure, culture, experience], *Mir psikhologii*, no. 1, pp. 104—117.
- Mankheim, K. (1994) *Diagnoz nashego vremeni* [Diagnosis of our time], Moscow: Iurist.
- Pelipenko, A. A. (2001) Rozhdenie smysla [The birth of meaning], *Mir psikhologii*, no. 2, pp. 48—58.
- Pelipenko, A. A. (2011) Chelovek mezhdū prirodoī i kul'turoī [Man between nature and culture], *Voprosy sotsial'noi teorii: Nauchnyī al'manakh*, vol. 5: Chelovek v izmeniaiushchemsia mire: problemy identichnosti, Moscow, pp. 344—371.
- Presniakova, L. V. (2013) Poniatie "kul'turnoe prostranstvo" v rabotakh sovremennykh rossiiskikh issledovatelei [The concept of "cultural space" in the works of modern Russian researchers], *Vestnik Rossiiskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*, seriia Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia, no. 7, pp. 56—64.
- Savinskaia, O. B., Lebedeva, N. V. (2020) Pochemu zhenshchiny ukhodiat iz STEM: rol' stereotipov [Why women leave STEAM: the role of stereotypes], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 62—75.
- Shanin, T. (2003) Obychnoe pravo v krest'ianskom soobshchestve [Customary law in the peasant community], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, pp. 135—149.

- Shcherbina, V. V. (2018) Teoretiko-metodologicheskie osnovaniia ratsionalizatsii upravlencheskoĭ deiatel'nosti: k razrabotke programmy reformirovaniia otechestvennoĭ sistemy upravleniia [Theoretical and methodological grounds for rationalization of management activities: to develop a program for reforming the national management system], *Nauchnyĭ rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie*, vol. 4, no. 4, pp. 164—174.
- Sheler, M. (2016) *Problemy sotsiologii znaniia* [Problems of the sociology of knowledge], Moscow: Institut obshchegumanitarnykh issledovaniĭ.
- Shiuts, A. (1988) Struktura povsednevnogo myshleniia [Structure of everyday thinking], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 2, pp. 129—137.
- Shkaratan, O. I. (2003) Russkaia kul'tura truda i upravleniia [Russian culture of work and management], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 1, p. 41.
- Sillaste, G. G. (2019) Sotsial'nye tranzitsii i formirovanie novogo gendernogo poriadka [Social transitions and the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 4—13.
- Sillaste, G. G. (2020) Rynok truda, zaniatosti i professii kak ekonomicheskoe prostranstvo formirovaniia novogo gendernogo poriadka [The labor market, employment and professions as an economic space for the formation of a new gender order], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 38—51.
- Sorokin, P. A. (2000) *Sotsial'naia i kul'turnaia dinamika: Issledovanie izmenenii v bol'shikh sistemakh iskusstva, istiny, etiki, prava i obshchestvennykh otnoshenii* [Social and cultural dynamics: Research on changes in large systems of art, truth, ethics, law, and social relations], St. Petersburg: Russkii khristianskii gumanitarnyi institut, pp. 40—65.
- Stepin, V. S. (2011) *Tsivilizatsiia i kul'tura* [Civilization and culture], St. Petersburg: Sankt-Peterburgskii gumanitarnyi universitet profsoiuzov.
- Tishkov, V. A. (2004) Kul'turnyi smysl prostranstva [Cultural meaning of space], *Etnograficheskoe obozrenie*, no. 1, pp. 14—31.
- Veber, M. (1990) *Izbrannye proizvedeniia* [Selected works], Moscow: Progress.
- Zamiatin, D. N. (2002) Geokul'tura: obraz i ego interpretatsii [Geoculture: the image and its interpretation], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 2, pp. 5—12.
- Zamiatin, D. N. (2006) *Modelirovanie geograficheskikh obrazov* [Modeling geographical images], Moscow: Znak.
- Zdravomyslova, E. A., Temkina, A. A. (1998) Sotsial'noe konstruirovaniie gendera [Social construction of gender], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 3—4, pp. 171—182.
- Zubok, Iu. A. Chuprov, V. I. (2020) *Molodezh' v kul'turnom prostranstve: samoregulatsiia zhiznedeiatel'nosti* [Youth in the cultural space: self-regulation of life], Moscow: Norma.
- Zubok, Iu. A., Chuprov, V. I. (2019) Samoregulatsiia smyslozhiznennykh tsennostei v kul'turnom prostranstve molodēzhi [Self-regulation of life-meaning values in the cultural space of young people], *Vestnik Instituta sotsiologii*, vol. 10, no. 4, pp. 164—186.
- Zubok, Iu. A., Chuprov, V. I., Sorokin, O. V. (2020) Molodye zhenshchiny: sotsiokul'turnaia samoregulatsiia zhiznedeiatel'nosti v sfere truda [Young women: socio-cultural self-regulation of life in the field of work], in: *Zhenshchiny v professiiakh XXI veka: tendentsii, problemy, perspektivy*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 15—19.

Информация об авторах / Information about the authors

Зубок Юлия Альбертовна — доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, uzubok@mail.ru. (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Head of Youth Sociology Centre, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Чупров Владимир Ильич — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, chuprov443@yandex.ru. (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Chief Researcher of Youth Sociology Centre, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Сорокин Олег Владимирович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Центра социологии молодежи, Институт социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, ov.sorokin@gmail.com. (Cand. Sc. (Sociology), Senior Researcher of Youth Sociology Centre, Institute of Socio-Political Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 60—76
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.4

Женщина в российском обществе
2021. Специальный выпуск. С. 60—76
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.4

ГЕНДЕРНАЯ АСИММЕТРИЯ ТРУДА: РЕГИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ (Результаты эмпирического исследования)

В. А. Гневашева^a, Ч. И. Ильдарханова^b

^a Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, vera_cos@ Rambler.ru

^b Центр семьи и демографии, Академия наук Республики Татарстан,
г. Казань, Россия

Трудовое поведение женщин выступает фактором демографического самоопределения, а значит, неразрывно связано с формированием будущего рынка труда как количественно, так и качественно. Современные теоретические, эмпирические, методологические подходы изучения женской занятости сталкиваются с необходимостью оценки значимого явления гендерной асимметрии труда. Важность данной проблематики подчеркивается большим количеством проводимых на международном уровне исследований по изучению дискриминации на рынке труда, качества занятости женщин, оценок достойного труда, аспектов профессиональной сегрегации. Актуальная статистическая база требует более детального, с одной стороны, а с другой — более комплексного, инклюзивного рассмотрения вопросов занятости женщин, особенностей формирующихся тенденций их трудового поведения, особенно в контексте рассмотрения данного социально-экономического явления как фактора демографического самоопределения. В статье в сравнении с общей ситуацией и общемировыми тенденциями на рынке труда представлены результаты эмпирического анализа диспропорций на региональном рынке труда Приволжского федерального округа в целом и в Республике Татарстан, в частности.

Ключевые слова: гендерная асимметрия, рынок труда, профессиональная сегрегация, демографическое самоопределение, эмпирическое исследование, Приволжский федеральный округ, Республика Татарстан.

GENDER LABOR ASYMMETRY: REGIONAL DIMENSION (Empirical research)

V. A. Gnevasheva^a, Ch. I. Ildarhanova^b

^a Institute for Demographical Research, Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, vera_cos@rambler.ru

^b Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation

Women's labor behavior is a factor in demographic self-determination, which means it is inextricably linked with the formation of the future labor market, both quantitatively and qualitatively. Modern theoretical, empirical, methodological approaches to the study of female employment are faced with the need to assess the significant phenomenon of gender asymmetry of labor. The importance of this issue is underlined by the multitude of studies conducted at the international level on the study of discrimination in the labor market, the quality of women's employment, decent work assessments, and aspects of professional segregation. The current statistical base requires a more detailed, on the one hand, and, on the other hand, a more comprehensive, inclusive consideration of women's employment issues, especially the emerging trends in their labor behavior, especially in the context of considering this socio-economic phenomenon as a factor of demographic self-determination. The article presents the results of an empirical analysis of imbalances in the regional labor market of the Volga Federal District as a whole in comparison with the general situation and global trends in the labor market and the Republic of Tatarstan in particular.

Key words: gender asymmetry, labor market, professional segregation, demographic self-determination, empirical research, Volga Federal District, Republic of Tatarstan.

Введение

Современные показатели социально-экономического положения населения свидетельствуют о проблемах, связанных с существованием гендерной асимметрии в сфере труда.

В последние годы международные организации обратили особенное внимание на проблемы женской занятости и социальной защищенности в свете необходимости снижения гендерной сегрегации и дискриминации в вопросах труда и занятости.

Как следует из доклада Международной организации труда (МОТ), исходя из общего стремления участников МОТ к достижению гендерного равенства, была предпринята инициатива проанализировать статус и положение работающих женщин и выявить инновационные решения, способные придать новый импульс усилиям МОТ в сфере преодоления гендерного неравенства и дискриминации.

Данная инициатива является, по словам Г. Райдера, генерального директора МОТ, ключевым механизмом реализации программы преобразований в рамках Повестки дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., принятой Организацией Объединенных Наций в 2015 г.

В среднем гендерный разрыв по оценкам ряда исследователей составляет 2,5 часа в сутки, а в России этот показатель равен 3,5 часа [Лаврова, 2018]. Ос-

новная причина выделения женщин в особую категорию, нуждающуюся в большей социальной поддержке, связана с их способностью к деторождению, которая, обеспечивая продолжение рода, является основанием жизнеспособности того или иного социума [Женская безработица... , 2020].

Методологическая база представлена исследовательскими работами и методологическими подходами с позиции неоклассической теории; марксистской политической экономии и близких к ней направлений (неомарксизм, радикальный и социалистический феминизм); институциональной экономики.

В частности, в исследовании применяются методологические подходы, изложенные в теории Г. Беккера (неоклассическая школа, интерпретирующая заключение брака по аналогии с созданием фирмы); Т. Веблена (институциональный подход: эволюция экономической роли женщин в истории); современных феминистических исследователей, как то: Х. Хартмана [Hartmann, 1976; Установлено, что... , 2020] (определяет, что капиталистическое общество ценит только труд, создающий блага, обладающие рыночной стоимостью, и не оценивает труд, создающий блага, стоимость которых не может быть установлена рыночным путем (воспитание детей), Дж. Митчел, Кр. Дельфи [Delphy, 1984] (теория «семейного способа производства», где основной источник эксплуатации женщин коренится в семье).

Интересен в этой связи подход структурного функционализма (Э. Дюркгейм [Дюркгейм, 1996], Т. Парсонс [Парсонс, 2006]), определившего характер разделения труда на базе половых ролей, детерминировав понятие конъюгальной солидарности.

В XX веке среди отечественных ученых свой вклад в развитие данного направления внесли М. М. Малышева [Малышева, 2001], Э. Е. Новикова [Новикова, 1978] и др.

В последние десятилетия в России получила новое развитие проблематика гендерной асимметрии в различных экономических сферах, многочисленным аспектам которой посвящены исследования С. Ашвина, И. В. Багровой, М. Баратовой, М. Е. Баскаковой, Г. Васильевой, Т. Ю. Журженко, И. К. Заславского, Н. В. Зверевой, И. Е. Калабихиной, Р. Г. Касимовой, А. Комлева, С. Кузнецовой, М. И. Либоракиной, Е. В. Машуковой и др.

Региональный аспект изучения данной проблематики представлен в рамках общих статистических подходов, предложенных Министерством труда, занятости и социальной защиты Республики Татарстан в рамках таких документов, как: «Анализ ситуации на рынке труда Республики Татарстан», «Динамика численности зарегистрированной безработицы и уровня безработицы», «Мониторинг и оценки наличия и доступности государственных услуг в области содействия занятости», «Прогноз баланса трудовых ресурсов РТ на 2020—2022 гг.»¹.

Отдельные направления общегосударственного практического характера в части снижения гендерной социально-экономической напряженности представлены также в Плане мероприятий по реализации в 2019—2022 гг. Национальной стратегии действий в интересах женщин на 2017—2022 гг. в соответствии с Распоряжением Правительства РФ от 7 декабря 2019 г. № 2943-р.

¹ URL: <https://mtsz.tatarstan.ru/> (дата обращения: 11.06.2020).

Аспекты рассмотрения вопроса

В России принцип равных прав и равных возможностей женщин и мужчин закреплен в п. 3 ст. 19 Конституции Российской Федерации: «Мужчины и женщины имеют равные права и свободы и равные возможности для их реализации». Именно на этом положении и основываются правовые нормы, обеспечивающие отсутствие дискриминации того или другого пола.

По данным Росстата используется гендерная статистика для отслеживания текущей ситуации.

Гендерная статистика — это статистические данные о женщинах и мужчинах, отражающие их положение во всех сферах жизни общества. Она является одним из важнейших инструментов, позволяющих учитывать особенности женщин и мужчин как специфических социально-демографических групп при разработке оптимальной социально-демографической политики, реализации принципа равных прав и равных возможностей женщин и мужчин.

Исследование, проведенное Институтом сравнительных социальных исследований (ЦЕССИ) в 38 российских регионах в 2019 г. ($N = 12\ 000$), целью которого было выявить степень удовлетворенности населения в гендерном контексте трудом, показало, что «для мужчин и для женщин работа вносит примерно схожий вклад в удовлетворенность жизнью». Авторы исследования отмечают, что «женщины не в меньшей степени заинтересованы в работе и в карьере, чем мужчины. Кроме того, в России довольно часто именно женщины выступают основными кормильцами в семье, и в этом случае работа играет для них не менее важную роль, чем для мужчин». В ряде регионов выявлена традиционная зависимость, показано, что подобная взаимосвязь между работой и степенью удовлетворенности от нее сильнее у мужчин, например, «в Волгоградской, Владимирской, Омской и Тамбовской областях, а в других очевидны гендерные структурные сдвиги в сторону женщин, как, например, в Томской области, Алтайском крае и Республике Удмуртия» [Радость в труде... , 2020].

По данным общероссийского исследования Томского государственного университета, анализ гендерной статистики в России показывает, что женщины-руководители занимают прочные позиции в бизнесе. Однако, как выяснили исследователи Тюменского государственного университета, модели управления «железная леди» и «старшая сестра» чаще проявляются в руководстве мужским коллективом.

Сами «железные леди», как показывает исследование, проявляет большую строгость и властность к подчиненным, поэтому вместо обмена мнениями и сотрудничества склонны к директивному управлению.

Помимо этого, был выявлен также тип поведения «старшая сестра», который, напротив, характеризуется как доброжелательный с подчиненными и проявляющий себя как командный игрок, поощряющий обмен мнениями и полемику в допустимых пределах [Установлено, что... , 2020].

Интерес к вопросу характера включенности женщин в трудовые отношения показывает разность общественных представлений в этом вопросе, а также наличие некоторых общественных стереотипов в отношении роли женщин на рынке труда и характера трудового поведения женщин.

Подобные предпосылки формируют разность как в оценке результативности трудовой деятельности женщин, так и в предоставляемых условиях гендерным группам.

Особенно актуальным сегодня показателем оценки эффективности распределения рабочей силы выступает показатель достойного труда, определенно-го МОТ через систему индикаторов, что было применено, в том числе в России, для оценки уровня развитости в этом отношении отечественного рынка труда.

Среди прочих индикаторов, определенных для комплексной оценки достойного труда, выступает показатель «сегрегации в видах занятости по половому признаку», который в соответствии с полученными оценками распределяется во временном интервале 2008—2018 гг. в следующем диапазоне 37,1—41,8 % (табл. 1), то есть отражает рост структурных диспропорций в распределении рабочей силы разных гендерных групп по видам профессий.

Таблица 1

Индикатор, включенный в оценку «достойного труда»

Индикатор	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
М-сегрегация в видах занятий по половому признаку (женщины, %)	37,1	37,4	38,6	39,5	39,1	38,4	38,17	38,7	42,0	41,3	41,8

Источник: официальные данные Федеральной службы государственной статистики. URL: // <http://www.gks.ru>

Одним из базовых факторов структурных диспропорций на рынке труда, степени выраженности профессиональной сегрегации, как правило, рассматривается профессиональное образование. Также разность уровня профессионального образования является поводом для усиления дискриминирующих подходов работодателей.

В этой связи исследование Н. Н. Кармаевой, Т. Е. Хавенсон, П. Илиевой-Тричковой направлено на выявление образования и социально-профессионального статуса в контексте формирования неравенства среди мужчин и женщин в России [Кармаева и др., 2020]. В исследовании проверяется гипотеза «о наличии кумулятивного эффекта от гендера и социального происхождения в случае полученного уровня образования (высшее образование) и социально-профессионального статуса на основе регрессионного анализа» [там же: 108].

Авторы выявили положительные эффекты, коррелирующие с гендерной принадлежностью. Определяя положительный кумулятивный эффект, в том числе и в контексте влияния социального происхождения, авторы говорят о значимости социального происхождения только в отношении профессии отца. Получается, что современные изменившиеся условия труда и занятости представляются выигрышными преимущественно для женщин.

Однако традиционное влияние социальной среды оказывает свое, в том числе и общественное, значение на этапе социализации женщин, и поэтому условия их более низкого социального происхождения во многом определяют

и их профессиональные ориентации. Как отмечают исследователи, женщины более низкого социального происхождения, как правило, склонны быть занятыми низкоквалифицированным трудом.

В этой связи можно говорить о кумулятивном эффекте социальной среды, особенно в традиционно иерархичных обществах как факторе дополнительной деструктуризации рынка труда по гендерному признаку.

Республиканский акцент

Занятость женщин в Республике Татарстан может быть описана сложившимися тенденциями, начиная с этапа формирования рабочей силы и далее на пути их профессионального становления, распределения и использования на рынке труда.

Валовые коэффициенты охвата образовательными программами высшего образования (программы бакалавриата, специалитета, магистратуры) в гендерном распределении по Республике Татарстан в возрастной группе 17—25 лет показывают, что в целом за период 2014—2019 гг. отмечается рост процента вовлеченных из представленной группы в процесс получения высшего профессионального образования, и на сегодняшний момент их чуть более трети данной группы (35 %), однако в гендерном аспекте прослеживается некоторая диспропорция, которая выражена в большей представленности женщин в группе, включенных в процесс обучения, с сохранением расхождений в процентных соотношениях в пределах двух пунктов за рассматриваемый период (28,6 и 30,8 % в 2014 г. в распределении мужчины и женщины соответственно — 34,8 и 36,4 % в 2019 г.).

Таким образом, получается, что на этапе формирования рабочей силы стремление к получению профессионального образования и более высокого уровня женщины проявляют гораздо в большей степени, чем мужчины.

Интересно отметить, что численно обучающихся в дневных общеобразовательных организациях чуть больше среди мужской части населения (204 951 и 201 353 чел. мужского и женского пола соответственно по данным 2019 г.), далее в три раза больше отмечается количество обучающихся мужчин по программам квалифицированных рабочих и служащих (9227 и 3067 чел. мужского и женского населения соответственно), в когорте специалистов среднего звена отмечается некоторое гендерное сглаживание (34 468 и 28 646 чел. мужского и женского пола соответственно), однако в рамках образовательных организаций высшего образования тенденция численного превалирования уже обусловлена женским контингентом (63 561 и 59 283 чел. женского и мужского пола соответственно), на уровне высшего звена снова численное первенство принадлежит мужчинам (1669 и 1366 чел. мужчин и женщин соответственно), однако на последней образовательной ступени (докторантура) численное преимущество снова у женщин (8 женщин и 4 мужчин) [Женщины и мужчины... , 2019] (рис. 1).

В рамках данного спектра рассмотренное гендерное соотношение представляется типичным для российского общества в целом, что можно подтвердить схожими образовательными траекториями в гендерном распределении, в частности, по иным регионам Приволжского федерального округа.

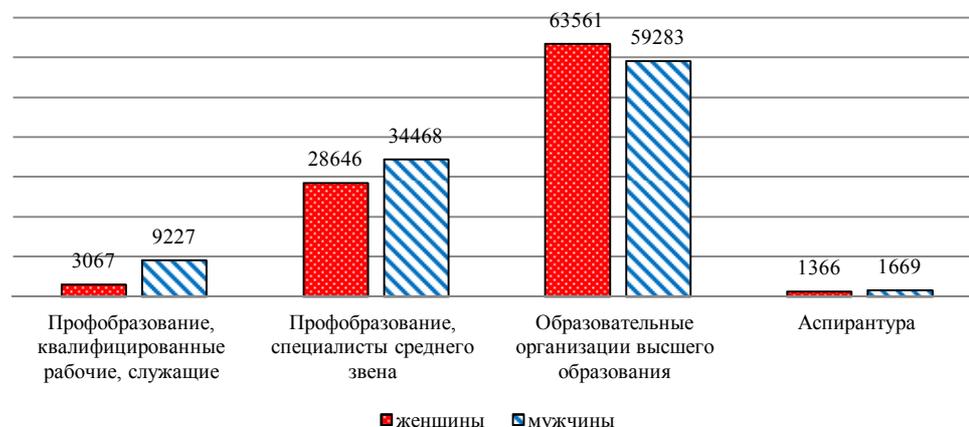

Рис. 1. Гендерное соотношение по ступеням профессионального обучения ПФО, чел.
Источник: построено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан

Исследования Республики Татарстан также выявляют некоторые диспропорции, преимущественного гендерного характера, на рынке труда в отношении женщин.

Общественный опрос, проведенный в феврале — марте 2020 г., в котором приняли участие 9421 человек, как отмечает Татмедиа, показал, что «чаще всего жительницам республики их пол мешал при попытках трудоустроиться на производстве и в строительстве. Жителям Татарстана обычно отказывали в приеме на работу, называя причиной их пол, при попытках трудоустроиться в сфере управления персоналом или бухгалтером. Помимо этого, 23 % женщин РТ сталкивались с трудностями в поисках работы при наличии маленьких детей, а 19 % — в момент выхода из декретного отпуска» [Каждой десятой... , 2020].

Сравнивая гендерные доли в распределении населения в отношении труда и занятости в РТ, можно отметить, что в составе рабочей силы доля женщин по оценкам 2018 г. составляет 48,3 %, из них занятых в гендерном соотношении 48,4 %, безработных — 44,1 %. Рассматривая гендерное соотношение в категории лиц, не входящих в состав рабочей силы, можно подчеркнуть, что в этой группе в целом женщин 66,5 %, в том числе в группе студентов (учащихся) — 53,7 %, в группе пенсионеров — 68,8 %. Среди прочих категорий, в частности лиц, ведущих домашнее хозяйство и ухаживающих за домом, детьми и пр. женщины традиционно значительно преобладают и составляют 79,5 % [Женщины и мужчины... , 2019].

Оценивая женское участие в рабочей силе по возрастным группам на 2018 г., можно отметить, что пики активности приходятся на возрастные диапазоны «25—49 лет» и «50—54 года» с последующей существенной динамикой снижения, в то время как для мужчин следующая возрастная группа «55—59 лет» характеризуется все еще высоким уровнем участия в рабочей силе, что вполне может быть обусловлено нормативными особенностями пенсионного законодательства.

Характеризуя структуру распределения лиц, занятых в экономике по уровню образования, важно подчеркнуть, что женщин с высшим профессиональным образованием практически в два раза больше, чем мужчин (43,0 и 28,0 % соответственно), со средним профессиональным образованием по программе подготовки специалистов среднего звена больше в 1,3 раза (23,8 и 17,9 % соответственно), а вот со средним профессиональным образованием по программе подготовки квалифицированных рабочих (служащих), а также со средним (полным) общим образованием практически в 1,5 раза меньше, чем мужчин (15,3 к 27,4 % и 16,6 к 24,7 % соответственно).

Уровень участия женщин в рабочей силе Республики Татарстан составляет 56,4 % (против 73,3 % среди мужчин), а уровень занятости женщин — 54,6 % (против 70,7 % среди мужчин) (рис. 2).

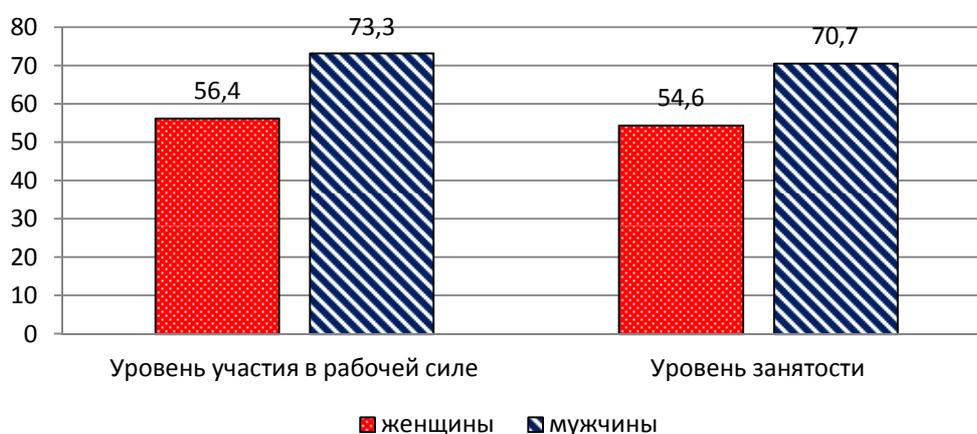

Рис. 2. Гендерное соотношение по уровню участия в рабочей силе и занятости, %

Источник: построено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан

Подобные распределения уровня занятости и уровня участия в рабочей силе в гендерном распределении типичны для всех регионов Приволжского федерального округа на этапе 2018 г.

В силу рассмотренного ранее гендерного распределения по характеру работ уровень травматизма в республике преобладает среди мужчин (74,9 и 25,1 % среди мужчин и женщин соответственно), при этом случаи со смертельным исходом отмечаются в 2018 г. только среди мужчин [там же].

Подобные распределения характерны и для занятости на работах с вредными и (или) опасными условиями труда (70,3 и 35,3 % мужчин и женщин соответственно).

По данным территориального органа ФСГС по РТ, уровень безработицы в республике в процентном гендерном соотношении определяется как 58,3 и 41,7 % (среди женщин и мужчин соответственно). При этом важно отметить, что уровень безработицы среди женщин, впервые ищущих работу, ниже, чем среди мужчин (47,6 и 52,4 % женщин и мужчин соответственно), но уровень безработицы среди женщин, осуществляющих трудовую деятельность, выше, чем среди мужчин (58,8 и 41,2 % женщин и мужчин соответственно) (рис. 3).

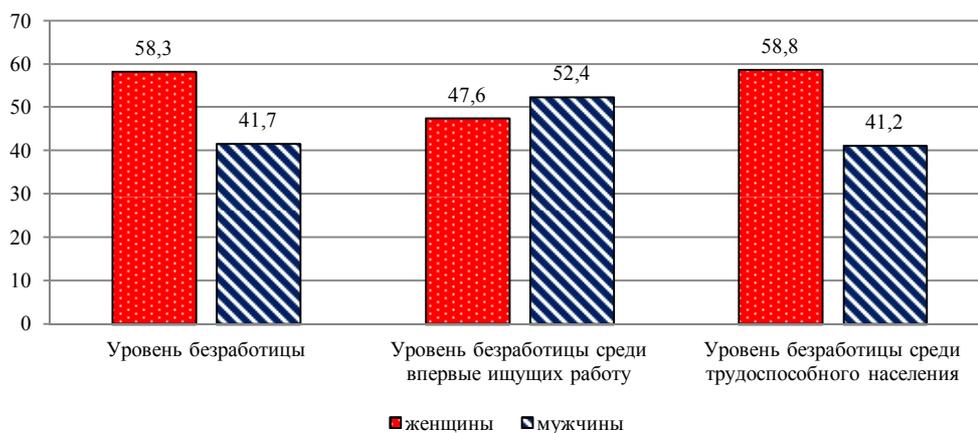

Рис. 3. Гендерное соотношение по уровню безработицы, %

Источник: построено по данным Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан

Среди причин увольнения доминантными в рамках гендерного неравенства выступают: «в связи с ликвидацией организации» (в гендерном соотношении уволено 64,7 % женщин к 35,3 % мужчин), «увольнение с государственной службы» (в гендерном распределении 74,7 к 25,3 % женщин и мужчин соответственно).

При этом женщины составляют устойчивое большинство в численности безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости (в соотношении по годам 56,5—58,3 % женщин к 43,5—41,7 % мужчин за период 2009—2018 гг.).

Определяя структуру безработных по уровню образования в среднем за 2018 г., можно отметить две значимые группы: группа со средним профессиональным образованием по программе подготовки специалистов среднего звена, где уровень безработицы существенно выше среди мужчин (42,3 и 30,8 % мужчины и женщины соответственно) и группа со средним (полным) общим образованием, где уровень безработицы существенно выше среди женщин (21,7 и 8,4 % женщин и мужчин соответственно).

Рассматривая уровень безработицы в целом в Приволжском федеральном округе по регионам, важно отметить, что уровень безработицы в Республике Татарстан в сравнении с прочими регионами ПФО составляет средние значения (3,0 и 3,6 % среди женщин и мужчин соответственно), с гендерной асимметрией в сторону мужской части населения, однако в других регионах ПФО и численно, и в гендерно показатели уровня безработицы распределяются не всегда в схожей тенденции (рис. 4).

Среднее соотношение численности пенсионеров в гендерном распределении сохраняется устойчивым за период 2010—2018 гг. и составляет 66 % к 34 % женщин и мужчин соответственно, при этом отношение среднего размера назначенных пенсий женщин к размерам пенсий мужчин устойчиво сохраняется на уровне чуть больше 90 %, что в сравнении с прочими регионами округа составляет схожее, но чуть меньшее значение.

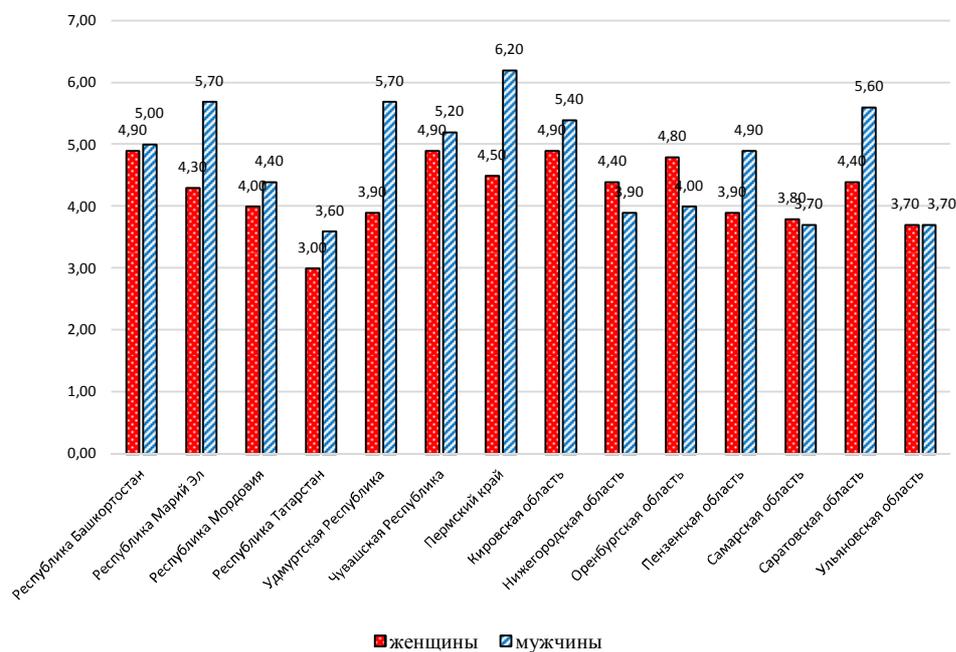

Рис. 4. Численное и гендерное распределение показателей
уровня безработицы по регионам ПФО, %

Источник: построено по данным Территориального органа Федеральной службы
государственной статистики по Республике Татарстан

Характеризуя условия труда и занятости в районах Республики Татарстан, можно представить группы районов по схожим признакам.

Оценивая районный трудовой потенциал Республики Татарстан, можно оценить среднегодовую численность работающих, определить группу районов со сравнительно высокой численной занятостью: Казань, Набережные Челны, Нижнекамский, Альметьевский, Зеленодольский, Елабужский, Лениногорский, Бугульминский районы, где численность среднегодовой занятости более 20 000 чел.

С другой стороны, отмечается группа районов с малым трудовым потенциалом: Тюлячинский, Муслумовский, Спасский, Камско-Устьинский, Атнинский, Кайбицкий районы — со среднегодовой занятостью менее 5000 чел. [Муниципальные образования... , 2018].

Вопросы сопоставления численных показателей трудового потенциала районов могут быть значимы для оценки, в том числе процессов перераспределения трудовых ресурсов, процессов миграции.

Определяя прирост среднегодовой численности занятости к предыдущему году (2017 г.), можно отметить группу районов с увеличением занятости более чем на два процентных пункта, а именно: Пестречинский, Аксубаевский, Чистопольский, Лаишевский, Рыбно-Слободский, и с другой стороны — районы со снижением численности занятости более чем на пять процентных пунктов по сравнению с предыдущим годом: Агрызский, Лениногорский, Мензелинский, Муслумовский, Новошешминский, Актанышский и Буинский районы.

В целом по республике численность безработных за период 2015—2018 гг. снизилась с 16 493 до 10 216 чел. (с 14 679 до 9089 чел. снизилась численность тех, кто получает в республике пособие по безработице). Подобная ситуация характерна для всех районов, однако можно отметить группу районов с численностью безработных более 1000 чел.: Альметьевский, Нижнекамский, Набережные Челны, Казань.

В оценках прироста численности зарегистрированной безработицы к предыдущему году отмечается существенный рост в таких районах, как Апастовский, Высокогорский, Муслимовский, Пестрчинский.

Существенно ухудшилась ситуация с уровнем зарегистрированной безработицы в Аксубаевском, Тетюшском районах, Набережных Челнах. Стабильно высокий уровень зарегистрированной безработицы сохраняется в Лаишевском, Актанышском, Буинском районах.

В целом по Республике Татарстан можно отметить, что уровень безработицы сохраняется на низкой отметке — 3,2 %, уровень скрытой безработицы — 0,25%, наибольшее количество вакансий предлагается в строительстве, государственном управлении и обеспечении военной безопасности и социального обеспечения, обрабатывающем производстве, сфере услуг. Наиболее востребованные специальности: водитель, электросварщик, монтажник, бетонщик, каменщик, арматурщик, повар, штукатур, маляр и т. д. При этом коэффициент напряженности на рынке труда составляет 0,27 чел./вакансию.

Прогноз баланса трудовых ресурсов Республики Татарстан на период 2021—2022 гг. предполагает снижение доли лиц старше трудоспособного возраста, занятых в экономике, в общей численности трудовых ресурсов с 7,5 (в 2018 г.) до 6,7 % (к 2022 г.). Намечившийся рост численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте на 0,5 % будет иметь устойчивую тенденцию. Вместе с тем на прирост численности трудоспособного населения в трудоспособном возрасте в размере примерно 10 000 чел. ежегодно количество иностранных трудовых мигрантов составляет устойчивую величину в размере порядка 47 000 чел.

Таким образом, миграционный прирост от внешней миграции обеспечен на 36 % женской занятостью и на 64 % — мужской. При этом лишь 14 % внешней миграции — это представители стран СНГ, в гендерном соотношении прибывшие: 47,2 % — женщины и 52,8 % — мужчины.

Значимой является внутрироссийская миграция в отношении взаимодействия с рынком труда Республики Татарстан, которая на 54 % представлена женщинами и на 46 % — мужчинами. Объемы внешней миграции значительно меньше объемов внутрироссийской миграции и составляют в соотношении 42 %. Важно отметить, что в рамках внутрироссийской миграции большая доля (65 %) — это миграция внутрирегиональная (внутри Республики Татарстан), которая чуть больше представлена женской частью рабочей силы (54,6 %) в сравнении с мужской (45,4 %). Подчеркнем, что в оценках количественного соотношения мужчин и женщин в миграционных потоках в отношении Республики Татарстан женщины составляют чуть большую долю — на три—пять процентных пунктов в сравнении с долей мужчин (рис. 5).

Рис. 5. Гендерное соотношение по миграционным потокам

Источник: Женщины и мужчины в Республике Татарстан. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан. 2019. С. 17

В соответствии с прогнозом баланса трудовых ресурсов Республики Татарстан на 2020 г. и плановый период 2021—2022 гг. [Прогноз баланса... , 2020] можно отметить, что на 2020 г. численность трудовых ресурсов в республике составит 2335,8 тыс. человек, из них 91,1 % — это трудоспособное население в трудоспособном возрасте, 2,1 % — иностранные трудовые мигранты, 6,8 % — работающие граждане, находящиеся за пределами трудоспособного возраста.

Из общего количества трудовых ресурсов 16,9 % — население, не занятое в экономике, в том числе: 46,5 % — учащиеся в трудоспособном возрасте, 50,2 % — численность прочих категорий населения в трудоспособном возрасте, не занятого в экономике (199,5 тыс. человек).

В распределении рабочей силы по видам экономической деятельности отражает следующую структуру: занятость превалирует в обрабатывающей промышленности, торговле, строительстве, транспортировке и хранении, образовании, деятельности в области здравоохранения и социальных услуг.

Общая ситуация на рынке труда республики в целом соответствует сложившимся общегосударственным и мировым тенденциям, так же, как и для национального и мирового рынка труда, определяются схожие проблемные группы, требующие большего внимания и механизмов управления с целью снижения структурных диспропорций регионального рынка труда.

Эконометрические оценки занятости женщин в Республике Татарстан

На основе регрессионного анализа выявим значимые факторы занятости женщин в Республике Татарстан (табл. 2).

Эмпирической базой исследования выступают данные Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Татарстан, данные Федеральной службы государственной статистики.

Таблица 2

Исходные данные регрессионного анализа

Год	Численность населения (женщины, тыс. чел.)	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	Среднедушевые денежные доходы в мес., руб.	Валовый коэффициент охвата образовательными программами среднего профессионального и высшего образования (в % женщин в возрасте 15—34 года)	Число браков
2014	2072	1947	29537	–8,3	32535
2015	2079,1	1950,3	32404	18	30571
2016	2086,8	1951,2	32763	18,4	25777
2017	2090,5	1945,1	32436	18,7	26980
2018	2092,1	1944,3	33725	19	24865

Источник: Регионы России. Основные характеристики субъектов Российской Федерации. 2019. С. 427.

В качестве значимых факторов, выбранных для анализа профессиональных и демографических установок женщин, рассмотрим следующие: численность женщин, среднегодовая численность занятых, среднедушевой денежный доход, валовый коэффициент охвата образовательными программами среднего профессионального и высшего образования (в % женщин в возрасте 15—34 года), число браков.

В этой связи рабочими гипотезами исследования выступают следующие:

H₁: существует обратная зависимость демографической и профессиональной доминанты в поведении женщин;

H₂: уровень трудового дохода не является определяющим стимулом активности женщин на рынке труда;

H₃: существует временной и количественный лаг между стоимостной оценкой труда женщин в соответствии с уровнем профессионального образования и стоимостью рабочего места.

Регрессионные оценки описательной статистики, а также оценки коэффициентов представлены в табл. 3.

Таблица 3

Регрессионные оценки факторов

	(β)
(X_1)	-0,568 (0,574)
(X_2)	0,0016 (0,002)
(X_3)	0,00165 (0,001)
R^2	0,96
R_{adj}	0,84
df	4
F знач	0,249

В таблице представлены β -коэффициенты и в скобках стандартные ошибки. Значимость коэффициентов β дана по оценкам p — value, при p — value < 0,1 — *, p — value < 0,05 — **, p — value < 0,01 — ***. β — зависимая переменная, в данных расчетах — численность населения (женщин, тыс. чел.); X_1 — среднегодовая численность занятых (тыс. чел.); X_2 — среднедушевые денежные доходы (в мес. руб.); X_3 — количество браков.

В представленном распределении с учетом обозначенных факторов, включенных в анализ, построение регрессионных функций не позволило выявить значимых факторов для оценки определяющих тенденций участия женщин в рабочей силе республики, вместе с тем полученные результаты регрессионного анализа сформировали существующую обратную зависимость численности женщин и уровня занятости населения в целом, что может говорить, с одной стороны, о недостаточной доли занятости женщин в общем объеме рабочей силы республики для формирования сбалансированного рынка труда, а с другой — о тенденции в силу ряда факторов снижения доли занятости женщин в составе экономически активного населения.

Подобные тенденции требуют дополнительного анализа.

Рассмотрим корреляционный анализ для определения возможного характера взаимосвязей между рядом социально-экономических факторов в республике (табл. 4).

Проведенный корреляционный анализ позволяет сделать ряд промежуточных выводов, предопределяемых отмеченными в расчетных таблицах показателями:

— структура занятости имеет явно выраженный сдвиг в сторону низко и малоквалифицированных рабочих мест;

— женская часть населения сохраняет устойчивые предпочтения в отношении занятости и, как правило, тяготеет к более высокому по уровню квалификации труду;

— женская часть населения характеризуется тенденцией устойчивого спроса на программы профессионального образования среднего и высокого уровня;

— усиление участия женщин в программах профессиональной подготовки среднего и высокого уровня характеризуется значимой и отрицательной корреляцией с показателем количества браков (предположительно данное явление объясняется уже имеющимися профессиональными и жизненными установками определенной доли женщин из общей совокупности).

Таблица 4

Корреляционная зависимость ряда факторов

Фактор	Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	Численность населения (женщины, тыс. чел.)	Среднедушевые денежные доходы в мес., руб.	Валовый коэффициент охвата образовательными программами среднего профессионального и высшего образования (в % женщин в возрасте 15—34 года)	Валовый коэффициент охвата образовательными программами среднего профессионального и высшего образования (в % мужчины в возрасте 15—34 года)	Число браков
Среднегодовая численность занятых, тыс. чел.	1					
Численность населения (женщины, тыс. чел.)	-0,376	1				
Среднедушевые денежные доходы в мес., руб.			1			
Валовый коэффициент охвата образовательными программами среднего профессионального и высшего образования (в % женщин в возрасте 15—34 года)	-0,794		0,491	1		
Валовый коэффициент охвата образовательными программами среднего профессионального и высшего образования (в % мужчины в возрасте 15—34 года)	-0,963		0,249		1	
Число браков				-0,742		1

Полученные корреляционные оценки свидетельствуют о наличии на современном рынке труда республики гендерных структурных диспропорций, обусловленных факторами качества рабочей силы и уровнем заработной платы, а также качеством рабочей силы и уровнем профессионального образования.

Заключение

По итогам проведенного эконометрического анализа можно отметить:

- существует мотивационная потребность женщин к получению профессионального образования более высокого уровня;
- стремление к получению более высокого уровня трудового дохода не является определяющим для профессиональной ориентации женщин;

— существующие условия на рынке труда республики свидетельствуют о наличии структурных диспропорций в отношении качества рабочей силы женщин и их занятости.

Демографические факторы оказывают воздействие на уровень активности женщин на рынке труда, при доминанте мотивов демографической реализации в поведенческих установках женщин степень их участия на рынке труда снижается, равно как и качество рабочей силы данной группы.

Библиографический список

- Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М.: Канон, 1996. 432 с.
- Женская безработица в России // Социальная работа. 2020. URL: <http://soc-work.ru> (дата обращения: 05.06.2020).
- Женщины и мужчины в Республике Татарстан: статистический сборник / Татарстанстат. Казань, 2019. 131 с.
- Каждой десятой женщине Татарстана отказывали в приеме на работу из-за ее пола. 2020. Официальный сайт Татмедиа. URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/society/08-03-2020/kazhdoy-desyatoy-zhitelnitse-tatarstana-otkazyvali-v-prieme-na-rabotu-iz-za-ee-pola-5727773> (дата обращения: 18.04.2020).
- Кармаева Н. Н., Хавенсон Т. Е., Илиева-Тричкова П. Образование и социально-профессиональный статус: сглаживание неравенства среди мужчин и женщин в России // Социологические исследования. 2020. № 3. С. 108—120.
- Лаверова Ю. О. Анализ современного состояния проблемы женской безработицы и причин, ее обуславливающих // Молодой ученый. 2018. № 44. С. 239—244.
- Мальшиева М. М. Современный патриархат: социально-экономическое эссе. М.: Academia, 2001. 352 с.
- Муниципальные образования Республики Татарстан: статистический сборник, 2018. Казань, 2019. 317 с.
- Новикова Э. Е., Языкова В. С., Янкова З. А. Женщина. Труд. Семья: социологический очерк. М.: Профиздат, 1978. 112 с.
- Парсонс Т. Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой. 2006. URL: http://chsu.kubsu.ru/arhiv/2006_2/2006-2_Parsons.pdf (дата обращения: 10.05.2020).
- Прогноз баланса трудовых ресурсов Республики Татарстан. 2020. URL: https://mtsz.tatarstan.ru/rus/prognoz-balansa-trudovih-resursov-respubliki-4104077.htm?pub_id=2148565 (дата обращения: 20.04.2020).
- Радость в труде: кого из россиян удовлетворенность работой делает счастливее // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»: научно-образовательный портал IQ. 2020. URL: <https://iq.hse.ru/news/357669491.html> (дата обращения: 18.04.2020).
- Установлено, что тенденция отхода от традиционных гендерных стереотипов усилилась. 2020. URL: <https://naked-science.ru/article/column/ustanovleno-cto-tendentsiya-othoda-ot-traditsionyh-gendernyh-stereotipov-usililas> (дата обращения: 13.04.2020).
- Хартманн Х. Несчастливый брак марксизма с феминизмом: путь к более прогрессивному союзу / пер. А. Клоц, И. Тартаковской, К. Медведева; обложка Н. Олейникова. М.: Свобод. марксист. изд-во, 2016. 76 с.
- Delphy C. Close to Home. Amherst: University of Massachusetts Press, 1984. 237 p.
- Hartmann H. Capitalism, patriarchy and job segregation by sex // Signs. 1976. № 1. P. 137—169.

References

- Delphy, C. (1984) *Close to Home*, Amherst: University of Massachusetts Press.
- Diurkgeim, E. (1996) *O razdelenii obshchestvennogo truda* [On the division of social labor], Moscow: Kanon.
- Hartmann, H. (1976) Capitalism, patriarchy and job segregation by sex, *Signs*, no. 1, pp. 137—169.
- Karmaeva, N. N., Khavenson, T. E., Ilieva-Trichkova, P. (2020) *Образование и sotsial'no-professional'nyĭ status: sglazhivanie neravenstva sredi muzhchin i zhenshchin v Rossii* [Education and socio-professional status: smoothing inequality between men and women in Russia], *Sotsiologicheskie issledovaniia*, no. 3, pp. 108—120.
- Khartmann, Kh. (2016) *Neschastlivyi brak marksizma s feminizmom: put' k bolee progressivnomu soiuzu* [Marxism's unhappy marriage to feminism: the path to a more progressive Union], Moscow: Svobodnoe marksistskoe izdatel'stvo.
- Lavrova, Iu. O. (2018) *Analiz sovremennoġo sostoianiia problemy zhenskoġ bezrabotitsy i prichin, ee obuslavlivaiushchikh* [Analysis of the current state of the problem of female unemployment and its causes], *Molodoġ uchenyiĭ*, no. 44, pp. 239—244.
- Malysheva, M. M. (2001) *Sovremennyi patriarkhat: Sotsial'no-ekonomicheskoe esse* [Modern Patriarchy: Socio-economic essay], Moscow: Academia.
- Novikova, E. E. (1978) *Zhenshchina. Trud. Sem'ia: Sotsiologicheskii ocherk* [Woman. Labour. Family: A sociological essay], Moscow: Profizdat.

Статья поступила 10.09.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Гневашева Вера Анатольевна — доктор экономических наук, руководитель отдела воспроизводства трудовых ресурсов и занятости населения, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, vera_cos@rambler.ru (Dr. Sc. (Economics), Head of the Department of Reproduction of Labor Resources and Employment, Institute for Demographical Research of the Federal Centre of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Ильдарханова Чулпан Ильдусовна — доктор социологических наук, директор, Центр семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан, г. Казань, Россия, chulpanildusovna@gmail.com (Dr. Sc. (Sociology), Director, Family and Demography Center, Tatarstan Academy of Sciences, Kazan, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 77—87
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.5

Женщина в российском обществе
2020. Специальный выпуск. С. 77—87
ББК 60.542.21
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.5

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В ЯПОНСКОМ ОБЩЕСТВЕ: СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

А. С. Лукьянец^{a, b}, Н. С. Рязанцев^{a, b}

^a Московский государственный институт международных отношений (университет),
Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия, artem_ispr@mail.ru

^b Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский
социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия

Рассматриваются вопросы изменения положения женщины в современном японском обществе. Установлено, что в последние годы в Японии интенсифицировалась трансформация социально-экономических процессов, заключающаяся в постепенном переходе от традиционных ценностей, базирующихся преимущественно на семье как основной ячейке общества, к современным западно-ориентированным, ставящим во главу угла вопросы самоидентификации и самоопределения. Анализ социологических опросов показал, что в последнее время в Японии женщины ранних репродуктивных возрастов не считают создание семьи и рождение детей первоочередным приоритетом в жизни. Сделан прогноз численности женского населения до 2040 г. в разрезе основных возрастных групп. При общем снижении численности женского населения Японии количество женщин в возрасте 65 лет и старше будет увеличиваться до 2040 г. вследствие процесса демографического старения всего населения страны, вызванного низким уровнем рождаемости и высокой продолжительностью жизни. Установлено, что показатели рождаемости из года в год снижаются и на данный момент нет объективных факторов, способных изменить сложившуюся ситуацию.

Ключевые слова: японское общество, положение женщины, демографические структуры и процессы, современные тенденции, межнациональные браки, брачная миграция.

WOMEN'S SITUATION IN JAPANESE SOCIETY: SOCIO-DEMOGRAPHIC ASPECTS

A. S. Lukyanets^{a, b}, N. S. Ryazantsev^{a, b}

^a Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russia Federation, Moscow, Russian Federation, artem_ispr@mail.ru

^b Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation

The article discusses the place of women in modern Japanese society. It is established that in recent years, the transformation of socio-economic processes in Japanese society has intensified, which consists in a gradual transition from traditional Japanese values based mainly on the family as the main unit of Japanese society to modern, Western-oriented ones that focus on women's self-identification and self-determination. Analysis of opinion polls has shown that recently women in Japan at earlier reproductive ages do not consider the creation of a family and the birth of children a priority in life. The forecast of the female population up to 2025 is made by major age groups. With the overall decline in the female population of Japan, the number of women aged 65 and older will continue to grow until 2040, due to the demographic aging of the entire population of Japan, caused by a low birth rate and high life expectancy. It is established that the birth rate is decreasing from year to year, and, at the moment, there are no objective factors to change the situation.

Key words: Japanese society, women's situation, demographic structures and processes, current tendencies, international marriages, marriage migration.

Введение

На протяжении многих веков социально-экономические отношения в японском обществе регулировались догмами, которые в отличие от норм практически не поддаются изменению. Конфуцианское общество, в основном ориентированное на семью и семейные ценности, выдвигает на главные роли в социальной структуре мужчин как глав домохозяйств, при этом женщинам отводится роль ведомых. Для женщины конфуцианство диктует такие основные целевые установки, как вступление в брак и создание семьи, рождение детей (в первую очередь мальчиков). Несмотря на то что согласно конфуцианству любовь должна быть предопределяющим началом любого брака, в Японии браки зачастую выполняли функции делового контракта, заключаемого между заинтересованными сторонами. Любви между мужчиной и женщиной отводилась второстепенная роль. При таком подходе к построению семейных отношений права женщины ущемлялись еще в большей степени. Так, она могла быть возвращена обратно в свою семью, если не рожала наследника или своим поведением создавала напряжение в принимающей семье мужа. Необходимо отметить и то, что главенствующее значение имело так называемое сословное происхождение и положение женщины [Kincaid, 2019].

Практика гендерного неравенства в японском обществе уходит корнями в Средние века. В период с 1602 по 1868 г. женщины юридически не существовали. Им запрещалось владеть какой-либо собственностью, и в решении основных вопросов они были полностью подчинены мужчинам [Friedman, 1992].

Кардинальным образом ситуация изменилась после Второй мировой войны. В 1946 г. Конституция Японии реформировала законодательство, определяющее положение женщин в Японии, а также их права и обязанности. Женщины получили небывалые для них права: владеть собственностью, наследовать жилище, в котором проживают, участвовать в политической жизни. Коснулись изменения и семейных правоотношений. Женщины были наделены правом свободно вступать в брак и разводиться, родительскими правами. Гражданский процессуальный кодекс Японии, созданный по образцу австрийского, закрепил равенство полов. И несмотря на то что равноправие в полной мере еще не проникло в реальную жизнь (в том числе из-за особенностей менталитета японцев), принятие кодекса способствовало трансформации сознания как женщин, так и мужчин. Если раньше женщина была зависима от отца, мужа и старшего сына, то теперь правовые ограничения и барьеры исчезли и женщины получили право возглавлять домохозяйства наравне с мужчинами [Sato et al., 1987]. Первостепенной задачей стало преодоление психоэмоциональных преград, основанных на многовековых традициях и обычаях японского общества.

Динамика численности женского населения в Японии

Япония — уникальная страна с точки зрения как экономико-географического положения, так и этнического состава населения. Она расположена на четырех крупных островах, окруженных морем. 80 % территории страны занимают горы, непригодные для земледелия, на которых проживает практически моноэтническое население.

Население страны, по данным Бюро статистики Японии от 1 января 2020 г., составляло 126,02 млн человек, из которых 61,33 млн мужчин (48,7 %) и 64,69 млн женщин (51,3 %). По сравнению с 2019 г. население уменьшилось на 199 тыс., или на 0,16 %. Согласно оперативным данным Бюро статистики Японии, на 1 июля 2020 г. численность населения составляла уже 125,96 млн человек, что говорит о продолжающемся процессе ее сокращения.

В целом демографическую ситуацию в Японии кратко можно охарактеризовать как крайне негативную. В условиях очень низкой рождаемости и высокой продолжительности жизни население страны стремительно стареет, а с 2010 г. его численность стабильно снижается. Япония занимает первую строчку в рейтинге стран мира по продолжительности жизни с показателем 84,4 года. На начало 2020 г. доля населения старше 65 лет составляла 28,5 %, для женщин эта доля была равна 31,4 %¹. В 2010 г. зафиксирована максимальная численность населения Японии — 128,06 млн человек. Таким образом, за 10 лет население сократилось на 1,6 %, что в абсолютном выражении составляет 2,04 млн человек. Не меняет ситуацию и беспрецедентное для японской практики смягчение миграционной политики, начавшееся в 2018 г. и предполагающее привлечение в страну до 345 млн иностранных работников до 2024 г.²

¹ Population estimates: monthly report // E-Stat: Portal Site of Official Statistics of Japan. URL: <https://www.e-stat.go.jp/en/stat-search/files?page=1&layout=datalist&toukei=00200524&tstat=00000090001&cycle=1&tclass=000001011678> (дата обращения: 20.07.2020).

² Miller R. Does Japan want migrants more than migrants want Japan? // The Japan Times. 2020. 26 July. URL: <https://www.japantimes.co.jp/opinion/2020/06/26/reader-mail/japan-want-migrants-migrants-want-japan/#.ХуМ6jCRn3Ds> (дата обращения: 20.07.2020).

Численность и возрастная структура женщин как составной части населения характеризуются аналогичными чертами и тенденциями развития. При этом численность женского населения, незначительно преобладающая над численностью мужского, снижается с 2010 г., когда этот показатель составлял 65,43 млн человек.

Важной характеристикой, на наш взгляд, является возрастная структура женского населения Японии, которая, как было сказано выше, стареет устойчивыми темпами. На рисунке 1 отчетливо прослеживается достаточно высокий средний возраст женщин.

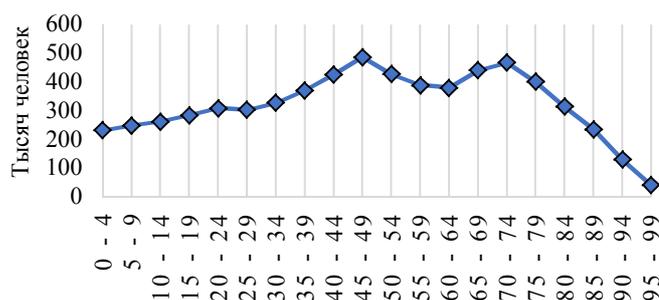

Рис. 1. Возрастная структура женского населения Японии на 1 января 2020 г.³

Сокращение численности женского населения Японии в совокупности с параллельным увеличением их среднего возраста, или, проще говоря, демографическим старением, представляется одной из основных угроз демографической безопасности Японии на современном этапе.

На рисунке 2 представлен прогноз численности женского населения Японии в разрезе трех основных возрастных групп.

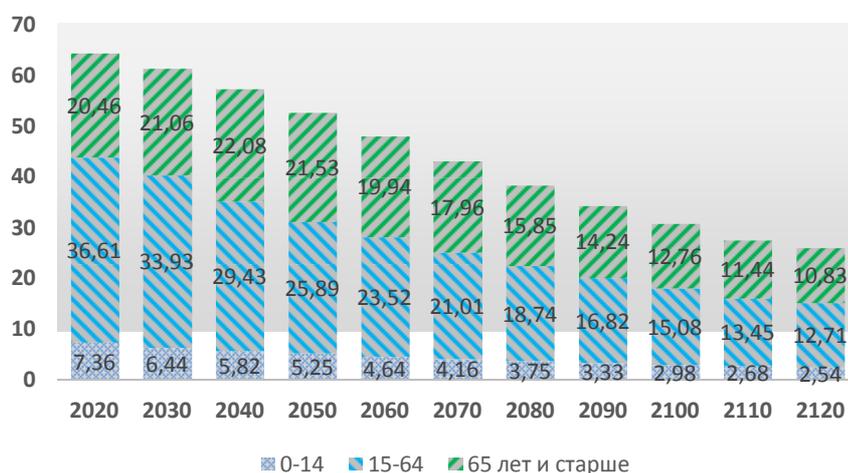

Рис. 2. Прогноз численности женского населения Японии в разрезе возрастных групп, млн человек [Demographics of Japan, 2020]

³ Population estimates.

Несмотря на то что ожидается устойчивое снижение общей численности женского населения, в том числе и в возрастных группах 0—14 и 15—64 года, из-за упомянутых выше активных процессов старения всего населения число женщин в возрастной группе 65 лет и старше будет расти вплоть до 2040 г. Таким образом, согласно представленному сценарию, общая численность женщин в Японии к 2120 г. составит 26,1 млн человек, сократившись по сравнению с 2020 г. на 38,4 млн, или 59,6 %.

Основные тенденции рождаемости в Японии

Сокращение численности населения, как известно, происходит под влиянием двух составляющих: его естественного движения (рождаемость и смертность) и механического, или миграционного. В силу особенностей моноэтнического общества, в котором доля этнических японцев составляет 98—99 %, вклад миграции в общую численность крайне незначителен и в данном исследовании рассматриваться не будет. Наибольший интерес представляет анализ естественных процессов. Несмотря на то что естественный прирост населения составляют два основных компонента, а именно рождаемость и смертность, для Японии первостепенное значение приобретают вопросы рождаемости. Объяснением этого является очень высокая продолжительность жизни в стране. По состоянию на 2017 г. (последние официальные данные Бюро статистики Японии) средняя продолжительность жизни женщин составляет 87,3 года, по сравнению с 2010 г. она увеличилась почти на один год. Продолжительность жизни мужчин (81,1 года) за этот же период возросла на 1,5 года. Данные показатели являются самыми высокими за всю историю статистических наблюдений. Учитывая этот факт, можно сказать, что основной фактор снижения численности населения Японии — падение уровня рождаемости.

В течение длительного периода численность населения Японии увеличивалась за счет естественного прироста. Однако в 2005 г. коэффициент естественного прироста впервые с 1899 г. принял отрицательные значения. Как было сказано выше, основной причиной сокращения населения Японии является быстро уменьшающееся число рождений, которое в настоящее время находится на самом низком уровне. На рисунке 3 отчетливо видно, что на протяжении долгого времени для Японии был характерен положительный естественный прирост населения. При этом показатель рождаемости из года в год снижался, в 2017 г. он достиг отметки 7,6 ‰. По данным Всемирного банка, в 2019 г. общий коэффициент рождаемости составил 7,4 ‰⁴. Показатель же смертности имел тенденцию к увеличению.

При преимуществах общих коэффициентов рождаемости и смертности перед абсолютными значениями каждый из них имеет серьезный недостаток: природа методологии их расчета такова, что они сильно зависят от возрастно-половой структуры населения. Это искажает истинное положение дел. При демографическом старении населения страны общий коэффициент смертности будет возрастать, однако смертность в отдельных возрастных группах может снижаться, а продолжительность жизни увеличиваться. То же следует отметить

⁴ Birth Rate, Crude (per 1,000 People) — Japan. URL: <https://data.worldbank.org/indicator/SP.DYN.CBRT.IN?locations=JP> (дата обращения: 20.07.2020).

в отношении общего коэффициента рождаемости: высокая доля людей старших возрастов увеличивает значение знаменателя, что приводит к искажению реальной ситуации.

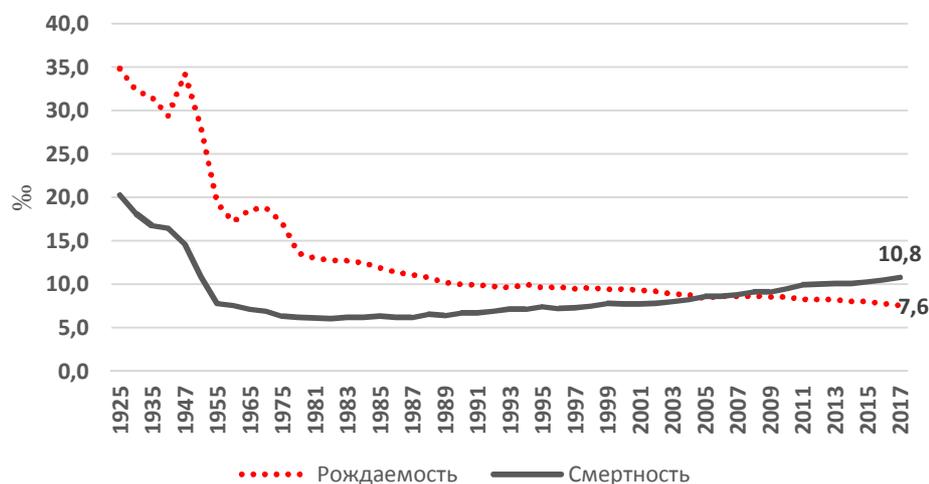

Рис. 3. Динамика общих коэффициентов рождаемости и смертности в Японии в 1925—2017 гг., % [Japan Statistical Yearbook..., 2019]

В этой связи при характеристике уровня рождаемости, в том числе при международных сопоставлениях, используется суммарный коэффициент рождаемости, который показывает, какое среднее количество детей рождает одна женщина на протяжении своей репродуктивной жизни. Данный коэффициент обладает двумя очевидными преимуществами:

- почти не зависит от возрастной структуры населения и лишь частично связан с особенностями возрастной структуры женщин репродуктивного возраста в том случае, если рассчитывается по 5-летним возрастным группам;

- позволяет с помощью одного значения охарактеризовать уровень рождаемости, а также указать направление вектора эволюции режима воспроизводства населения. Более того, зная фактический уровень данного показателя и его критическое значение (2,15—2,17), можно легко определить уровень замещения поколений, разделив первую величину на вторую [Демография, 2005].

По оперативным данным Бюро статистики Японии, на 1 июля 2020 г. этот показатель составил 1,4 рождения в среднем на одну женщину. Максимальное значение суммарного коэффициента рождаемости было зафиксировано в 1971 г. — 2,16 рождения на одну женщину. За последние 10 лет величина анализируемого показателя находилась в диапазоне от 1,37 до 1,45 рождения. Ясно, что для простого замещения, или воспроизводства населения, необходим показатель 2,1. Все, что ниже отметки уровня простого воспроизводства, говорит о серьезных демографических проблемах, выражающихся в сокращении численности населения и снижении доли местного населения, если используются инструменты миграционной политики по привлечению иностранцев.

Еще одним настораживающим сигналом является уверенный рост среднего возраста рождения детей. На конец 2018 г. данный показатель составлял 31,4 года. Прогнозируется, что к 2040 г. он возрастет до 33,1 года. В совокупности с другими факторами это не будет способствовать повышению рождаемости в стране⁵.

На основе приведенных выше данных можно сделать вывод о том, что усилия властей Японии по увеличению рождаемости оказались безуспешными и население страны медленно сокращается. Причин этому несколько — от экономической неуверенности молодых японцев до трансформации сознания японских женщин, отходящих от устоявшихся вековых традиций, которые определяли их положение и роль в обществе.

Трансформация роли женщины и женской самоидентичности в японском обществе

Снижение рождаемости определяется множеством факторов, среди которых можно выделить экономические, социальные, психологические, природно-климатические и экологические [Lukyanets, Ryazantsev, 2016]. Отдельное место занимают факторы, связанные с непосредственным изменением отношения женщин к вопросам создания семьи и рождения детей.

Опрос, проведенный Научно-исследовательским институтом радиовещания (NHK Broadcasting Culture Research Institute) в 2019 г., показал, что роль женщины в японском обществе значительно возросла. С 1973 г. каждые 5 лет институт проводит опросы общественного мнения о семейных ценностях, трудовой деятельности и жизни в целом. Последний опрос охватил 2751 человека старше 16 лет⁶. Его результаты продемонстрировали крайне неутешительную динамику значимости семейных ценностей для японцев. Доля тех, кто считает брак и наличие детей необходимыми элементами своей жизни, составила всего 27 %, хотя еще в 1993 г. она была равна 45 %. Наоборот, за 5 лет на 5 % выросла доля тех, кто полагает, что брак и дети — необязательные элементы жизни (68 %). Данные результаты не добавляют оптимизма Правительству Японии, которое всеми силами пытается повысить уровень рождаемости в стране. С другой стороны, в Японии дети в 98 % случаев рождаются в браке. Брак и дети все еще остаются для японцев синонимами [Kawamura, 2011].

Большинство респондентов считают, что супругам вообще необязательно иметь детей: их доля составила 60 %. 33 % полагают, что иметь детей в браке необходимо. За последний исследовательский пятилетний период доля первых респондентов увеличилась на 5 %, а доля вторых снизилась на 6 %.

Репродуктивные установки семейных пар определяются множеством факторов, среди которых первое место занимают экономические, включая вовлеченность женщин в экономику страны.

---

⁵ Women in Japan: Report. 2020. URL: <https://www.statista.com/study/56859/women-in-japan/> (дата обращения: 20.07.2020).

⁶ Maiko F. Women in Japanese society // NHK Broadcasting Culture Research Institute. URL: <https://www3.nhk.or.jp/nhkworld/en/news/backstories/338/> (дата обращения: 20.07.2020).

Статистика показывает, что из года в год число женщин, возвращающихся на работу после рождения детей, увеличивается. Об этой же тенденции говорят и опросы. Все меньше респондентов считают, что после рождения ребенка женщина должна посвятить себя семье и не выходить на работу. В 2018 г. их доля составляла всего 8 %, в 1973 г. — 35 %. Наоборот, выросло число тех, кто считает, что после рождения детей, женщина должна вернуться к своей профессиональной деятельности.

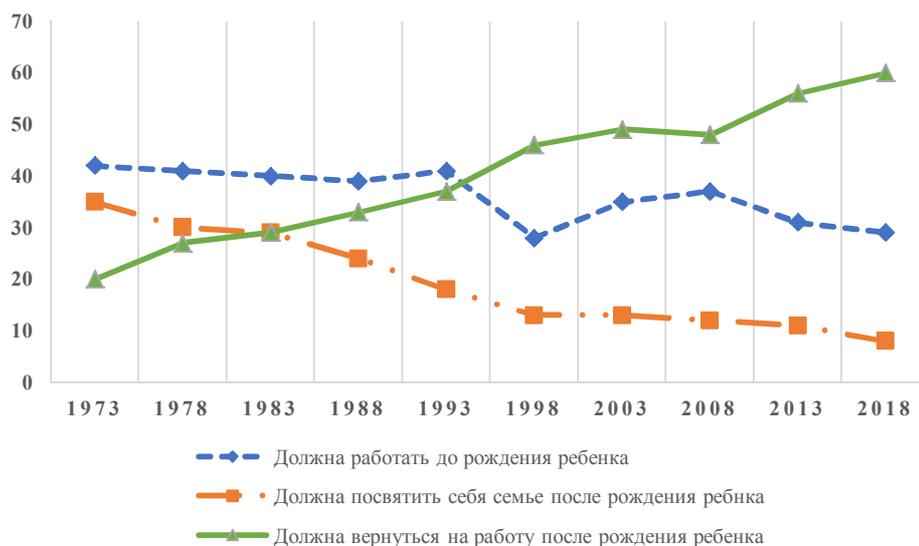

Рис. 4. Ответы респондентов на вопрос «Должна ли женщина после рождения ребенка возвращаться на работу?», %⁷

Рисунок 4 демонстрирует смещение приоритетов и семейных ценностей японцев за относительно небольшой период. Наглядно видна смена представлений об идеальной семье и месте женщины в ней. Все меньше респондентов считают, что женщина после рождения ребенка должна сосредоточиться на ведении домашнего хозяйства и воспитании детей.

Интерес вызывает и степень участия мужчин в воспитании детей. Если в 1973 г. только 53 % респондентов отмечали необходимость участия мужчины в воспитании детей, то в 2018 г. — уже 89 %, что также подтверждает кардинальные изменения многовековых традиций в японском обществе в части распределения обязанностей между супругами.

Уровень образования женщин является еще одной из важнейших детерминант, влияющих на рождаемость. За последние десятилетия уровень образования женщин повысился во всем мире до рекордных показателей. Япония не стала исключением. Значительно возросли и ожидания родителей относительно уровня образования своих дочерей. Если в 1973 г. только 22 % респондентов считали, что женщинам необходимо иметь высшее образование,

⁷ Ibid.

то в 2018 г. — 61 %. При этом в Японии сохраняются определенные дискриминационные ограничения при поступлении в университеты. Япония — одна из трех экономически развитых стран, в которых доля мужчин, поступивших в вузы, превышает долю женщин. Две страны с похожим положением дел — Турция и Республика Корея.

Получение образования высокого уровня приводит к тому, что после окончания учебного заведения женщина вовлекается в экономическую деятельность, строит профессиональную карьеру, занимается саморазвитием. С учетом особенностей японской системы найма и функционирования рынка труда в целом, добиться роста она может только проработав определенное время. Как правило, в японской парадигме карьерного роста менеджер даже среднего звена крайне редко может быть младше своих подчиненных. Следствием этого является то, что свои репродуктивные установки женщины реализуют в более поздних возрастах либо не реализуют вообще. В 2018 г. 74,3 % женщин в возрасте от 15 до 64 лет были заняты в экономике, что является самым высоким показателем с 1968 г. Нет вероятности того, что в ближайшем будущем тенденции изменятся. Точно так же нет вероятности того, что японское общество вернется к своим исконным традициям и правилам, определявшим место и роль женщины. Свобода, независимость, равенство, научно-технический прогресс, доступ к новым формам образования станут на ближайшее будущее основными детерминантами, обуславливающими модели поведения мужчин и женщин в обществе, на брачном рынке и в семейных отношениях.

Заключение

Неоспоримым фактом является то, что в современном японском обществе продолжается процесс трансформации культурных, семейных и социальных ценностей, совершенно изменяются социальные отношения. Модели поведения и распределения ролей в социуме, которые были его основной движущей силой в течение многих веков, последовательно разрушили однородное сообщество, построенное на принципах долга и чести. Сначала женщины, а чуть позднее и вся молодежь, накрытая волной слома старых ценностей, почувствовали, что мир старшего поколения меняется, заставляя каким-то образом реагировать на изменения. В новом сформированном японском обществе XXI в. роль женщины выросла в разы всего за несколько десятилетий. На наш взгляд, то, что произошло и происходит в японском обществе, — это закономерный процесс развития цивилизации. Страны Старого Света вступили на этот путь значительно раньше. Япония, в силу своей географической удаленности, моноэтнического общества и национальных традиций, была долгое время изолирована от основных мировых процессов. Однако глобализация хозяйства, результатом которой стало свободное движение факторов производства, проникла даже в относительно закрытое японское социокультурное пространство. Как одна из наиболее развитых экономик мира, построенных в основном на экспорте высокотехнологичной продукции и вовлеченных во все мировые цепочки поставок, Япония и ее моноэтническое общество просто не могли остаться вне основных мировых тенденций.

Снижение рождаемости — проблема номер один не только для Японии. Наверное, именно поэтому впервые в истории страны Правительство Японии

включило в «Основной курс управления и реформирования экономики и финансов» государственную цель о поддержании численности населения на уровне не ниже 100 млн человек к 2060 г. В качестве контрмеры по сокращению численности населения названо повышение рождаемости. При этом прибегать к дополнительному приему иммигрантов Правительство Японии пока не планирует.

Библиографический список

- Демография: учебник для вузов / под ред. Н. А. Волгина, Л. Л. Рыбаковского. М.: Логос, 2005. 280 с.
- Demographics of Japan: dossier // Statista. 2020. 59 p. URL: <https://www.statista.com/study/37995/demographics-of-japan/> (дата обращения: 20.07.2020).
- Friedman S. Women in Japanese Society: Their Changing Roles. 1992. URL: <http://www2.gol.com/users/friedman/writings/p1.html> (дата обращения: 22.07.2019).
- Japan Statistical Yearbook 2020 / Ministry of Internal Affairs and Communications. Tokyo: Statistics Bureau, 2019. 750 p.
- Kawamura S. Marriage in Japan: Attitudes, Intentions, and Perceived Barriers. 2011. URL: <https://etd.ohiolink.edu/> (дата обращения: 17.04.2015).
- Kincaid C. Gender Roles of Women in Modern Japan. Japan Powered. 2019. URL: <https://www.japanpowered.com/japan-culture/gender-roles-women-modern-japan> (дата обращения: 21.07.2020).
- Lukyanets A. S., Ryazantsev S. V. Economic and socio-demographic effects of global climate change // International Journal of Economics and Financial Issues. 2016. Vol. 6, № 8S. P. 268—273.
- Sato K., Suzuki M., Kawamura M. The changing status of women in Japan // International Journal of Sociology of the Family. 1987. Vol. 17, № 1. P. 87—108.

References

- Friedman, S. (1992) *Women in Japanese Society: Their Changing Roles*, available from <http://www2.gol.com/users/friedman/writings/p1.html> (accessed 22.07.2019).
- Japan Statistical Yearbook 2020* (2019), Ministry of Internal Affairs and Communications, Tokyo: Statistics Bureau.
- Kawamura, S. (2011) *Marriage in Japan: Attitudes, Intentions, and Perceived Barriers*, available from <https://etd.ohiolink.edu/> (accessed 17.04.2015).
- Kincaid, C. (2019) *Gender Roles of Women in Modern Japan. Japan Powered*, available from <https://www.japanpowered.com/japan-culture/gender-roles-women-modern-japan> (accessed 21.07.2020).
- Lukyanets, A. S., Ryazantsev, S. V. (2016) Economic and socio-demographic effects of global climate change, *International Journal of Economics and Financial Issues*, vol. 6, no. 8, pp. 268—273.
- Sato, K., Suzuki, M., Kawamura, M. (1987) The changing status of women in Japan, *International Journal of Sociology of the Family*, vol. 17, no. 1, pp. 87—108.
- Volgin, N. A., Rybakovskii, L. L. (eds) (2005) *Demografiia: Uchebnik dlia vuzov* [Demographics: A textbook for universities], Moscow: Logos.

Информация об авторах / Information about the authors

Лукьянец Артём Сергеевич — кандидат экономических наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия; ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, artem_ispr@mail.ru (Cand. Sc. (Economics), Associate Professor at the Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Рязанцев Никита Сергеевич — студент факультета международных отношений, Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел РФ, г. Москва, Россия; стажер-исследователь отдела геоурбанистики и пространственного развития, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, ryazantsev080700@ya.ru (Bachelor Student, Faculty of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; Intern-Researcher at the Section of Urban-Planning, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 88—105
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.6

Женщина в российском обществе
2021. Специальный выпуск. С. 88—105
ББК 60.953.7
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.6

СОЦИАЛЬНОЕ И ПСИХИЧЕСКОЕ
ЗДОРОВЬЕ ЖЕНЩИН СТАРШЕГО ВОЗРАСТА
В КОНТЕКСТЕ СТРАТЕГИИ НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЯ:
НОВЫЕ ЗАДАЧИ СОЦИАЛЬНОЙ РАБОТЫ

О. А. Аникеева, С. Н. Фомина, Я. В. Шимановская

Российский государственный социальный университет,
г. Москва, Россия, olga-double@mail.ru

Стратегия народосбережения в Российской Федерации — один из основных документов государственной социальной политики. Она может быть реализована различными путями, в частности увеличением продолжительности жизни представителей старшего поколения. Анализ концепций старения и гендерных особенностей процесса старения, дискурс-анализ практики формирования социального и психического здоровья женщин старшего поколения позволили выделить типологию основных социальных проблем этой возрастной группы. Обобщен опыт социальной работы с женщинами старшего возраста, применения в ней новых подходов. Проведено фронтальное исследование различных аспектов проблем женщин старшего возраста, условий обеспечения их социального и психического здоровья, показаны новые задачи практики социальной работы в решении демографических проблем современной России.

Ключевые слова: женщины старшего возраста, социальное здоровье, психическое здоровье, Стратегия народосбережения, социальная работа с женщинами старшего поколения, технологии социальной работы.

SOCIAL AND MENTAL HEALTH OF OLDER WOMEN
IN THE CONTEXT OF THE STRATEGY
OF PEOPLE'S CONSERVATION:
NEW OBJECTIVES OF SOCIAL WORK

O. A. Anikeeva, S. N. Fomina, Ya. V. Shimanovskaya

Russian State Social University,
Moscow, Russian Federation, olga-double@mail.ru

The National Saving Strategy in the Russian Federation is one of the main state social policy documents. It can be implemented in various ways, in particular, by increasing the life expectancy of the older generation. Ageing Concepts and gender characteristics of the ageing process, analyzed in this article, a discourse analysis of social practices in the formation of older

women social and mental health made it possible to highlight the typology of the main social problems of this socio-age group. The social work experience with older women and new approaches in this work summarized in the article. The discourse analysis made it possible to conduct a frontal study of various aspects of the older women problems, the conditions for ensuring their social and mental health, to show new tasks of social work practice in solving the demographic problems of modern Russia.

Key words: older women, social health, mental health, National Saving Strategy, social work with older women, social work technologies.

Введение

Государственная Стратегия народосбережения, рассчитанная до 2050 г., в качестве одной из важнейших целей имеет «достижение ожидаемой продолжительности жизни более 90 лет (к 2030 году — более 80 лет)» [Стратегия народосбережения... , 2019]. Социальные ресурсы реализации этой цели различны. Средняя продолжительность жизни в России — 72,9 года, но есть существенные различия в продолжительности жизни женщин (77,82 года) и мужчин (67,75)¹. Численность граждан старше трудоспособного возраста, по данным на конец 2019 г., составляет 38 млн чел. (37 989 тыс.), из которых 54 % — женщины². Люди старшего поколения имеют сходные проблемы, но во всех их проявлениях (социальный статус, материальное положение, состояние физического и психического здоровья), безусловно, есть гендерная составляющая. Успех социальной политики государства зависит от того, насколько точно (адресно) в соответствии с интересами, возможностями и потребностями разных социальных групп старшего поколения будут рассчитаны меры выполнения стратегических задач.

При разработке программ выполнения Стратегии народосбережения важно учитывать концепции старости, которые существенно изменились за последние годы. В научной литературе сформировались понятия «либерализация старения» и «девальвация старости», которые обозначили существенное повышение порога старения — практически на 10 лет [Рогозин, 2012]. Российский академик В. В. Шабакин полагает, что в современных условиях старость (пожилой возраст, или «третий возраст») становится самостоятельным и самодостаточным периодом в жизни человека, а его начало сдвигается к 65—70 годам [Шабакин, 2012]. Однако важно, чтобы это было не «время дожития», тяжелое и мучительное, а время активной и здоровой жизни. Для этого необходима как целенаправленная социальная политика, так и большая практическая социальная работа, которая будет учитывать гендерные особенности пожилых людей.

Вместе с тем в литературе проблемы женщин старшего поколения изучаются либо в контексте проблем старости (возрастной аспект), либо в контексте общих проблем женщин (гендерный аспект). Эти же подходы характерны для сбора статистической и демографической информации, а также для базовых

¹ Продолжительность жизни по данным Росстат. URL: <https://rosinfostat.ru/prodolzhitelnost-zhizni/> (дата обращения: 07.08.2020).

² Распределение населения по возрастным группам // Федеральная служба государственной статистики. URL: http://old.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/generation/# (дата обращения: 07.08.2020).

официальных документов [Женщины и мужчины России... , 2018; Женщины в профессиях... , 2020]. «Женская» повестка дня была в центре внимания форума «Здоровье женщин — благополучие нации», проведенного Советом Евразийского женского форума при Совете Федерации Федерального собрания РФ в марте 2020 г. Однако в его материалах очевидный акцент по вполне понятным причинам сделан на материнстве и репродуктивном здоровье женщин³.

Специальные работы, посвященные вопросам сохранения социального и психологического здоровья женщин старшего возраста, стали появляться в последние годы. Причем практически сразу была взята очень высокая планка: выполнены не только прикладные, но и теоретические фундаментальные исследования, в которых авторы связали необходимость пересмотра социального статуса женщин в общественно-политической жизни страны, разработку нового стиля жизни и даже новой модели социальной и социально-политической жизни. И. А. Григорьева предлагает увидеть в новой социальной реальности не кризисный поворот, а новые возможности не только личностного развития, но и институционального [Григорьева, 2018]. Эти возможности кроются, по мнению М. А. Кашиной и Л. А. Василенко, в синергичном потенциале социума и связаны с оптимизацией гендерных отношений в обществе, с выравниванием ресурсообеспеченности гендерных групп [Кашина, Василенко, 2019].

В изучении частных проблем женщин старшего поколения лидируют работы, посвященные сохранению здоровья (см., напр.: [Рахманов и др., 2014; Григорьева, Чубарова, 2019]), вопросам отношений в семье и одиночества (см., напр.: [Елютина, Трофимова, 2017; Мустаева и др., 2016]). Определенное внимание уделяется проблемам занятости пожилых, причем в ряде исследований выделены и гендерные, и возрастные аспекты. Среди них следует отметить работы Л. Н. Захаровой, З. Х.-М. Саралиевой, И. С. Леоновой, О. А. Хасбулатовой, И. Н. Смирновой, Т. К. Ростовской, И. Л. Сизовой [Захарова и др., 2020; Хасбулатова и др., 2020; Сизова, 2017]. Исследователям интересен аспект участия женщин в политической жизни страны, при этом они указывают реальные барьеры в данной сфере при внешнем благополучии процесса [Айвазова, 2018; Хасбулатова, 2001]. Расширению компетенций пожилых людей, необходимых в разных сферах жизнедеятельности, посвятила свои труды исследовательская группа Российского государственного социального университета (РГСУ) [Akhtyan et al., 2018; Sizikova et al., 2019; Anikeeva et al., 2020].

Активная жизненная позиция в старшем возрасте — одно из важнейших условий увеличения продолжительности жизни. В новом складывающемся мире все больше женщин старшего возраста участвуют в общественной жизни, вовлекаются в «серебряное волонтерство». Этот опыт также требует осмысления [Амбарова, Зборовский, 2017; Основы... , 2019]. Со временем аспекты изучения положения женщин старшего возраста становятся все более разнообразными, отражающими особенности поведения и мировосприятия именно женщин [Низамова, 2016]. Важно и то, что исследователи опираются на глубокий анализ исторического

---

³ Актуальные тенденции развития женской повестки обсудили на форуме «Здоровье женщин — благополучие нации». URL: <https://roscongress.org/news/womens-health-for-the-wellbeing-of-the-nation-forum-addresses-current-trends-on-womens-agenda/> (дата обращения: 07.08.2020).

социокультурного опыта страны: многие современные проблемы проистекают из нашего прошлого и решение их невозможно без учета ментальности, особенностей культуры народа (см., напр.: [Ростовская и др., 2020]).

Таким образом, внимание к проблемам адаптации женщин старшего возраста, их социальному и психическому здоровью, повышению их благополучия все более усиливается. Однако в абсолютном большинстве работ они рассматриваются либо в контексте изучения проблем пожилого возраста, либо собственно в гендерном аспекте. Это касается и теоретических, и прикладных вопросов, хотя все исследователи осознают специфику проблем работы именно с женщинами.

Очевидно, что научных трудов, посвященных подготовке к благополучной и здоровой старости, тем более затрагивающих гендерные аспекты, явно недостаточно. Необходимы исследования ресурсов такой социально-возрастной группы, как женщины старшего возраста: в настоящее время требуется глубокий анализ особенностей формирования их социального и психического здоровья как одной из основ реализации Стратегии народосбережения, а также разработка эффективных программ социальной работы с ними.

Методология и методы исследования

Целью проведенного исследования стало выявление различного типа ресурсов женщин старшего возраста и постановка практических задач для социальной работы в современной России. Задачи исследования включали анализ теоретических подходов к проблеме, изучение статистических и демографических данных, характеризующих эти ресурсы, а также официальных документов, формирование повестки дня для практической социальной работы.

Методологической основой исследования выступают современные концепции идентичности женщин в России и актуальные концепции старости. При этом следует отметить, что данные концепции находятся в стадии разработки и далеки от завершения. Основные подходы к созданию концепции гендерной идентичности и нового понимания социальной роли женщин в современном мире определены в трудах И. А. Григорьевой, М. А. Кашиной и Л. А. Василенко. Историко-культурные и социально-политические аспекты проблемы — в трудах О. А. Хасбулатовой. Основные положения исследований позитивного отношения к старости рассматриваются в трудах В. В. Шабалина и Д. М. Рогозина.

В контексте проведенного исследования важен социально-ресурсный подход, который развивает З. П. Замараева [Zamaraeva et al., 2018], поскольку в практике социальной работы с женщинами старшего возраста именно выявление и реализация имеющихся ресурсов становятся важнейшим способом достижения стратегических целей народосбережения.

При изучении проблем женщин старшего возраста следует иметь в виду, что по аналогии с изменением подходов к проблемам адаптации инвалидов здесь также происходит смещение акцентов с поддержания преимущественно физического здоровья в старшем возрасте на укрепление здоровья социального и психического. Понятие «социальное здоровье» вошло в научный обиход недавно, так же как и понятие «психическое здоровье». Определение понятия

«социальное здоровье» предложила Л. В. Колпина на основе анализа литературы последних лет: «Социальное здоровье выражается прежде всего в поведении людей, их социальной активности, деятельном отношении к миру, обеспечивающих взаимную адаптацию и взаиморазвитие человека и общества» [Колпина, 2017: 76]. Понятие «психическое здоровье» определено Всемирной организацией здоровья (ВОЗ). Психическое здоровье (духовное, душевное здоровье, иногда — ментальное), согласно дефиниции ВОЗ, — «это состояние благополучия, при котором человек может реализовать свой собственный потенциал, справляться с обычными жизненными стрессами, продуктивно и плодотворно работать, а также вносить вклад в жизнь своего сообщества» [Психическое здоровье].

Методы исследования включают анализ нормативных и правовых документов, статистических и демографических данных, вторичный анализ результатов социологических исследований, проведенных другими авторами, дискурс-анализ социальной практики формирования социального и психического здоровья женщин старшего поколения.

В основании исследования лежат российские и международные программные документы [Мадридский международный план... , 2002; Национальная стратегия... , 2017; Стратегия народосбережения... , 2019]. Типология социальных ресурсов осуществлена в соответствии с рекомендациями международной организации HelpAge International, которая в 2015 г. провела исследование и статистический анализ 13 динамических показателей качества жизни и благополучия пожилых людей. Все показатели были разделены на четыре группы: материальная обеспеченность, состояние здоровья, общие условия жизни, а также образование и занятость пожилых людей [Global AgeWatch Index... , 2015]. Вместе эти показатели создают основу для оценки социального и психического здоровья женщин старшего возраста.

Гендерные ресурсы реализации Стратегии народосбережения

Благополучие пожилых характеризуется дефицитом четырех ресурсов: материальной обеспеченности (на бедность ссылались 59 % граждан, опрошенных ВЦИОМ в 2017 г.); здоровья (45 %); семейного статуса и статуса в обществе (на одиночество жаловались 25 % респондентов, ощущение ненужности испытывали 24 %, а неуважение со стороны молодежи — 18 %)⁴.

Применительно к материальному положению женщин старшего возраста исследования проведены в отношении работающих женщин. Главный вывод исследователей: при соблюдении формального равенства женщины получают меньшую зарплату, их рост по карьерной лестнице имеет заметно ограниченные пределы. «Дискриминация женщин на рынке труда имеет большую историю в силу устойчивости традиционных представлений о роли женщины в обществе и ее участии в разделении труда», — пишут Л. Н. Захарова, З. Х.-М. Саралиева и И. С. Леонова [Захарова и др., 2020]. Причем женщины при вступлении

⁴ Социологи зафиксировали недовольство положением в стране у 45 % россиян: результаты исследования ВЦИОМ. URL: <https://news.mail.ru/politics/28476969/?frommail=1> (дата обращения: 10.07.2020).

на рынок труда имеют более высокий уровень образования. Но впоследствии они реже, чем мужчины, переучиваются, осваивают новые технологии, быстрее попадают в рамки более низкой оплаты труда. Даже субъективно женщины чаще соглашаются на вторые роли, несмотря на то что могут иметь лучшие показатели для занятия той или иной должности по сравнению с мужчинами. Политические и социокультурные основы такой дискриминации изучают С. Г. Айвазова, И. А. Григорьева, О. А. Хасбулатова.

В практике социальной защиты населения пока не выработаны меры преодоления дискриминации женщин в сфере труда. Пожалуй, единственным исключением являются курсы повышения компьютерной грамотности для пожилых. Университеты «третьего возраста» давно стали частью деятельности организаций социального обслуживания. Исследования, проведенные рабочей группой преподавателей РГСУ, показали, что в этих занятиях более активное участие принимают женщины старшего возраста. В ходе исследования изучались мотивация повышения компьютерной грамотности, возможные направления применения ИТ-навыков, особенности образовательного процесса. Авторы выяснили, что такие занятия позволяют не только улучшить возможности работающих женщин, но также повысить коммуникативные возможности женщин, находящихся на пенсии [Akhtyan et al., 2018; Sizikova et al., 2019].

Способы социально-экономической помощи неработающим пожилым женщинам ограничиваются в основном пассивными формами. Исследователи периодически отмечают, что в среднем женская пенсия ниже пенсий мужчин, однако доказательных исследований недостаточно. Кроме пенсий, это льготы, пособия, выплаты, материальная помощь. Социально-экономический анализ подобных мер показывает их низкую эффективность. Целесообразно сосредоточить пассивные формы помощи для поддержки самых малообеспеченных групп, а тем, кто сохраняют трудоспособность, предоставить возможность посильного труда в соответствии с интересами, потребностями и возможностями женщин старшего возраста. Анализ запросов рынка труда показывает, что решение данной задачи не только возможно, но и необходимо.

Работающие женщины старшего возраста нуждаются в иной помощи. Это может быть повышение квалификации или переквалификация, получение второго образования (в том числе и высшего). Однако проблемы подобного рода относятся к ведению работодателей. Хотя они и носят социальный характер, но не являются подведомственными социальным службам. Вероятно, эти проблемы надо решать совместными усилиями на основе межведомственных подходов. Такие меры могут существенно изменить социальный статус женщин, продолжающих работать после выхода на пенсию. Есть и доля исследователей в поиске решения данного вопроса, так как необходимо изучить проблемы, с которыми сталкиваются женщины старшего возраста, продолжающие свою трудовую деятельность, одновременно проанализировать интересы и запросы работодателей и на этой основе предложить программу практической социальной работы.

Другая проблема — состояние здоровья женщин старшего возраста. По данным Министерства здравоохранения, в России гораздо больше, чем в других развитых странах мира, распространены хронические неинфекционные заболевания (ХНИЗ), одним из факторов риска которых является ожирение (40,4 %

обследованных женщин, 38,8 % мужчин). Сердечно-сосудистые заболевания выявлены у 70,8 % женщин и у 78,8 % мужчин; заболевания опорно-двигательного аппарата имеют 59,2 % женщин и 38,4 % мужчин; заболевания желудочно-кишечного тракта — 39,6 % женщин и 32 % мужчин [Бойцов и др., 2017]. Как видим, и здесь очевидны различия в состоянии здоровья мужчин и женщин.

Эти особенности изучили Н. С. Григорьева и Т. В. Чубарова, которые предложили выделить [Григорьева, Чубарова, 2019: 58]:

- гендерные детерминанты здоровья, их пересечение с другими социальными и структурными детерминантами;
- гендерное поведение в отношении здоровья;
- гендерный характер реагирования системы здравоохранения (доступность и качество оказываемых услуг).

Авторы выявили связь между социальным статусом женщин и их заболеваниями (острота и состав наиболее распространенных заболеваний), характером женской самооценки здоровья и уровнем их образования. В итоге они пришли к следующему выводу: «Важно выявить гендерные развилки, чтобы определить лучшие маршруты для мужчин и женщин в поддержании здоровья, лечении или реабилитации. С этой целью необходимо учитывать существующие различия между мужчинами и женщинами, но не для того, чтобы их абсолютизировать, а для того, чтобы преодолевать их отрицательные последствия» [там же: 67].

Характерно, что все ХНИЗ имеют «социальную предысторию»: это результат нездорового образа жизни и отсутствия культуры питания, высокого уровня стрессов в течение жизни, малоподвижного характера труда. Все эти заболевания поддаются профилактике, причем не только в раннем возрасте, но и в старшем, а их уровень можно снизить или замедлить наиболее острые проявления. Надо подчеркнуть, что деятельность такого рода — также межведомственная программа, так как здесь необходимо взаимодействие организаций социального обслуживания и учреждений здравоохранения.

Социальная помощь в данном направлении довольно разнообразна. В российских организациях социального обслуживания, выполняющих функции его полустационарных форм, проводится серия занятий по лечебной физкультуре, медицинское, психологическое и диетологическое консультирование. Однако, во-первых, такие мероприятия пользуются спросом у женщин старше трудоспособного возраста, как правило, неработающих. Во-вторых, этого явно недостаточно.

Для профилактики заболеваемости, в том числе ХНИЗ, проводится широкомасштабная программа медицинских профосмотров. Это задача учреждений здравоохранения. Необходим следующий шаг — установление контактов с организациями социального обслуживания для выработки адекватных мер профилактики заболеваний, включая изменение режима дня, образа жизни и труда, режима питания. Такие программы должны быть строго персонифицированы (адресны), а организациям социального обслуживания необходимо создать условия, которые позволят женщинам старшего возраста следовать разработанным программам.

Большую роль играют вспомогательные программы приобщения к здоровому образу жизни, активному досугу, спортивным и физкультурным занятиям,

к социальному туризму (оздоровительный, краеведческий, образовательно-познавательный туризм, внутренний и внешний). Среди программ данного направления надо, конечно же, выделить программу «Активное долголетие», которая стартовала в Москве и продолжается в других регионах России. На данный момент через эту программу прошли сотни тысяч людей. Она адресована в основном лицам старшего возраста, вышедшим на пенсию, как правило, имеющим относительно приличное состояние здоровья и готовым активизировать свой досуг. Надо сказать, что эта программа вызвала большой энтузиазм граждан старшего возраста, особенно женщин, которые составили около 90 % получателей услуг. Им была предложена разнообразная кружковая работа: физкультурные занятия, занятия по рукоделию, художественным промыслам, компьютерной грамотности и др. Отзывы получателей услуг, так же как и отзывы экспертов, были очень высоки. Но данной программе недостает научно обоснованных объективных критериев успешности. Найденная практиками программа помощи людям старшего возраста нуждается в теоретическом осмыслении.

Рассматривая программу «Активное долголетие» в контексте проблем народосбережения, вероятно, можно придать ей большую системность. Проблема в том, что сбережение здоровья требует системного подхода. Причем начинается программа с мотивации поведения женщин старшего возраста — мотивации здорового образа жизни, изменения традиционных привычек питания и формирования его новой культуры. Это очень непростая задача, которая требует координации усилий врачей, специалистов по социальной реабилитации и специалистов по социальной работе. Она включает установление диагнозов, имеющихся у женщины, получение рекомендаций специалиста по лечебной физкультуре, а также диетолога или нутрициолога.

В 2013 г. был утвержден профстандарт «Специалист по социальной реабилитации», в разработке которого принимали участие исследователи из РГСУ. Возможно, будет очень хорошим решением начать подготовку кадров по направлению «Специалист по социальной реабилитации», для которого разработан образовательный стандарт (уровень — магистратура).

Такой подход позволит сделать социальную работу в рамках программы «Активное долголетие» более целенаправленной. Тогда все получатели будут ориентированы не просто на активный досуг, но на изменение своего образа жизни, что принесет больший эффект.

Формы социальной работы должны включать и просветительные занятия, и тренинги, и практические занятия. В этих формах работы деятельность организаций социального обслуживания просто незаменима. Еще один аспект данной деятельности — охват не только женщин пенсионного возраста, не занятых в профессиональной деятельности, но и работающих женщин старшего возраста. Среди участниц программы их было намного меньше.

Возможно, в рамках программы «Активное долголетие» следовало бы увеличить долю познавательно-просветительных занятий, направленных на здоровый образ жизни, расширение познаний о здоровье и путях оздоровления. Причем, как показал опыт последних месяцев, в период карантина такие занятия могут проводиться в дистанционном формате. Но для этого необходимы методические материалы, разработанные онлайн-курсы, видеоматериалы. Для решения

данного вопроса имеется все необходимое, но требуются скоординированные межведомственные усилия.

На активизацию позиций женщин старшего возраста ориентированы и досуговые программы, в частности программы разных направлений туризма: историко-краеведческого, познавательного экологического, этнографического и сельского. Туризм как социальная программа имеет несколько решающих преимуществ. Прежде всего это активный досуг, связанный с физическими нагрузками, причем нагрузки являются не самоцелью, они сопровождают форму проведения досуга. Кроме того, туризм — это расширение кругозора, познаний, приобщение к истории и культуре других народов, эти программы влияют на мировоззрение людей, способствуют расширению межкультурных коммуникаций. Наконец, приобщение к туризму позволяет формировать навыки общения, взаимодействия в команде, способность коммуницировать с различными людьми. Причем все эти навыки и компетенции развиваются в процессе непринужденной досуговой деятельности. Такие программы помогают преодолевать социальные проблемы и изоляционизм пожилых людей. Изучению данных социальных свойств туризма посвящено исследование преподавателей и сотрудников РГСУ [Anikeeva et al., 2020].

Активная жизненная позиция в старшем возрасте — одно из важнейших условий увеличения продолжительности жизни. В новом складывающемся мире женщины старшего возраста все больше участвуют в общественной жизни, вовлекаются в «серебряное волонтерство» [Основы... , 2019]. Авторы одной из работ, посвященных «серебряному волонтерству», отмечают: в результате исследований, проведенных совместно представителями Гарвардского, Йельского и Пенсильванского университетов по изучению субъективного восприятия времени, было установлено, что его затраты на других людей способствуют ощущению достаточности времени и даже увеличения его объема за счет нарастающего чувства собственной эффективности [Амбарова, Зборовский, 2017: 37]. Это волонтерство — очень важный источник положительных эмоций, кроме того, оно дает возможность повышения уровня востребованности и психологического удовлетворения своей собственной жизнью.

Волонтерство получило новый импульс в период эпидемии COVID-19. Люди старшего возраста, в том числе и женщины, стали заложниками этой ситуации. Ее влияние на социальные коммуникации исследовали Т. К. Ростовская и Д. П. Толмачев [Ростовская, Толмачев, 2020]. Авторы доказали, что во время эпидемии многие лица старшего возраста испытали большие трудности из-за ограничений в коммуникации. Преодолевать эти трудности помогала деятельность организаций социального обслуживания, которые в последние годы трансформировались. Часть из них взяла на себя культурно-досуговые функции и стала называться «Мой социальный центр» — центр общения для пожилых людей, центр, создающий клубную или семейную атмосферу, куда люди могут прийти отдохнуть, пообщаться, заняться тем, что им будет интересно. В период карантина эти клубы, как и многие организации, перешли к работе в формате онлайн и тем самым помогли многим людям преодолеть одиночество. Программы, кроме всего прочего, помогли в расширении познаний пожилых людей и формировании компьютерных компетенций.

Анализ деятельности разных групп населения показывает, что работа в дистанционном режиме дает многие, пока еще недооцененные возможности. Опыт показывает, что на первых порах наиболее востребованной стала помощь в доставке на дом продуктов питания, предметов первой необходимости, а также лекарств. И в этом направлении были задействованы, как правило, молодые волонтеры. Но со временем женщины старшего возраста нашли свое применение в качестве учителей и репетиторов для школьников, которым трудно дались дистанционные занятия, и даже в качестве дистанционных нянь и воспитателей (чтение литературы, познавательные и общекультурные беседы и т. п.). Эта работа пока еще не оформлена юридически и считается фрилансерской. Однако как направление занятости она имеет большое будущее. Кроме того, такая работа предоставляет возможность дополнительной занятости для женщин старшего возраста, преимущественно имеющих высшее или среднее профессиональное образование, например для учителей или воспитателей. И это может повлиять на социальное и психологическое здоровье женщин старшего возраста.

Очень интересные результаты получают исследователи, обратившиеся к такой, казалось бы, простой теме, как внешний вид женщин старшего возраста. Совсем недавно большинство женщин, находящихся на пенсии, донашивали наряды, которые надевали на работу, либо выбирали что-то среднее, по стилю напоминавшее непрезентабельную домашнюю одежду. Сегодня, когда «третий возраст» является самостоятельным (самодостаточным) периодом, встал вопрос об эстетическом самовосприятии. Изучение этого аспекта жизни женщин позволило сделать глубокие философские и культурологические выводы. А. Н. Низамова отмечает, что современные феминистские школы «структурировались вокруг темы равенства, сходства и различий». Но при отсутствии унифицированной концепции успешного старения дискурс старости сводится к подражанию потреблению молодого поколения, его стилю жизни и даже формам сексуальности. В итоге «поддерживается параллельный дискурс, связывающий старение с упадком, который продолжает оказывать негативное влияние на проживаемый опыт людей старшего возраста. Переход к «позитивному старению», таким образом, не вытесняет понимание старения как увядания, а лишь оформляет эйджизм новыми терминами» [Низамова, 2016: 572].

Формирование личного образа (стиля одежды, стиля общения и поведения) требует, с одной стороны, осмысления нового периода жизни, его сути и специфики, выработки новых этических и эстетических норм, а с другой — большой образовательно-просветительной и тренинговой работы по созданию данного образа. Этот чисто женский аспект проблемы может оказаться интегральным индикатором для многих скрытых проблем (уровень удовлетворенности жизнью, социального и психологического здоровья). Если первая задача адресована теоретикам (философам, культурологам, социологам), то вторая — практикам, в том числе специалистам по социальной работе. Данная задача требует новых форматов социальной работы, выходящих за рамки социального обслуживания граждан пожилого возраста. Она заключается в том, чтобы помочь женщинам старшего возраста воспринимать себя в новом эстетическом пространстве и в новых моделях поведения, стиле общения с окружающими людьми,

и в первую очередь с родными и близкими, научиться понимать младшие поколения и быть понятыми детьми и внуками.

Расширение технологий, направленных на поддержание межпоколенческих связей, — одно из важнейших направлений в социальной работе с семьей. Прикладные исследования, проведенные в 22 областях РФ (опрошено 1000 человек), показали, что 74 % пожилых респондентов полностью удовлетворены своими отношениями с близкими, 17 % скорее удовлетворены, 3 % совершенно не удовлетворены [Ирсетская, 2016: 65]. Однако в других исследованиях картина не столь благополучная — уже 16,9 % респондентов из числа пожилых граждан отмечают проблемы одиночества [Мустаева и др., 2016].

В современном мире социальные функции семьи претерпевают значительные изменения: на второй план уходят хозяйственные и бытовые функции, а социозащитные, социокультурные и воспитательные выходят на первый план. Применительно к исследуемой группе социозащитные функции дополняются функциями общения, психологической защиты и поддержки. При благоприятных условиях взаимопонимание в семье формируется годами. Такие семьи не нуждаются во внешнем вмешательстве. Однако так бывает не всегда. Проблема требует изучения и обобщения, выявления основных тенденций в развитии семьи пожилых супругов. «Эффективность социозащитной функции семьи — сложный многофакторный показатель, — пишут Ф. А. Мустаева, З. Л. Сизоненко, О. Н. Юлдашева, — отчасти субъективный, поэтому требует применения качественных, а не количественных методов исследования» [там же].

Если же семейные связи нарушены, формируется чувство одиночества и оторванности от семьи. Особенно остро это переживают женщины. Исследователи отмечают две противоположные тенденции: с одной стороны, пожилые семьи стремятся жить отдельно от детей (мотивация: «Нет сил ухаживать за внуками, выполнять всю домашнюю работу и за себя, и за семьи детей», «Я не прислуга»; «Дети постоянно грузят своими заботами» либо «Не хотим быть обузой для детей, грузить их своими заботами и болячками», «У них и без нас много забот»). С другой стороны, есть стремление быть близкими с детьми, регулярно общаться, встречаться, быть в курсе событий. Вероятно, это разные типы семей, которые требуют разной помощи в коррекции семейных отношений.

Социальное и психологическое здоровье женщин старшего возраста в очень большой степени зависит от семейного положения и характера отношений в семье. Социальная работа с семьей — очень важное и сложное направление работы. Вероятно, именно по этой причине в 2013 г. был принят специальный профессиональный стандарт «Специалист по работе с семьей». Социальная работа с семьей требует высокого профессионализма и особых профессионально-этических компетенций.

Исследования самооценки самочувствия, социального и психологического здоровья проводятся довольно регулярно, однако это чаще всего, публицистические и, кроме того, обобщающие материалы, так как гендерные различия отмечаются редко. Примером научной постановки вопроса может послужить статья Н. Г. Фирсовой, которая провела сравнение самооценок работающих и неработающих пенсионеров по шкалам «здоровье», «ум», «характер», «авторитет», «умелые руки», «внешность», «уверенность в себе». Используя серию методик,

в том числе опросник Розенберга, автор показала, что «совокупность полученных данных служит подтверждением того, что выход на пенсию — это этап не однонаправленного процесса регресса, угасания, а этап дальнейшего развития человека, последующее становление его личности» [Фирсова, 2012].

Исследователи отмечают, что после выхода на пенсию многие люди перестают учиться чему-то новому, перестают читать, общаться, развиваться. Низкая мозговая активность сопровождается снижением физической активности. Как следствие, становится высоким шанс появления депрессивных состояний, панических атак или тревожности, развития болезни Альцгеймера. Все вместе усиливается ощущением одиночества, что, безусловно, резко снижает социальное и психическое самочувствие в особенности женщин старшего возраста. Выявление тенденций ухудшения состояния женщин и профилактика такого ухудшения — задача практиков социальной работы.

Как видим, круг социальных и психологических проблем женщин старшего возраста замкнулся. Это важный момент исследования, так как он показывает, насколько системны все задачи, которые приходится решать профессионалам в процессе социальной работы.

К этому следует добавить, что социальный статус и психологическое благополучие во многом зависят от общего социально-культурного климата в обществе, от того, какой психологический образ культивируется в новостных передачах и различных программах СМИ, в художественных фильмах, рекламе и т. д. Образ немощной и нуждающейся старости направлен на формирование сострадания к пожилым. И в чем-то это справедливо: в нашей стране еще много обездоленных стариков. Но такой образ далеко не универсальный. На его основе трудно сформировать уважение к пожилым людям, прожившим интересную и достойную жизнь, продолжающим вести активный образ жизни.

Выводы

Анализ концепций старения и гендерных особенностей этого процесса, дискурс-анализ социальной практики формирования социального и психического здоровья женщин старшего поколения позволяют сделать следующие выводы.

1. Теоретически проблема находится на восходящей линии, обозначены лишь контуры будущих концепций гендерных особенностей благополучного старения. Предстоит большая работа, связанная в том числе и с анализом практического опыта. В теории следует не только определить общие черты концепции старения, но и выявить особенности гендерного аспекта, специфику и условия успешного старения женщин, особенности и ресурсы этого процесса, возможности практической помощи.

2. Все проблемы женщин старшего возраста по типологии совпадают с проблемами людей старшего возраста (материальное положение, здоровье, социальный и семейный статус, психологическое состояние, участие в производственной и общественной жизни, общественное признание), но каждая из них имеет свою специфику, которую необходимо учитывать в практической социальной работе.

3. Проблемы женщин старшего возраста, какими бы они ни были, имеют отчетливую социальную доминанту. Все они должны быть предметом заботы организаций социального обслуживания, которым необходимо выявить

потребности и возможности этой социально-возрастной группы, ресурсы каждой женщины и предложить программы, учитывающие и персонализированные, и групповые запросы.

4. Задачи, которые стоят перед обществом по реализации Стратегии народосбережения, настолько масштабны, что потребуют системных усилий различных субъектов. В социальной работе с женщинами старшего возраста, направленной на достижение их благополучия, социального и психологического здоровья, определяющих продолжительность их успешной старости, необходимы межведомственные программы, взаимодействие системы социальной защиты и социального обслуживания, здравоохранения, работодателей, общественных организаций и социально ориентированных некоммерческих организаций.

5. Само понимание благополучной и здоровой старости предполагает разнообразные адресно ориентированные программы, нацеленные на работу с группами, отдельными гражданами, а также и с целым обществом. Это связано с формированием нового образа женщины старшего возраста — успешной, благополучной, работающей или находящейся на пенсии, участвующей в общественной жизни и выбравшей здоровый образ жизни и активный досуг. Очевидно, что сегодня таких женщин еще мало, но они есть, и формирование их целевого образа поможет многим женщинам увидеть перспективу в своей жизни.

На данный момент ожидаемая (дополнительная) продолжительность предстоящей жизни по Российской Федерации составляет 26,28 года для женщин и 16,56 года для мужчин (дети, родившиеся в 2018 г.). Однако это расчетный показатель, достижение его не безусловное. Только объединение усилий теории и практики, научный анализ происходящих изменений и выработка адекватных практик для социальной работы по сохранению социального и психического здоровья женщин старшего возраста может обеспечить реализацию Стратегии народосбережения.

Библиографический список

- Айвазова С. Г.* Гендерный фактор развития политики // Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всероссийского конгресса политологов, Москва, 6—8 декабря 2018 г. / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунюва, Л. Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 22—23.
- Амбарова П. А., Зборовский Г. Е.* Волонтеры «серебряного возраста»: регулирование темпоральных стратегий поведения возрастной общности // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Сер.: Социально-экономические науки. 2017. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/volontery-serebryanogo-vozrasta-regulirovanie-temporalnyh-strategiy-povedeniya-vozrastnoy-obschnosti> (дата обращения: 08.07.2020).
- Бойцов С. А., Драккина О. М., Калинина А. М. и др.* Организация проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения: методические рекомендации по практической реализации приказа Минздрава России от 26 октября 2017 г. № 869н «Об утверждении порядка проведения диспансеризации определенных групп взрослого населения». М., 2017, 162 с. URL: <http://www.gnicpm.ru>; <http://ropniz.ru> (дата обращения: 08.07.2020).

- Григорьева И. А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 5—18.
- Григорьева Н. С., Чубарова Т. В. Гендерные развилки здоровья и здравоохранения в России // Женщина в российском обществе. 2019. № 3. С. 55—71.
- Елютина М., Трофимова О. Одинокое проживание и переживание одиночества в позднем возрасте // Журнал исследований социальной политики. 2017. Т. 15, № 1. С. 37—50.
- Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. 180 с.
- Женщины и мужчины России, 2018: статистический сборник / Росстат. М., 2018. 241 с.
- Захарова Л. Н., Саралиева З. Х.-М., Леонова И. С. Субъективное благополучие разновозрастного женского персонала инновационных компаний // Женщина в российском обществе. 2020. № 2. С. 76—88.
- Ирсетская Е. А. Практики взаимодействия пенсионеров с ближним окружением // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Сер.: Философия. Социология. Искусствоведение. 2016. № 2. С. 63—70.
- Кашина М. А., Василенко Л. А. Фрактальность гендерных отношений и использование гендерного ресурса государственной политики и управления в современной России // Женщина в российском обществе. 2019. № 2. С. 17—31.
- Колтина Л. В. Социальное здоровье: определение и механизмы влияния на общее здоровье: обзор литературы // Синергия. 2017. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-zdorovie-opredelenie-i-mehanizmy-vliyaniya-na-obschee-zdorovie-obzor-literatury> (дата обращения: 07.07.2020).
- Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 года. 2002. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/ageing_progr.pdf (дата обращения: 10.07.2020).
- Мустаева Ф. А., Сизоненко З. Л., Юлдашева О. Н. Исследование роли семьи в жизни пожилого человека // Здоровье и образование в XXI веке. 2016. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-rol-i-semi-v-zhizni-pozhilogo-cheloveka> (дата обращения: 06.06.2020).
- Национальная стратегия действий в интересах женщин: распоряжение Правительства РФ от 08.03.2017 г. № 410-р. URL: <http://government.ru/docs/26698/media/files/njlkIvN7WCvOIIYRmcucV4jdNihEmTOUe.pdf> (дата обращения: 10.07.2020).
- Низамова А. Н. Активное долголетие и внешний вид: как теоретическая концепция регулирует самовосприятие в старшем возрасте? // Журнал исследований социальной политики. 2016. Т. 14, № 4. С. 569—585.
- Основы организации и управления добровольческой деятельностью: учебник для студентов вузов / под общ. ред. О. А. Аникеевой, А. П. Рудницкой, О. В. Решетникова. М.: Рос. гос. соц. ун-т, 2019. 230 с.
- Психическое здоровье. URL: <https://www.who.int/ru/news-room/fact-sheets/detail/mental-health-strengthening-our-response> (дата обращения: 10.07.2020).
- Рахманов Р. С., Гаджишбрагимов Д. А., Евдокимов А. В. Оценка факторов риска для здоровья женщин по показателям антропометрии и физиометрии // Здоровье населения и среда обитания. 2014. № 5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-faktorov-riska-dlya-zdorovya-zhenschin-po-pokazatelyam-antropometrii-i-fiziometrii> (дата обращения: 05.06.2020).
- Рогозин Д. М. Либерализация старения, или Труд, знания и здоровье в старшем возрасте // Социологический журнал. 2012. № 4. С. 62—93.

- Ростовская Т. К., Егорычев А. М., Гуляев С. Б.* Историко-культурологический взгляд на образ женщины: многомерность восприятия и выражения // *Ценности и смыслы.* 2020. № 1. С. 110—124.
- Ростовская Т. К., Толмачев Д. П.* Влияние COVID-19 на социальные коммуникации населения старшего возраста в городе Москве // *Государственная молодежная политика: национальные проекты 2019—2024 гг. в социальном развитии молодежи: материалы Всероссийской научно-практической конференции / Федер. науч.-исслед. социол. центр, Ин-т соц.-полит. исслед. М.: Перспектива, 2020. С. 439—444.*
- Сизова И. Л.* Work first: занятость и незанятость пожилых в современной России // *Трансформация человеческого потенциала в контексте столетия: материалы Международной научно-практической конференции / под общ. ред. З. Х. Саралиевой. Н. Новгород: Науч.-исслед. социол. центр, 2017. С. 692—696.*
- Стратегия народосбережения в Российской Федерации на период до 2050 года. 2019. URL: https://www.economy.gov.ru/material/file/babacbb75d32d90e28d3298582d13a75/proekt_strategii.pdf (дата обращения: 07.08.2020).
- Фирсова Н. Г.* Особенности самооценки людей после выхода на пенсию // *Научные ведомости Белгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки.* 2012. № 24. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samootsenki-lyudey-pozhilogo-vozrasta-posle-vyhoda-na-pensiyu> (дата обращения: 10.07.2020).
- Хасбулатова О. А.* Гендерные стереотипы в политической культуре: специфика российского опыта // *Женщина в российском обществе.* 2001. № 3—4. С. 17—24.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н., Ростовская Т. К.* Технологическая гендерная сегрегация на рынке труда в экономике XXI века: направления исследования // *Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 9—14.*
- Шабалин В. В.* Важно, чтобы человек жил не только долго, но и качественно // *Кто есть кто в медицине.* 2012. № 2. URL: <http://ktovmedicine.ru/2012/2/vladimir-shabalin-vazhno-chtoby-chelovek-zhil-ne-tolko-dolgo-no-i-kachestvenno-1.html> (дата обращения: 07.08.2020).
- Akhtyan A. G., Anikeeva O. A., Sizikova V. V., Shimanovskaya Ya. V., Starovoitova L. I., Medvedeva G. P., Kozlovskaya S. N.* Information literacy of older people: social aspects of the problem // *International Journal of Civil Engineering and Technology.* 2018. Vol. 9, № 11. P. 1789—1799.
- Anikeeva O., Vorontsova E., Maksimova E., Seredina M., Sizikova V.* Socio-cultural socialization of disabled people and persons with disabilities: to the formation of a new open society // *International Journal of Psychosocial Rehabilitation.* Vol. 24, iss. 5. P. 4493—4508.
- Global AgeWatch Index 2015: Insight Report. 2015. URL: <https://nonews.co/wp-content/uploads/2018/10/AgeWatch2015.pdf> (дата обращения: 10.07.2020).
- Sizikova V., Demidova T., Starovojtova L., Anikeeva O., Akhtyan A., Godzhieva R., Karpunina A., Maydangalieva Zh.* IT and computer technologies for education of senior citizens and improving the quality of their life // *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education.* 2019. Vol. 15, iss. 11.
- Zamaraeva Z. P., Antipyev K. A., Reutov S. I., Telegina G. A., Ledentsova V. A., Voronova K. A.* The basic concept of the resource-potential approach in social security in russia and international experience // *European Research Studies Journal.* 2018. Vol. 21, iss. 1. P. 417—433.

References

- Aivazova, S. G. (2018) Gendernyi faktor razvitiia politiki [Gender in policy development], in: Gaman-Golutvina, O. V., Smorgunova, L. V., Timofeeva, L. N. (eds), *Politika razvitiia, gosudarstvo i mirovoi poriadok: Materialy VIII Vserossiiskogo kongressa politologov*, Moskva, 6–8 dekabria 2018 g., Moscow: Aspekt Press, pp. 22–23.
- Akhtyan, A. G., Anikeeva, O. A., Sizikova, V. V., Shimanovskaya, Ya. V., Starovoitova, L. I., Medvedeva, G. P., Kozlovskaya, S. N. (2018) Information literacy of older people: social aspects of the problem, *International Journal of Civil Engineering and Technology*, vol. 9, no. 11, pp. 1789–1799.
- Ambarova, P. A., Zborovskii, G. E. (2017) Volontery “serebriianogo vozrasta”: regulirovanie temporal’nykh strategii povedeniia vozrastnoi obshchnosti [Silver age volunteers: regulating temporal strategies of behavior in an age-related community], *Vestnik Permskogo natsional’nogo issledovatel’skogo politekhnicheskogo unversiteta*, seriia Sotsial’no-ekonomicheskoe nauki, no. 4, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/volontery-serebriianogo-vozrasta-regulirovanie-temporalnykh-strategiy-povedeniya-vozrastnoy-obshchnosti> (accessed 08.07.2020).
- Anikeeva, O. A., Rudnitskaia, A. P., Reshetnikov, O. V. (eds) (2019) *Osnovy organizatsii i upravleniia dobrovol’cheskoĭ deiatel’nost’iu* [Basics of organizing and managing volunteer activities], Moscow: Rossiiskii gosudarstvennyi sotsial’nyi unversitet.
- Anikeeva, O., Vorontsova, E., Maksimova, E., Seredina, M., Sizikova, V. (2020) Socio-cultural socialization of disabled people and persons with disabilities: to the formation of a new open society, *International Journal of Psychosocial Rehabilitation*, vol. 24, iss. 5, pp. 4493–4508.
- Boitsov, S. A., Drapkina, O. M., Kalinina, A. M. (2017) *Organizatsiia provedeniia dispanserizatsii opredelennykh grupp vzroslogo naseleniia: Metodicheskie rekomendatsii po prakticheskoi realizatsii prikaza Minzdrava Rossii ot 26 oktiabria 2017 g. № 869n* “Ob utverzhdenii poriadka provedeniia dispanserizatsii opredelennykh grupp vzroslogo naseleniia” [Organization of medical examinations for certain groups of the adult population: Guidelines for the practical implementation of the order of the Ministry of Health of the Russian Federation dated October 26, 2017 no. 869n “On approval of the procedure for conducting medical Examinations of certain groups of the adult population”], available from <http://www.gnicpm.ru>; <http://ropniz.ru> (accessed 08.07.2020).
- Eliutina, M., Trofimova, O. (2017) Odinokoe prozhivanie i perezhivanie odinochestva v pozdnem vozraste [Living alone and experiencing loneliness later in life], *Zhurnal issledovaniĭ sotsial’noi politiki*, vol. 15, no. 1, pp. 37–50.
- Firsova, N. G. (2012) Osobennosti samoosnki liudeĭ posle vykhoda na pensiiu [Features of people’s self-assessment after retirement], *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo unversiteta*, seriia Gumanitarnye nauki, no. 24, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-samoosnki-lyudey-pozhilogo-vozrasta-posle-vyhoda-na-pensiyu> (accessed 10.07.2020).
- Grigor’eva, I. A. (2018) Pozhilye zhenshchiny: “vniz po lestnitse” vozrasta i gendera [Older women: “down the ladder” of age and gender], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 5–18.
- Grigor’eva, N. S., Chubarova, T. V. (2019) Gendernye razvilki zdorov’ia i zdravookhraneniia v Rossii [The bifurcation of gender health and healthcare in Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 55–71.
- Irsetskaia, E. A. (2016) Praktiki vzaimodeĭstviia pensionerov s blizhnim okruzeniem [Practices of interaction between pensioners and their immediate environment], *Vestnik*

- Rossiiskogo gumanitarnogo gosudarstvennogo universiteta*, seriia Filosiia. Sotsiologia. Iskusstvovedenie, no. 2, pp. 63—70.
- Kashina, M. A., Vasilenko, L. A. (2019) Fraktal'nost' gendernykh otnoshenii i ispol'zovanie gendernogo resursa gosudarstvennoi politiki i upravleniia v sovremennoi Rossii [Fractality of gender relations and use of the gender resource of state policy and management in modern Russia], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 17—31.
- Khasbulatova, O. A. (2001) Gendernye stereotipy v politicheskoi kul'ture: spetsifika rossiiskogo opyta [Gender stereotypes in political culture: specifics of the Russian experience], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3—4, pp. 17—24.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N., Rostovskaia, T. K. (2020) Tekhnologicheskaia gendernaia segregatsiia na rynke truda v ekonomike XXI veka: napravleniia issledovaniia [Technological gender segregation in the labor market in the economy of the XXI century: research directions], in: *Zhenshchiny v professiakh XXI veka: tendentsii, problemy, perspektivy*: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 9—14.
- Kolpina, L. V. (2017) Sotsial'noe zdorov'e: opredelenie i mekhanizmy vliianiia na obshchee zdorov'e: obzor literatury [Social health: definition and mechanisms of influence on General health: literature review], *Sinergiia*, no. 2, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnoe-zdorovie-opredelenie-i-mehanizmy-vlianiya-na-obshee-zdorovie-obzor-literatury> (accessed 07.07.2020).
- Madridskii mezhdunarodnyi plan deistvii po problemam starenii 2002 goda* (2002), available from http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/pdf/ageing_prog.pdf (accessed 10.07.2020).
- Mustaeva, F. A., Sizonenko, Z. L., Iuldasheva, O. N. (2016) Issledovanie roli sem'i v zhizni pozhilogo cheloveka [Research on the role of family in the life of an elderly person], *Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke*, no. 10, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/issledovanie-rol-semi-v-zhizni-pozhilogo-cheloveka> (accessed 06.06.2020).
- Nizamova, A. N. (2016) Aktivnoe dolgoletie i vneshnii vid: kak teoreticheskai kontseptsiiia reguliruet samovospriatie v starshego vozraste? [Active longevity and appearance: how does the theoretical concept regulate self-perception in older age?], *Zhurnal issledovani sotsial'noi politiki*, vol. 14, no. 4, pp. 569—585.
- Rakhmanov, R. S., Gadzhiiibragimov, D. A., Evdokimov, A. V. (2014) Otsenka faktorov riska dlia zdorov'ia zhenshchin po pokazateliam antropometrii i fiziometrii [Assessment of risk factors for women's health by indicators of anthropometry and physiometry], *Zdorov'e naseleniia i sreda obitaniia*, no. 5, available from <https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-faktorov-riska-dlya-zdorovya-zhenshchin-po-pokazatelyam-antropometrii-i-fiziometrii> (accessed 05.06.2020).
- Rogozin, D. M. (2012) Liberalizatsiia starenii, ili Trud, znaniia i zdorov'e v starshego vozraste [Liberalization of ageing, or Labor, knowledge and health in older age], *Sotsiologicheskii zhurnal*, no. 4, pp. 62—93.
- Rostovskaia, T. K., Egorychev, A. M., Guliaev, S. B. (2020) Istoriko-kul'turologicheskii vzgliad na obraz zhenshchiny: mnogomernost' vospriiatiia i vyrazheniia [Historical and cultural view of the image of a woman: multidimensional perception and expression], *Tsenosti i smysly*, no. 1, pp. 110—124.
- Rostovskaia, T. K., Tolmachev, D. P. (2020) Vliianie COVID-19 na sotsial'nye kommunikatsii naseleniia starshego vozrasta v gorode Moskve [Impact of COVID-19 on social communications of the older population in Moscow], in: *Gosudarstvennaia molodzhnaia politika: natsional'nye proekty 2019—2024 gg. v sotsial'nom razviti molodzhzhi*: Materialy Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Moscow: Perspektiva, pp. 439—444.

- Sizikova, V., Demidova, T., Starovoitova, L., Anikeeva, O., Akhtyan, A., Godzhieva, R., Karpunina, A., Maydangalieva, Zh. (2019) IT and computer technologies for education of senior citizens and improving the quality of their life, *Eurasia Journal of Mathematics, Science and Technology Education*, vol. 15, iss. 11.
- Sizova, I. L. (2017) Work first: zaniatost' i nezaniatost' pozhilykh v sovremennoi Rossii [Work first: employment and unemployment of the elderly in modern Russia], in: Saralieva, Z. Kh. (ed.), *Transformatsiia chelovecheskogo potentsiala v kontekste stoletii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Nizhny Novgorod: Nauchno-issledovatel'skii sotsiologicheskii tsentr, pp. 692—696.
- Zakharova, L. N., Saralieva, Z. Kh.-M., Leonova, I. S. (2020) Sub'ektivnoe blagopoluchie raznovozrastnogo zhenskogo personala innovatsionnykh kompanii [Subjective well-being of female employees of different ages in innovative companies], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 76—88.
- Zamaraeva, Z. P., Antipyev, K. A., Reutov, S. I., Telegina, G. A., Ledentsova, V. A., Voronova, K. A. (2018) The basic concept of the resource-potential approach in social security in Russia and international experience, *European Research Studies Journal*, vol. 21, iss. 1, pp. 417—433.
- Zhenshchiny i muzhchiny Rossii, 2018* (2018) [Women and men of Russia], Moscow: Rosstat.
- Zhenshchiny v professiiakh XXI veka: tendentsii, problemy, perspektivy: Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* (2020) [Women in the professions of the XXI century: trends, problems, prospects], Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet.

Статья поступила 10.09.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Аникеева Ольга Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры социальной работы, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия, olga-double@mail.ru (Cand. Sc. (History), Associate Professor at Social Work Department, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation).

Фомина Светлана Николаевна — доктор педагогических наук, профессор кафедры социальной педагогики и организации работы с молодежью, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия, fominasn@rgsu.net (Dr. Sc. (Pedagogy), Professor at the Department of Social Pedagogy and Work with Youth Organization, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation).

Шимановская Янина Васильевна — кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социальной работы, заместитель декана факультета социальной работы, Российский государственный социальный университет, г. Москва, Россия, ShimanovskajaJa@rgsu.net (Cand. Sc. (Sociology), Associate Professor, Head of Social Work Department, Deputy Dean of the Faculty of Social Communications, Russian State Social University, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 106—120
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.7

Женщина в российском обществе
2021. Специальный выпуск. С. 106—120
ББК 60.561.6
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.7

ГЕНДЕРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ СМЕРТНОСТИ ОТ ВИЧ-ИНФЕКЦИИ

А. Е. Иванова^{a, b}

^a Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия

^b Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента, Департамент здравоохранения г. Москвы, г. Москва, Россия, ivanova-home@yandex.ru

Цель исследования — установить гендерные особенности смертности от ВИЧ-инфекции, а также выявить социально-демографический контекст более негативной динамики смертности женщин. Используются данные официальной статистики о смертности Росстата, а также сведения информационной системы об умерших в Москве (РФС-ЕМИАС), которая основана на данных медицинских свидетельств о смерти, выданных организациями Департамента здравоохранения Москвы. Установлено, что источники более негативной динамики смертности женщин не связаны с их социально-демографическим статусом, а определяются иными факторами. Гендерно-нейтральным является социально-демографический портрет умерших от ВИЧ, в котором отсутствуют значимые различия между мужчинами и женщинами и по уровню образования, и по частоте безработицы, и по распространению одиночества из-за отсутствия семьи. Региональные векторы смертности мужчин и женщин от ВИЧ также совпадают.

Ключевые слова: ВИЧ-инфекция, смертность, гендерные различия, социально-демографический статус.

GENDER FEATURES OF MORTALITY FROM HIV INFECTION

A. E. Ivanova^{a, b}

^a Institute for Demographic Research, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

^b Research Institute of Healthcare Organization and Medical Management, Moscow Department of Healthcare, Moscow, Russian Federation, ivanova-home@yandex.ru

The aim of the study is to establish the gender characteristics of mortality from HIV infection, as well as to identify the socio-demographic context of the more negative dynamics of mortality among women. We used data from the official statistics on mortality from Rosstat, as well as information from the information system on deaths in Moscow (RFS-UMIAS), which is based on data from medical death certificates issued by medical organizations of the Moscow

Department of Health. It was found that the sources of more negative dynamics of female mortality are not related to their socio-demographic status, but are determined by other factors. The socio-demographic portrait of those who died from HIV is gender neutral, showing no significant differences between men and women in terms of education, or the frequency of unemployment, or the prevalence of loneliness due to lack of family. The regional vector of HIV mortality in men and women also coincides.

Key words: HIV infection, mortality, gender differences, socio-demographic status.

Постановка задачи

В развитых странах основными проблемами здоровья населения признаны хронические неинфекционные заболевания, обусловленные преимущественно поведенческими факторами риска, что, в свою очередь, определяет стратегии охраны здоровья населения в этих странах. Инфекции, в том числе ВИЧ, являются проблемами в основном для стран с низким уровнем доходов. Ситуация в России, в силу незавершенности предыдущих этапов эпидемиологического перехода и среднего уровня доходов населения, характерного для стран с переходной экономикой, отмечается актуальностью проблем, специфичных как для развитых стран, так и для государств с низким уровнем доходов [Вишневецкий, 2014; Семенова, 2005; Santosa et al., 2014; Global Health Observatory... , 2016].

Главной патологией, определявшей инфекционную смертность в России на протяжении десятилетий, был туберкулез. Но с начала 2000-х гг. на фоне роста заболеваемости, вызванной ВИЧ, отмечается стремительное увеличение смертности от этой инфекции, и к настоящему времени 70 % всех смертей от инфекционных болезней определяет ВИЧ-инфекция [Покровский и др., 2017; Сабгайда и др., 2020; Шабунова и др., 2017].

Принципиальной особенностью смертности от ВИЧ-инфекции является более негативное развитие ситуации у женщин [Покровский и др., 2017]. Авторы объясняют этот процесс ростом частоты передачи ВИЧ при гетеросексуальных контактах, что знаменует переход ВИЧ от группы наркопотребителей в общее население, вовлекает в эпидемический процесс женщин и ухудшает социальные и экономические последствия распространения ВИЧ-инфекции. В частности, отмечается, что в структуре суммарных потерь от преждевременной смертности от ВИЧ-инфекции примерно 70 % составляют неявные потери, обусловленные смертностью женщин фертильного возраста, что наносит стране демографический ущерб [Подымова и др., 2018]. За период с 2000 по 2019 г. смертность женщин в России выросла значительно, чем смертность мужчин. Причем более неблагоприятная динамика у женщин сохранялась в течение всего периода, включая последние годы. Так, за 2010—2019 гг. смертность мужчин увеличилась в 2,7 раза, женщин — в 3,5 раза, в том числе в 2015—2019 гг. — в 1,2 и 1,5 раза соответственно.

Несмотря на существенные гендерные различия смертности от ВИЧ-инфекции, исследователи практически не уделяют внимания этим аспектам проблемы. Кроме того, не выявлены источники более негативной динамики, связанные с социально-демографическим статусом. Цель настоящего исследования — установить гендерные особенности смертности от ВИЧ-инфекции, а также выявить социально-демографический контекст более негативной динамики смертности женщин.

Материалы и методы

В исследовании использованы данные официальной статистики о смертности Росстата, рассчитаны возрастные и стандартизованные показатели смертности от ВИЧ-инфекции (европейский стандарт возрастной структуры). Для анализа социально-демографического статуса умерших от ВИЧ использованы сведения информационной системы об умерших в Москве (РФС-ЕМИАС), которая основана на данных медицинских свидетельств о смерти, выданных организациями Департамента здравоохранения Москвы.

Результаты и обсуждение

Москва опережала страну в целом и по скорости разворачивания негативных тенденций, и по времени начала их затухания (рис. 1). Статистически значимое число мужчин, умерших от ВИЧ-инфекции, в Москве начало фиксироваться в 1993 г., женщин — в 1996 г., в России — в 1997 и 2001 гг. соответственно. Вплоть до 2011 г. показатели смертности от ВИЧ в столице превышали среднероссийские. Затем в Москве наметилось замедление роста смертности, более выраженное у мужчин. На фоне этой траектории отмечен ее всплеск в 2017 г. В России рост смертности с неизменным темпом сохранялся по 2018 г. включительно, и лишь в 2019 г. наметилось незначительное снижение. Подобное соотношение тенденций смертности позволяет рассматривать Москву как перспективу развития эпидемической ситуации в России с лагом до 10 лет.

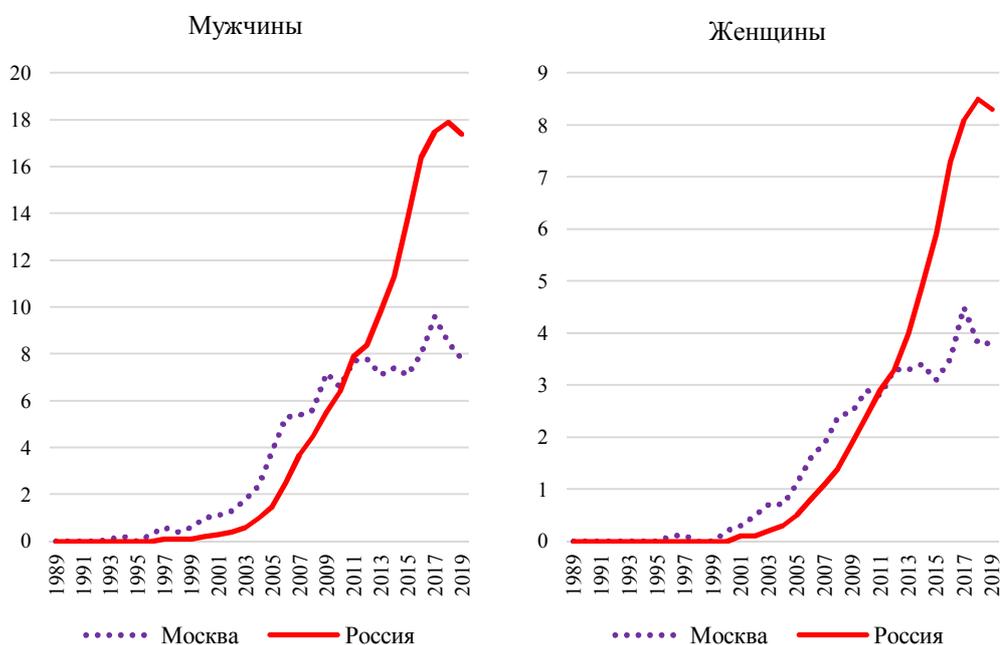

Рис. 1. Динамика смертности от ВИЧ-инфекции в России и в Москве в 1989—2019 гг., стандартизованный коэффициент на 100 тыс. чел.

Траектории изменения смертности дифференцированы по возрастному вектору (рис. 2).

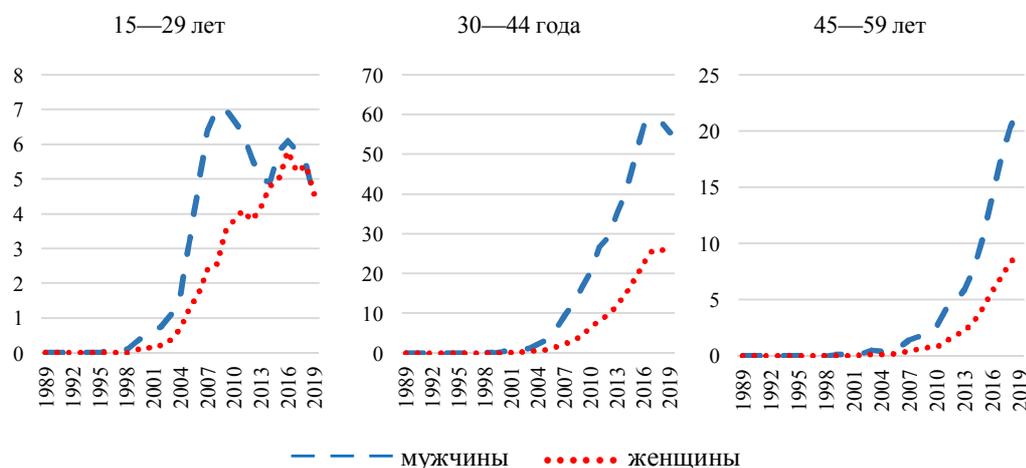

Рис. 2. Динамика смертности от ВИЧ-инфекции в Российской Федерации в отдельных возрастных группах, стандартизованный коэффициент на 100 тыс. чел. соответствующего пола и возраста

На первый взгляд более благополучно разворачивается ситуация среди молодежи — лиц от 15 до 30 лет: смертность и мужчин и женщин начала снижаться в 2016 г., тогда как в отношении 30—44-летних в 2016—2018 гг. можно говорить только об относительной стабилизации и лишь в 2019 г. — первых признаках снижения; при этом среди 45—59-летних рост смертности продолжается без признаков замедления.

Вместе с тем гендерные соотношения смертности позволяют идентифицировать именно молодежь как наименее благополучную группу. Если среди 45—59-летних мужская смертность превышает женскую в 2,4 раза, среди 30—44-летних — в 2,1 раза, то среди 15—29-летних уровни мужской и женской смертности совпадают. Рассмотрим далее региональный аспект смертности. Сравнительных исследований по этой теме практически нет. Большинство работ посвящены ситуации в отдельном регионе [Яковлев и др., 2015; Подымова и др., 2018; Лебедев и др., 2007] или в регионах определенного федерального округа [Пасечник и др., 2017], часто они базируются на материалах одной больницы [Леонова и др., 2017; Рахманова и др., 2012; Дьяченко и др., 2014]. Среди зарубежных работ обращают на себя внимание исследования, связывающие заболеваемость и ее исходы с принадлежностью к той или иной расовой или этнической группе [Cantwell et al., 1998]. Подобное исследование было проведено в Татарстане и посвящено сравнительной оценке эпидемиологических характеристик ВИЧ-инфицированных русских и татар [Шарипова и др., 2014].

Различия в показателях смертности от ВИЧ в регионах России определяет небольшое число территорий со сверхвысокой смертностью как мужчин, так и женщин — Кемеровская, Иркутская, Свердловская, Новосибирская, Самарская,

Оренбургская, Челябинская, Курганская области, а также Алтайский и Пермский края (рис. 3). Таким образом, крайне неблагоприятные территории сконцентрированы в регионах Урала и Западной Сибири. Обычно проблемность ситуации в данных регионах связывают с наркотрафиком из Казахстана и Средней Азии. Но в этом случае трудно объяснить крайне низкие показатели смертности от ВИЧ в республиках Северного Кавказа, где проблема инъекционной наркомании также является очень острой, хотя и непубличной. Во всяком случае, гендерные особенности в региональном распределении смертности от ВИЧ-инфекции в настоящее время отсутствуют.

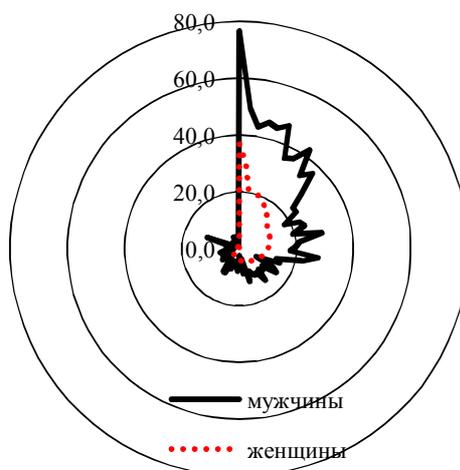

Рис. 3. Смертность от ВИЧ-инфекции в регионах Российской Федерации в 2019 г., стандартизованный коэффициент на 100 тыс. мужчин и женщин

Далее перейдем к иным социально-демографическим признакам эпидемиологической ситуации. Анализ проведем на основе данных за 2019 г. по Москве. Среди умерших в столице от ВИЧ-инфекции 35,9 % составили женщины, причем это соотношение определялось трудоспособными возрастными группами, поскольку и в дотрудоспособных группах, и среди умерших в старших трудоспособных возрастах соотношение мужчин и женщин было одинаковым. Эти пропорции свидетельствуют о существенных гендерных деформациях смертности от ВИЧ, поскольку среди умерших от всех причин в трудоспособных возрастах доля женщин составляет всего 22,1 %.

Спецификой ситуации в Москве является тот факт, что около 40 % умерших от ВИЧ, причем как мужчин, так и женщин, были иногородними. При этом их состав крайне неоднороден. 14,6 % составляли граждане практически всех бывших республик СССР, исключая Грузию и Туркмению, а также прибалтийские республики; 54,2 % — граждане Российской Федерации, имеющие постоянное место жительства в других регионах страны; 31,3 % — лица без определенного места жительства. О присутствии в структуре ВИЧ-инфицированных заметной доли бездомных свидетельствуют и другие авторы [Яковлев и др.,

Несмотря на то что в среднем уровень образования умерших в Москве от ВИЧ в трудоспособном возрасте заметно ниже, чем в среднем по столице, абсолютное большинство получили, как минимум, общее среднее образование. Однако не работали около 70 % как мужчин, так и женщин, причем и москвичей, и иногородних (табл. 2).

Таблица 2

**Распределение по характеру занятости умерших в Москве от ВИЧ
в трудоспособном возрасте (2019 г.), %**

Характер занятости	Женщины		Всего	Мужчины		Всего
	москвички	иногородние		москвичи	иногородние	
Безработные	71,0	65,2	69,1	68,3	72,3	69,7
Неквалифицированные рабочие	0,5	2,2	1,1	–	0,0	0,0
Квалифицированные рабочие	1,1	3,4	1,8	1,3	4,9	2,6
Прочие специалисты	10,4	19,1	13,2	13,3	10,9	12,4
Руководители и специалисты высшего уровня квалификации	–	–	–	0,3	0,0	0,2
Пенсионеры	10,9	2,2	8,1	11,7	1,6	8,0
Прочие	6,0	7,9	6,6	5,1	12,5	7,8
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Среди работавших практически не встречаются высококвалифицированные специалисты или рабочие. Единственная позиция, которая представлена со статистически значимой частотой, — «прочие специалисты». Судя по перечню профессий, отнесенных к данной категории, это виды занятости, не требующие специального образования и квалификации. К низкоквалифицированным видам деятельности отнесена занятость, объединенная в группу «прочие». Между мужчинами и женщинами отсутствуют статистически значимые различия по доле занятых в этих категориях. Однако эти различия имеются между москвичами и иногородними: у женщин они значимы по категории «прочие специалисты», у мужчин — по категории «прочие», и в том и в другом случае доля занятых по этим категориям выше среди иногородних.

Существенные расхождения в структуре занятости между москвичами и иногородними касаются также удельного веса пенсионеров. Десятая часть москвичей трудоспособного возраста, умерших от ВИЧ, как мужчин, так и женщин, имели статус пенсионера, тогда как среди иногородних их доля составляла около 2 %. Пенсионный статус в границах трудоспособного возраста может быть обусловлен досрочным выходом на пенсию из-за занятости определенными видами труда преимущественно во вредных, опасных и тяжелых условиях, что не связано с заболеванием ВИЧ-инфекцией. Другой причиной пенсионного статуса в трудоспособном возрасте может быть инвалидность, которая назначается при выраженных нарушениях функций организма вследствие ВИЧ-инфекции.

Более чем 2/3 умерших от ВИЧ в трудоспособном возрасте, как мужчин, так и женщин, не состояли в зарегистрированном браке, что существенно больше, чем в среднем по Москве в аналогичном возрасте. Среди иногородних эта цифра несколько ниже, но за счет не большей доли состоящих в браке, а большего удельного веса лиц с неизвестным брачным статусом (табл. 3).

Таблица 3

**Распределение по состоянию в браке умерших в Москве от ВИЧ
в трудоспособном возрасте (2019 г.), %**

Состояние в браке	Женщины		Всего	Мужчины		Всего
	москвички	иногородние		москвичи	иногородние	
Состоит в зарегистрированном браке	24,0	23,6	23,9	29,2	28,8	29,1
Не состоит в зарегистрированном браке	73,2	61,8	69,5	69,8	61,4	66,7
Неизвестно	2,7	14,6	6,6	1,0	9,8	4,2
<i>Всего</i>	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Помимо категории умерших, первоначальной причиной смерти которых являлась ВИЧ-инфекция, имеется еще довольно большая группа умерших от других причин, при этом у них среди сопутствующих состояний была указана ВИЧ-инфекция, но степень ее прогрессирования не достигала терминальной стадии. Судя по данным за 2019 г., соотношение этих групп в Москве составляло 4 : 1. Между тем международные данные свидетельствуют, что на фоне антиретровирусной терапии (АРВТ) наблюдается снижение количества смертей от ВИЧ и увеличение доли умирающих от не связанных с ВИЧ расстройств [Глобальная статистика по ВИЧ; Lewden et al., 2005; Sackoff et al., 2006; Mascolini, 2004]. Об этом же свидетельствуют и российские данные [Рахманова и др., 2012; Дьяченко и др., 2014; Шабунова и др., 2017; Пасечник и др., 2017].

Интересно сопоставить социальный портрет умерших от ВИЧ и тех, кто умер от других причин, имея ВИЧ среди сопутствующих состояний. Оказалось, что независимо от роли ВИЧ в летальном процессе по социально-демографическому статусу носители инфекции практически не отличались. Так, среди умерших от других причин с сопутствующим ВИЧ-статусом 18,4 % женщин и 17,4 % мужчин трудоспособного возраста имели высшее образование, а основная часть — только среднее образование, общее (21,1 % женщин и 29,0 % мужчин) или специальное (42,1 % мужчин и 44,9 % женщин). Вместе с тем 2/3 умерших рассматриваемой группы не работали, а высококвалифицированным трудом были заняты единицы. Значительная часть умерших с сопутствующим ВИЧ-статусом была пенсионерами — 18,4 % женщин и 10,1 % мужчин. И наконец, лишь четверть лиц данной группы (26,3 % женщин и 29,0 % мужчин) состояли в браке, тогда как 2/3 не имели семьи (63,2 % женщин и 65,2 % мужчин).

Обсуждая полученные результаты, следует отметить ряд моментов.

Необходимо осмыслить динамику смертности от ВИЧ. Большинство умерших ВИЧ-инфицированных составляют люди в возрасте 30—40 лет, и общая смертность, несмотря на десятилетний период применения АРВТ, остается высокой, более того, до последнего времени она продолжала расти. Даже в Москве, где темпы роста смертности снизились, пока не сформированы позитивные тенденции, несмотря на отсутствие в столице финансовых ограничений для обеспечения АРВТ нуждающихся в ней. Это расходится с мировой практикой европейских и северо-американских стран, где на фоне терапии существенно возрастает продолжительность жизни и наметилось снижение смертности больных с ВИЧ [Рассохин и др., 2015; Centers... , 2003].

Одним из значимых факторов небольшой продолжительности жизни ВИЧ-инфицированных является, по мнению исследователей, высокая нагрузка сочетанной патологии (вирусные гепатиты, наркомания, туберкулез), которая провоцирует развитие комплекса соматических расстройств, усугубляющих прогрессирование ВИЧ-инфекции [Вирус... , 2010; Леонова и др., 2017; Яковлев и др., 2015; Рахманова и др., 2012; Kitahata et al., 2009; Сабгайда и др., 2020; Рахманова, Яковлев, 2010; Кожевникова и др., 2000]. При позднем обращении за лечением летальный исход в этом случае практически неизбежен.

Данные результаты позволяют по-новому осмыслить региональные различия смертности от ВИЧ в России. Оказалось, что регионами со сверхвысокой смертностью от этой инфекции являются территории Урала и Западной Сибири, через которые проходит наркотрафик из Казахстана и Средней Азии. Уральский федеральный округ характеризуется также высокими показателями смертности от причин, связанных с наркотиками, а Сибирский — самой высокой смертностью от хронического гепатита С и туберкулеза. Таким образом, можно предположить, что в неблагополучных по смертности от ВИЧ территориях концентрируются больные с высокой сочетанностью социально значимой патологии, ускоряющей летальный исход от ВИЧ.

Медицинский статус больных ВИЧ — сочетанность социально значимой патологии и позднее обращение за лечением — тесно связан с их социальным статусом (невысокий, как правило, уровень образования, безработность или занятость низкоквалифицированным трудом, снижающим социальный статус даже на фоне имеющегося образования, одиночество). Аналогичные результаты получены и другими авторами [Пантелеева и др., 2011; Рыманова и др., 2015; Барканова и др., 2018].

Как показало проведенное исследование, в социально-демографическом портрете мужчин и женщин, умерших от ВИЧ-инфекции или от других причин при ее наличии, практически отсутствуют различия (критерии — уровень образования, характер занятий, состояние в браке). Это тем более удивительно, что гендерные различия в социальном статусе у населения достаточны велики и выразительны. Полученные результаты могут означать, что болезнь является своеобразным фильтром, более значимым с точки зрения риска стать жертвой ВИЧ, чем гендерные характеристики.

Еще один аргумент в пользу гипотезы о нивелирующем влиянии ВИЧ на социальный статус и на стирание гендерных различий связан со сравнением

статуса умерших из числа постоянных жителей Москвы и иногородних, треть из которых составляют лица БОМЖ. Проведенное исследование показало, что по соотношению доли лиц с высшим и средним образованием, доли безработных, а также доли лиц, не имеющих семьи, москвичи и иногородние, как мужчины, так и женщины, умершие от ВИЧ в трудоспособном возрасте, принципиально не отличаются друг от друга.

И, наконец, анализ регионального вектора показал, что территории как неблагоприятные по смертности от ВИЧ, так и сравнительно благоприятные по этому показателю практически полностью совпадают для мужчин и женщин. Это означает, что факторы, определяющие эпидемиологическую ситуацию в регионе, являются универсальными и не имеют гендерной специфики.

Выводы

Рост смертности от ВИЧ в России сохранялся полтора десятилетия вплоть до 2019 г., при этом у женщин его темпы были более высокими. Гендерные соотношения смертности позволяют идентифицировать молодежь от 15 до 30 лет как наименее благополучную группу, для которой уровни смертности мужчин и женщин сравнялись.

Территории как неблагоприятные по смертности от ВИЧ, так и сравнительно благоприятные по этому показателю практически полностью совпадают для мужчин и женщин. Это означает, что факторы, определяющие эпидемиологическую ситуацию в регионе, являются универсальными и не имеют гендерной специфики.

Гендерно-нейтрален и социально-демографический портрет умерших от ВИЧ, в котором не обнаруживаются значимых различий ни по уровню образования, ни по частоте безработицы, ни по распространению одиночества из-за отсутствия семьи. Полученные результаты могут означать, что болезнь является своеобразным фильтром, более значимым с точки зрения риска стать жертвой ВИЧ, чем гендерные характеристики.

Таким образом, источники более негативной динамики смертности женщин не связаны с их социально-демографическим статусом, а определяются иными факторами.

Библиографический список

- Барканова О. Н., Гагарина С. Г., Калуженина А. А. Медико-социальный портрет больных туберкулезным менингоэнцефалитом в сочетании с ВИЧ-инфекцией // Научный альманах. 2018. № 9-2(47). С. 61—64.
- Вирус иммунодефицита человека — медицина / под ред. Н. А. Белякова, А. Г. Рахмановой. СПб.: Балт. мед. образоват. центр, 2010. 752 с.
- Вшивневский А. Г. Смертность в России: несостоявшаяся вторая эпидемиологическая революция // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 4. С. 5—40.
- Глобальная статистика по ВИЧ: информационный бюллетень // ЮНЭЙДС. URL: <http://www.unaids.org/ru/resources/fact-sheet> (дата обращения: 25.03.2018).

- Дьяченко А. Г., Грабовый С. Л., Панченко О. П., Панасенко Л. М. Причины смерти ВИЧ-инфицированных на фоне антиретровирусной терапии: смена парадигмы // Туберкулез, легочные болезни, ВИЧ-инфекция. 2014. № 4. С. 98—105.
- Кожевникова Г. М., Серова В. В., Бобкова М. Р. и др. Вирусные гепатиты В и С у потребителей психотропных препаратов, вводимых парентерально // Журнал микробиологии. 2000. № 4. С. 49—53.
- Лебедев П. В., Ларин Ф. И., Осинина А. А., Палагута А. Е. Анализ смертности ВИЧ-инфицированных в Краснодарском крае за 1996—2006 гг. // Инфекционные болезни. 2007. Т. 5, № 4. С. 63—65.
- Леонова О. Н., Степанова Е. В., Беляков Н. А. Тяжелые и коморбидные состояния у больных с ВИЧ-инфекцией: анализ неблагоприятных исходов // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2017. Т. 9, № 1. С. 55—64.
- Павроз К. А., Исаева Н. В., Копысова И. В., Окунева И. А. Заболеваемость вирусными гепатитами смешанной этиологии среди лиц, страдающих наркологическими расстройствами // Вестник Российской военно-медицинской академии. Приложение. Ч. 2. 2008. № 2. С. 426.
- Пантелеева О. В., Рассохина В. В., Романова С. Ю., Федоров П. Н., Минин П. В., Колпащикова Е. Ю. Медико-социальный портрет больных с хроническими гепатитами и ВИЧ-инфекцией // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2011. Т. 3, № 1. С. 72—75.
- Пасечник О. А., Левахина Л. И., Тюменцев А. Т., Пиценко Н. Д. Динамика и структура смертности больных ВИЧ-инфекцией в Сибирском Федеральном округе в 2006—2015 гг. // Журнал инфектологии. 2017. Т. 9, № 2. С. 86—92.
- Подымова А. С., Баскакова И. В., Баландина М. С. Оценка социально-экономических потерь от преждевременной смертности населения от ВИЧ-инфекции // Экономика региона. 2018. Т. 14, № 4. С. 1341—1355.
- Покровский В. В., Ладная Н. Н., Покровская А. В. ВИЧ/СПИД сокращает число россиян и продолжительность их жизни // Демографическое обозрение. 2017. Т. 4, № 1. С. 65—82.
- Рассохин В. В., Бузунова С. А., Врацких Т. В., Пантелеева О. В., Торопов С. Э., Тотрова З. М., Голубкин А. А., Орлов Г. М., Беляков Н. А. Проблема старения и инвалидизации ВИЧ-инфицированных пациентов // ВИЧ-инфекция и иммуносупрессии. 2015. Т. 7, № 1. С. 7—15.
- Рахманова А. Г., Яковлев А. А. Хронические вирусные гепатиты и ВИЧ-инфекция // Вирус иммунодефицита человека — медицина / под ред. Н. А. Белякова и А. Г. Рахмановой. СПб.: Балт. мед. образоват. центр, 2010. С. 353—356.
- Рахманова А. Г., Яковлев А. А., Дмитриева М. И., Виноградова Т. Н., Козлов А. А. Анализ причин смерти ВИЧ-инфицированных в 2008—2010 гг. по материалам клинической инфекционной больницы им. С. П. Боткина, г. Санкт-Петербург // Казанский медицинский журнал. 2012. Т. 93, № 3. С. 522—526.
- Рыманова И. В., Сергеева Н. В., Собкин А. Л., Волковинская Л. С., Мишин В. Ю. Социальный статус и медицинский портрет больных туберкулезом, сочетанным с ВИЧ-инфекцией // Туберкулез и социально значимые заболевания. 2015. № 4. С. 73—74.
- Сабгайда Т. П., Иванова А. Е., Семенова В. Г., Зубко А. В., Евдокушкина Г. Н. Изменение структуры инфекционной смертности в постсоветский период // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. 2020. Т. 66, № 2. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1150/30/lang.ru/> (дата обращения: 14.06.2020).
- Семенова В. Г. Обратный эпидемиологический переход в России. М.: Центр соц. прогнозирования, 2005. 270 с.

- Шабунова А. А., Калачикова О. Н., Короленко А. В. Обзор мировых и региональных тенденций заболеваемости ВИЧ-инфекцией и обусловленной ей смертности // Социальные аспекты здоровья населения: электронный научный журнал. 2017. Т. 54, № 2. URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/824/30/lang.ru/> (дата обращения: 14.06.2020).
- Шарипова А. Г., Закиров И. Г., Гильманов А. А. Этническо-эпидемиологическая характеристика ВИЧ-инфицированных, умерших в 2009—2010 гг. в Республике Татарстан // Казанский медицинский журнал. 2014. Т. 95, № 3. С. 421—425.
- Яковлев А. А., Котлярова С. И., Федуняк И. П. и др. Работа медико-социальной службы в крупном инфекционном стационаре // Альманах инфекционных заболеваний. 2009. Т. 98, № 6. С. 252—259.
- Яковлев А. А., Комарова А. Я., Мусатов В. Б., Цинзерлинг В. А. Хронические вирусные гепатиты и их исходы: что нас ждет в ближайшее десятилетие // Клинические перспективы гастроэнтерологии, гепатологии. 2015. № 2. С. 13—21.
- Cantwell M. F., McKenna M. T., McCray E., Onorato I. M. Tuberculosis and race/ethnicity in the United States: impact of socioeconomic status // American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine. 1998. Vol. 157, iss. 4. P. 1016—1020.
- Centers for Disease Control and Prevention. Advancing HIV prevention: new strategies for a changing epidemic — United States, 2003 // Morbidity and Mortality Weekly Report. 2003. Vol. 52, № 15. P. 329—332.
- Global health observatory Data repository // World Health Organization. 2016. 27 October. URL: <http://apps.who.int/gho/data/node.main.RCODWBINC?lang=en> (дата обращения: 14.06.2020).
- Kitahata M. M., Gange S. J., Abraham A. G. et al. Effect of early versus deferred antiretroviral therapy for HIV on survival // New England Journal of Medicine. 2009. Vol. 360, № 18. P. 815—816.
- Lewden C., Salmon D., Morlat P. et al. Causes of death among human immunodeficiency virus (HIV)-infected adults in the era of potent antiretroviral therapy: emerging role of hepatitis and cancers, persistent role of AIDS // International Journal of Epidemiology. 2005. Vol. 34, iss. 1. P. 121—130.
- Mascolini M. Why people with HIV still die and why they don't have to // IAPAC Monthly. 2004. March. P. 78—98.
- Sackoff J. E. et al. Causes of death among persons with AIDS in the era of highly active antiretroviral therapy: New York city // Annals International Medicine. 2006. Vol. 145, iss. 6. P. 397—406.
- Santosa A., Wall S., Fottrell E., Högberg U., Byass P. The development and experience of epidemiological transition theory over four decades: a systematic review // Global Health Action. 2014. Vol. 7, iss. 15. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4038769/> (дата обращения: 14.06.2020).

References

- Barkanova, O. N., Gagarina, S. G., Kaluzhenina, A. A. (2018) Mediko-sotsial'nyĭ portret bol'nykh tuberkulëznym meningoëntsefalitom v sochetanii s VICH-infektsiei [Medical and social portrait of patients with tuberculosis meningoencephalitis in combination with HIV infection], *Nauchnyĭ al'manakh*, no. 9-2(47), pp. 61—64.
- Beliakov, N. A., Rakhmanova, A. G. (eds) (2010) *Virus immunodefitsita cheloveka — meditsina* [Human immunodeficiency virus — medicine], St. Petersburg: Baltiĭskii meditsinskiĭ obrazovatel'nyĭ tsentr.

- Cantwell, M. F., McKenna, M. T., McCray, E., Onorato, I. M. (1998) Tuberculosis and race/ethnicity in the United States: impact of socioeconomic status, *American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine*, vol. 157, iss. 4, pp. 1016—1020.
- Centers for Disease Control and Prevention. Advancing HIV prevention: new strategies for a changing epidemic — United States (2003), *Morbidity and Mortality Weekly Report*, vol. 52, no. 15, pp. 329—332.
- D'iachenko, A. G., Grabovyĭ, S. L., Panchenko, O. P., Panasenko, L. M. (2014) Prichiny smerti VICH-infitsirovannykh na fone antiretrovirusnoĭ terapii: smena paradigmy [Causes of death of HIV-infected people on the background of antiretroviral therapy: a paradigm shift], *Tuberkulëz, lëgochnye bolezni, VICH-infektsiia*, no. 4, pp. 98—105.
- Iakovlev, A. A., Komarova, A. Ia., Musatov, V. B., Tsinzerling, V. A. (2015) Khronicheskie virusnye gepatity i ikh iskhody: chto nas zhdët v blizhaĭshee desiatiletie [Chronic viral hepatitis and its outcomes: what to expect in the next decade], *Klinicheskie perspektivy gastroënterologii, gepatologii*, no. 2, pp. 13—21.
- Iakovlev, A. A., Kotliarova, S. I., Feduniak, I. P. et al. (2009) Rabota mediko-sotsial'noĭ sluzhby v krupnom infektsionnom stacionare [Work of the medical and social service in a large infectious diseases hospital], *Al'manakh infektsionnykh zabolevaniĭ*, vol. 98, no. 6, pp. 252—259.
- Kitahata, M. M., Gange, S. J., Abraham, A. G. et al. (2009) Effect of early versus deferred antiretroviral therapy for HIV on survival, *New England Journal Medicine*, vol. 360, no. 18, pp. 815—816.
- Kozhevnikova, G. M., Serova, V. V., Bobkova, M. R. et al. (2000) Virusnye gepatity V i S u potrebitelëĭ psikhotropnykh preparatov, vvodimykh parenteral'no [Viral hepatitis B and C in users of psychotropic drugs administered parenterally], *Zhurnal mikrobiologii*, no. 4, pp. 49—53.
- Lebedev, P. V., Larin, F. I., Osinina, A. A., Palaguta, A. E. (2007) Analiz smertnosti VICH-infitsirovannykh v Krasnodarskom krae za 1996—2006 gg. [Analysis of HIV-infected deaths in the Krasnodar region for 1996—2006], *Infektsionnye bolezni*, vol. 5, no. 4, pp. 63—65.
- Leonova, O. N., Stepanova, E. V., Beliakov, N. A. (2017) Tiazhëlye i komorbidnye sostoiianiia u bol'nykh s VICH-infektsiei: analiz neblagopriiatnykh iskhodov [Severe and comorbid conditions in patients with HIV infection: analysis of adverse outcomes], *VICH-infektsiia i immunosupressii*, vol. 9, no. 1, pp. 55—64.
- Lewden, C., Salmon, D., Morlat, P. et al. (2005) Causes of death among human immunodeficiency virus (HIV)-infected adults in the era of potent antiretroviral therapy: emerging role of hepatitis and cancers, persistent role of AIDS, *International Journal of Epidemiology*, vol. 34, no. 1, pp. 121—130.
- Panteleeva, O. V., Rassokhina, V. V., Romanova, S. Iu., Fedorov, P. N., Minin, P. V., Kolpashchikova, E. Iu. (2011) Mediko-sotsial'nyĭ portret bol'nykh s khronicheskimi gepatitami i VICH-infektsiei [Medical and social portrait of patients with chronic hepatitis and HPV infection], *VICH-infektsiia i immunosupressii*, vol. 3, no. 1, pp. 72—75.
- Pasechnik, O. A., Levakhina, L. I., Tiumentsev, A. T., Pitsenko, N. D. (2017) Dinamika i struktura smertnosti bol'nykh VICH-infektsiei v Sibirskom federal'nom okruge v 2006—2015 gg. [Dynamics and structure of mortality of HIV-infected patients in the Siberian Federal district in 2006—2015], *Zhurnal infektologii*, vol. 9, no. 2, pp. 86—92.
- Pavroz, K. A., Isaeva, N. V., Kopysova, I. V., Okuneva, I. A. (2008) Zabolevaemost' virusnymi gepatitami smeshannoĭ ètiologii sredi lits, stradaiushchikh narkologicheskimi rasstroĭstvami [Incidence of viral hepatitis of mixed etiology among people suffering

- from drug-related disorders], *Vestnik Rossiiskoi voenno-meditsinskoï akademii*, Prilozhenie, pt. 2, no. 2, p. 426.
- Podymova, A. S., Baskakova, I. V., Balandina, M. S. (2018) Otsenka sotsial'no-ekonomicheskikh poter' ot prezhdvremennoi smertnosti naseleniia ot VICH-infektsii [Assessment of socio-economic losses from premature mortality from HIV infection], *Èkonomika regiona*, vol. 14, no. 4, pp. 1341—1355.
- Pokrovskii, V. V., Ladnaia, N. N., Pokrovskaiia, A. V. (2017) VICH/SPID sokrashchaet chislo rossiian i prodolzhitel'nost' ikh zhizni [HIV/AIDS reduces the number of Russians and their life expectancy], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 4, no. 1, pp. 65—82.
- Rakhmanova, A. G., Iakovlev, A. A. (2010) Khronicheskie virusnye gepatity i VICH-infektsiia [Chronic viral hepatitis and HIV infection], in: Beliakov, N. A., Rakhmanova, A. G. (eds), *Virus immunodefitsita cheloveka — meditsina*, St. Petersburg: Baltiiskii meditsinskii obrazovatel'nyi tsestr, pp. 353—356.
- Rakhmanova, A. G., Iakovlev, A. A., Dmitrieva, M. I., Vinogradova, T. N., Kozlov, A. A. (2012) Analiz prichin smerti VICH-infitsirovannykh v 2008—2010 gg. po materialam klinicheskoi infektsionnoi bol'nitsy im. S. P. Botkina, g. Sankt-Peterburg [Analysis of the causes of death of HIV-infected people in 2008—2010 based on the materials of the Botkin clinical infectious diseases hospital, Saint Petersburg], *Kazanskiï meditsinskii zhurnal*, vol. 93, no. 3, pp. 522—526.
- Rassokhin, V. V., Buzunova, S. A., Vratskikh, T. V., Panteleeva, O. V., Toropov, S. E., Totrova, Z. M., Golubkin, A. A., Orlov, G. M., Beliakov, N. A. (2015) Problema stareniiia i invalidizatsii VICH-infitsirovannykh patsientov [The problem of aging and disability of HIV-infected patients], *VICH-infektsiia i immunosupressii*, vol. 7, no. 1, pp. 7—15.
- Rymanova, I. V., Sergeeva, N. V., Sobkin, A. L., Volkovskaia, L. S., Mishin, V. Iu. (2015) Sotsial'nyi status i meditsinskii portret bol'nykh tuberkulëzom, sochetannym s VICH-infektsiei [Social status and medical profile of patients with tuberculosis combined with HIV infection], *Tuberkulez i sotsial'no znachimye zabolëvaniia*, no. 4, pp. 73—74.
- Sabgaida, T. P., Ivanova, A. E., Semenova, V. G., Zubko, A. V., Evdokushkina, G. N. (2020) Izmenenie struktury infektsionnoi smertnosti v postsovetskiï period [Changes in the structure of infectious mortality in the post-Soviet period], *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia naseleniia: Èlektronnyi nauchnyi zhurnal*, vol. 66, no. 2, available from <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1150/30/lang.ru/> (accessed 14.06.2020).
- Sackoff, J. E. et al. (2006) Causes of death among persons with AIDS in the era of highly active antiretroviral therapy: New York city, *Annals International Medicine*, vol. 145, iss. 4, pp. 397—406.
- Santosa, A., Wall, S., Fottrell, E., Högberg, U., Byass, P. (2014) The development and experience of epidemiological transition theory over four decades: a systematic review, *Global Health Action*, vol. 7, iss. 1, available from <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC4038769/> (accessed 14.06.2020).
- Semenova, V. G. (2005) *Obratnyi epidemiologicheskii perekhod v Rossii* [Reverse epidemiological transition in Russia], Moscow: Tsestr sotsial'nogo prognozirovaniia.
- Shabunova, A. A., Kalachikova, O. N., Korolenko, A. V. (2017) Obzor mirovykh i regional'nykh tendentsii zabolëvaemosti VICH-infektsiei i obuslovlënoi ei smertnosti [Overview of global and regional trends in HIV infection and related mortality], *Sotsial'nye aspekty zdorov'ia naseleniia: Èlektronnyi nauchnyi zhurnal*, vol. 54, no. 2, available from <http://vestnik.mednet.ru/content/view/824/30/lang.ru/> (accessed 14.06.2020).
- Sharipova, A. G., Zakirov, I. G., Gil'manov, A. A. (2014) Ètnicheskoepidemiologicheskaiia kharakteristika VICH-infitsirovannykh, umershikh v 2009—2010 gg. v Respublike

Tatarstan [Ethnic and epidemiological characteristics of HIV-infected people who died in 2009—2010 in the Republic of Tatarstan], *Kazanskiĭ meditsinskiĭ zhurnal*, vol. 95, no. 3, pp. 421—425.

Vishnevskii, A. G. (2014) Smertnost' v Rossii: nesostoiavshaiasia vtoraiia ėpidemiologicheskaia revoliutsiia [Mortality in Russia: the failed second epidemiological revolution], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 4, pp. 5—40.

Статья поступила 10.09.2020 г.

Сведения об авторе / Information about the author

Иванова Алла Ефимовна — доктор экономических наук, профессор, заведующая отделом здоровья и самосохранительного поведения, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; заведующая отделом демографии, Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения г. Москвы, г. Москва, Россия, ivanova-home@yandex.ru (Dr. Sc. (Economics), Professor, Head of the Department of Health and Self-Preserving Behavior, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Head of the Department of Demography, Research Institute of Health Organization and Medical Management of the Moscow Department of Health, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 121—135
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.8

Женщина в российском обществе
2020. Специальный выпуск. С. 121—135
ББК 60.74
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.8

ОЦЕНКА ДЕМОГРАФИЧЕСКИХ УСТАНОВОК ГЛАЗАМИ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В УСЛОВИЯХ ДЕФИЦИТА РОЖДАЕМОСТИ

Т. К. Ростовская^{a, b}, О. В. Кучмаева^a, О. А. Золотарева^{a, c}

^a Институт демографических исследований,
Федеральный научно-исследовательский социологический центр,
Российская академия наук, г. Москва, Россия, gostovskaya.tamara@mail.ru

^b Московский государственный технологический университет «СТАНКИН»,
г. Москва, Россия

^c Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия

Прикладные статистические исследования / выборочные обследования в оценке демографического поведения общества являются не просто актуальной научно-практической задачей, а дают возможность более полно охарактеризовать репродуктивные планы населения, выявить препятствия на пути демографического развития. В статье представлен анализ результатов выборочного обследования населения ряда регионов России, на основе которого выявлены реальные демографические потребности населения, охарактеризованы гендерные соответствия/расхождения в них. Дана оценка различий воззрений женщин и мужчин на препятствия росту числа детей в семье, а также мотивов, побуждающих отложить рождение ребенка. Предложен ряд рекомендаций, направленных на достижение стратегической цели — роста рождаемости.

Ключевые слова: рождаемость, детность, демографическая политика, занятость женщин, гендерное равенство, выборочные обследования.

© Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А., 2021

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-18-00256 «Демографическое поведение населения в контексте национальной безопасности России».

EVALUATION OF DEMOGRAPHIC ATTITUDES BY THE EYES OF MEN AND WOMEN UNDER CONDITIONS OF FERTILITY DEFICIENCY

T. K. Rostovskaya^{a, b}, O. V. Kuchmaeva^a, O. A. Zolotareva^{a, c}

^a Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, rostovskaya.tamara@mail.ru

^b Moscow State University of Technology "STANKIN", Moscow, Russian Federation

^c Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation

Applied statistical studies / sample surveys in assessing the demographic behavior of society are not just an urgent scientific and practical task, but make it possible to more fully characterize the reproductive plans of the population, to identify obstacles to demographic development. The article presents an analysis of the results of a sample survey of the population of a number of regions of Russia, on the basis of which the real demographic needs of the population are revealed, gender correspondences / differences in them are characterized. The assessment of the differences in the views of women and men on the obstacles to the growth of the number of children in the family, as well as the motives that induce to postpone the birth of a child. A number of recommendations are proposed to achieve the strategic goal of increasing the birth rate.

Key words: fertility, childhood, demographic policy, women's employment, gender equality, sample surveys.

Введение

Объективная оценка эффективности семейно-демографической политики невозможна без широкого использования данных выборочных обследований, позволяющих охарактеризовать трансформации ценностных ориентаций общества, репродуктивные планы и состояние репродуктивного здоровья населения, выявить основные факторы, влияющие на демографическое развитие. Сегодня применение выборочных обследований в области анализа результативности демографической политики в отношении рождаемости определяется как необходимостью ее учета для корректного определения перспектив динамики рождаемости, так и, видимо в еще большей мере, необходимостью на основе такой оценки определять пути совершенствования направлений и мер демографической политики. Решение второй задачи предполагает формирование методики, позволяющей получать детальные оценки результативности отдельных направлений и мер демографической политики, что позволит сформировать предложения по совершенствованию семейно-демографической политики на основе мнений и потребностей конкретных целевых групп. Успешная попытка такой оценки может быть осуществлена только на основе выборочного исследования.

Для современной России характерна трансформация моделей демографического, в том числе репродуктивного поведения. Эта трансформация затрагивает и распределение ролей в семье. Сегодня предложена концепция «гендерного перехода» — теоретическая концепция, описывающая качественные изменения в демографическом развитии под влиянием фактора гендерного равенства [Калабихина, 2009], она определяет на своем завершающем этапе

достижение реального гендерного равенства (а не формального) во всех сферах общественной жизни, прежде всего, при создании гендерно равных возможностей в трудовой сфере (чему, необходимо отметить, существенно способствует дистанционная занятость) и устранении дифференциации в заработной плате между мужчинами и женщинами.

Реализация процесса «гендерного перехода» должна способствовать выполнению репродуктивных установок, позволяющих не просто сохранить уровень воспроизводства в стране или увеличить рост рождаемости, а способствовать достижению высокого уровня благосостояния как семей, так и общества в целом, что, бесспорно, является фактором роста качества жизни и в целом драйвером социально-экономического развития. Однако для этого необходима разработка мер, позволяющих этот переход осуществить в полном объеме, что возможно лишь при качественном анализе состояния и препятствий на пути достижения гендерного равенства. В контексте вышесказанного основным аспектом, на который необходимо обратить пристальное внимание, на наш взгляд, является получение достоверной информации о мотивах того или иного демографического поведения, возможностях и потенциале реализации социально-демографических функций мужчин и женщин. Такую информацию возможно получить только при проведении выборочных обследований.

Характеристика актуальности исследования сквозь призму стратегических демографических целей

Проблемы демографической безопасности в России на протяжении последних десятилетий приобрели особую значимость, прежде всего, в аспекте старения трудовых ресурсов и демографической экспансии, что обосновывает их тесную, если не сказать прямую, взаимосвязь с социально-экономическим развитием и в целом с национальной безопасностью государства. В этой связи вопросам демографии уделяется пристальное внимание при стратегическом управлении. Наглядный пример — Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 года № 204, в котором Правительству Российской Федерации было вменено обеспечить достижение ряда национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года, среди которых обеспечение устойчивого естественного роста численности населения Российской Федерации [О национальных целях... , 2018]. Однако, на наш взгляд, указанная цель на настоящий момент не соответствует сложившейся демографической конъюнктуре, что говорит о слабости аналитики в государственных органах. По сути, об обеспечении устойчивого естественного роста численности населения страны, еще до создавшейся неблагоприятной эпидемиологической обстановки распространения Covid-19, говорить было нельзя. Сегодня тем более есть понимание, что в постпандемический период цель достигнута не будет по ряду причин как чисто демографического, так и социально-экономического характера.

Характеристика причин, по которым цель достичь устойчивый естественный рост численности населения не будет выполнена, с демографической точки зрения сводится к оценке динамики численности населения и естественных процессов рождаемости и смертности, а также анализа половозрастной

структуры фактического населения. По данным Федеральной службы государственной статистики (Росстат), на 1 января 2020 г. численность населения России составила 146,7 млн человек, что меньше численности населения России в сравнении с 1 январем 2019 г. Почему сегодня мы говорим о дальнейшем уменьшении численности населения страны и второй волне депопуляции? Ответ — стареющее население и суженное воспроизводство. В России режим суженного воспроизводства населения сформировался в 1960-х годах и стал «демографической установкой», действующей сейчас. Коэффициент неттовоспроизводства в 2019 г. составил 0,719, его значение сократилось на 4,39 % по сравнению с уровнем 2018 г. (0,752) и стало ниже уровня 2015 г. (0,847), максимального с 1992 г. (0,732). Более того, экономический, социальный кризис 1990-х годов отражается (и будет отражаться волнами) на демографической конъюнктуре — в настоящее время рожденные в 1990-х годах в активном репродуктивном возрасте или в него переходят, но их численность мала из-за низкого уровня рождаемости в те годы. Таким образом, не сформированы предпосылки, позволяющие говорить о сохранении численности населения на постоянном уровне за счет естественного прироста.

В контексте вышесказанного вряд ли можно говорить об устойчивом естественном росте численности населения Российской Федерации в ближайшие годы. Мало достижимым представляется и увеличение суммарного коэффициента рождаемости к 2024 году до 1,7 детей на 1 женщину, который обозначен в качестве целевого показателя в паспорте национального проекта «Демография», разработанном Минтрудом России и утвержденном решением президиума Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 24 декабря 2018 года [Демография..., 2019]. По данным Росстата, суммарный коэффициент рождаемости в 2019 г. составил 1,504 детей, процент выполнения плана по показателю равен 92,27 %. Цель не достигнута. Как мы рассмотрели, тенденция снижения рождаемости в России носит долгосрочный характер и взаимосвязана с другими демографическими процессами, изменением численности и структуры населения. Однако какие факторы в наибольшей степени повлияли (и могут повлиять) на ситуацию? Возможна ли корректировка мер семейно-демографической политики для изменения ситуации? Получить ответы на эти вопросы можно при проведении выборочных обследований населения.

Методология исследования и его практическая значимость

Статья основана на данных Всероссийского социологического исследования «Демографическое самочувствие россиян», проведенного с участием авторов в 2019—2020 гг. на территории 10 субъектов Российской Федерации: г. Москва, Московская область, Республики Башкортостан и Татарстан, Ставропольский край, Вологодская, Волгоградская, Ивановская, Нижегородская и Свердловская области¹. Объем выборочной совокупности составил 5616 человек в возрасте от 18 до 50 лет.

¹ Всероссийское социологическое исследование «Демографическое самочувствие России», проведенное в конце 2019 — начале 2020 гг. в Центральном, Северо-Западном, Приволжском, Уральском, Северо-Кавказском, Южном федеральных округах. N = 5616 представители различных поколений в возрасте от 18 до 50 лет. Руководитель — доктор социологических наук, профессор Т. К. Ростовская.

Выборочное социологическое обследование проводилось путем анкетного опроса. В опросе была реализована многоступенчатая типологическая выборка, где на первом этапе были отобраны территории для проведения опроса и типы поселений (городские и сельские населенные пункты). На втором этапе в каждом из выбранных регионов осуществлен систематический отбор (квотная выборка с учетом возрастных групп респондентов, пола, сферы профессиональной деятельности).

Путем использования многоступенчатой выборки обеспечена высокая точность результатов, доверительный интервал расчета данных составил для общероссийской выборки $\pm 0,4\%$ (при уровне достоверности 99,7%), для региональных выборок $\pm 4\%$ (при уровне достоверности 95,4%). Результаты являются репрезентативными для России в целом и для включенных в выборочную совокупность регионов.

Для решения задач исследования были использованы такие методы, как анализ рядов распределения и таблиц сопряженности, расчет непараметрических критериев для оценки значимости различий в распределениях ответов респондентов.

Грамотное использование статистических методов наблюдения и применение инструментария статистических исследований, включающего дескриптивные методы анализа данных, дало основание говорить о высокой обоснованности результатов исследования, получении на их основе достоверной характеристики сформированной модели семьи по демографическим последствиям брака, а также позволило выявить основные препятствия для увеличения в семьях детности и охарактеризовать различия в их приоритетности для женщин и мужчин.

Практическая значимость полученных результатов заключается в возможности их использования государственными органами управления для выработки/корректировки мер, направленных на достижение плановых трендов обозначенных целевых рубежей в области демографического развития, обеспечение гендерного равенства, а также в целом предотвращение/устранение угроз демографической безопасности.

Анализ данных выборочного обследования

Характеристика демографического портрета респондентов. Гендерная оценка мотивов вступления в брак. Исследуемый возраст опрошиваемых от 18 до 50 лет. Средний возраст женщин — 31,8 лет, мужчин — 31,1 года. Среди опрошенных, указавших пол и возраст, гендерное равенство: 49,86% — мужчины и 50,14% — женщины. При этом в возрастах 18—29 лет и 30—39 лет среди респондентов незначительный перевес в сторону мужчин, в возрасте 40—50 лет — наоборот — в сторону женщин.

Большинство респондентов, участвующих в опросе, как мужчин, так и женщин, состоят в браке. При этом удельный вес женщин, состоящих в зарегистрированном браке, среди ответивших на вопрос о семейном положении женщин традиционно выше, чем мужчин в данном статусе среди совокупности ответивших на данный вопрос мужчин (соответственно 49,40 против 45,55%). И наоборот, в рассматриваемой структуре по семейному положению респондентов удельный вес мужчин в незарегистрированном браке в процентах от числа

ответивших мужчин превалирует над данной долей женщин (соответственно: 7,74 и 6,60 %), так же в долях по лицам, никогда не состоящим в браке (среди них удельный вес мужчин выше, чем у женщин в процентах от совокупности ответивших соответствующего пола). Гендерные различия зафиксированы и по категориям вдовых и разведенных.

Для большинства респондентов, как мужчин, так и женщин, состоящих в браке, это брак первый (соответственно 84,1 и 86,2 % в структуре ответов по полу на вопрос: какой по счёту у Вас брак?).

Из совокупности тех, кто не состоит в браке, указали, что собираются вступить в брак — 44,53 % (при этом большинство как женщин, так и мужчин указали, что зарегистрировать его предполагают после проверки своих чувств и апробации совместного проживания год или два); 32,88 % в брак вступать не собираются; затруднились с ответом — 22,59 %.

Отметим, что желание вступить в брак существенно зависит от возраста: в большей степени оно проявляется у молодежи — возраст 18—29 лет (59,6 % женщин и 48,9 % мужчин от числа ответивших соответственной гендерной категории данного возраста), с увеличением возраста данное стремление не настолько актуально (рис. 1).

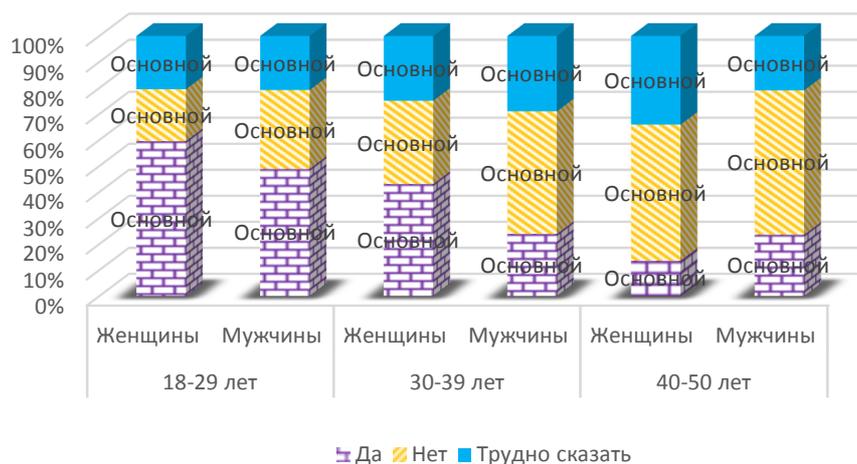

Рис. 1. Структура ответов на вопрос о намерениях вступить в брак по возрасту и полу, % от ответивших, не состоящих в браке, по соответствующим категориям респондентов

В возрасте 30—39 лет женщины также явно проявляют заинтересованность в создании семьи (примерно 43,1 % от числа ответивших женщин), однако, в 1,6 раза в структуре ответов на вопрос о намерениях заключить брак возросла доля женщин, не заинтересованных в заключении брачного союза. Среди женщин возраста 30—39 лет доля затруднившихся с ответом, в сравнении с возрастом 18—29 лет, значительно не поменялась. В более старших возрастах картина ответов меняется существенно. Среди женщин возраста от 40 до 50 лет большая часть (52,3 %) не изъявляет желания вступить в брак, 34,1 % — не готовы с уверенностью дать ответ и лишь 13,6 % говорят о своих намерениях вступить в брак.

У мужчин, в зависимости от возраста, ответы распределялись иначе. В возрасте 30—39 лет 47,1 % не собираются вступать в брак, и этот процент увеличивается с увеличением возраста. В сравнении с возрастом 18—29 лет, в возрасте 30—39 лет очень резко сократился процент тех, кто намерен вступить в брак, и этот процент практически не меняется в структуре ответов у мужчин в возрасте от 40 до 50 лет.

Таким образом, у женщин отношение к необходимости заключать брак кардинально меняется от возраста 30—39 лет к 40—50 годам, у мужчин раньше — к возрасту 30—39 лет, но менее существенно.

Реальные демографические потребности и причины, сдерживающие их удовлетворение: анализ мнений женщин и мужчин. Желаемая детность является одной из важных характеристик предпочитаемого типа семьи. Согласно результатам опроса, большинство как женщин, так и мужчин имеют одного или двух детей, то есть сформированы малодетные семьи (одного ребенка среди опрошенных женщин и мужчин имеют соответственно 24,6 и 21,7 %, двух — 28,9 и 22,0 %). Три ребенка имеют 5,7 % женщин и 4,4 % мужчин; четыре — 0,6 % женщин и 1,1 % мужчин; пять детей — 0,2 и 0,3 % соответственно по полу. При этом 39,9 % женщин и 50,4 % мужчин от числа опрошенных каждой гендерной категории указали, что у них нет рожденных детей. Значение индекса Рябцева, равное 0,114, говорит о низком уровне гендерных различий структур ответов на вопрос о числе детей.

По данным опроса определена четкая сформированная модель семьи как двухдетная. И среди опрошенных, имеющих детей (в возрастах 30—39 лет и 40—50 лет), и среди мнений о желаемом числе детей — два ребенка оптимальный / предпочтительный вариант (либо как свершившийся факт, либо в оценке на перспективу). Стоит отметить, что наличие всех необходимых условий для рождения детей и их воспитания не влияет на трансформацию модели семьи, она также остается двухдетной (табл. 1)

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопросы о желаемом и перспективно возможном числе детей, % от числа опрошенных по каждой гендерной категории

Вариант ответа	Структура ответов на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы хотели бы иметь, если бы у Вас были все необходимые условия?»		Структура ответов на вопрос «Сколько всего детей (включая имеющихся) Вы собираетесь иметь?»	
	Женщины	Мужчины	Женщины	Мужчины
Ни одного	3,2	5,0	4,6	5,8
Одного ребенка	8,8	10,0	18,9	17,3
Двух детей	43,2	39,4	44,0	39,7
Трех детей	28,5	23,2	14,7	14,4
Четырех детей	3,0	2,9	1,4	2,0
Пять детей и более	2,9	4,7	1,0	2,3
Трудно сказать	10,4	14,9	15,3	18,6

При создании необходимых условий изменяется лишь удельный вес по наличию одного или трех детей — от того, сколько респонденты собираются иметь детей, к тому, сколько бы они желали, но приоритетом также остается наличие двух детей. За счет того, что часть из тех, кто собирается иметь двух детей, хотели бы иметь трех при наличии необходимых условий, удельный вес желающих иметь трех детей больший, в сравнении с намерениями; при этом потери в удельном весе тех, кто желает иметь двух детей, восполнились за счет тех, кто собирается иметь одного ребенка, но предпочел бы при созданных условиях иметь не одного, а двух детей (в структуре ответов на вопрос о желаемом числе детей удельный вес ответа «1 ребенка», в сравнении с намерениями, существенно меньший). При этом отметим, что данное перераспределение в процентах характерно как для мужчин, так и для женщин.

В этом контексте значимым выступает оценка сдерживающих факторов / препятствий иметь желаемое число детей большее, чем намерения (табл. 2).

Основным препятствием, не позволяющим иметь большее число детей, чем собираются, как женщины, так и мужчины назвали материальные трудности (соответственно по полу: 32,1 и 33,8 % от ответивших указали, что данный фактор очень мешает; 31,0 и 35,2 % — мешает). Значимость данного фактора как препятствия оценивается гендерно равно (индекс Рябцева, равный 0,022, говорит о тождественности структур по ответам мужчин и женщин).

Также среди основных сдерживающих факторов, которые весомы по совокупному проценту ответов «очень мешают» и «мешают» иметь большее число детей, чем собираются, выявлены: неуверенность в завтрашнем дне (63,0 % женщин и 59,4 % мужчин); жилищные трудности (48,8 % женщин и 54,1 % мужчин); большая занятость на работе (47,1 % женщин и 45,8 % мужчин) и отсутствие работы (42,5 % женщин и 46,5 % мужчин). При этом гендерная тождественность структур наблюдается по ответам о роли большой занятости на работе (индекс Рябцева составил 0,029). Различия по полу в распределении ответов по степени существенности таких препятствий, как неуверенность в завтрашнем дне и отсутствие работы, признаются весьма низкими (индекс Рябцева соответственно по факторам равен 0,039 и 0,052). В распределении ответов о роли жилищных трудностей зафиксирован низкий уровень различия структур по полу (особо следует выделить более существенный удельный вес ответа «не мешает» среди женщин, составивший 41,9 %).

Гендерная тождественность наблюдается в структурах ответов на вопрос о степени значимости таких препятствий, как:

— «не с кем будет оставить ребёнка, когда начну (жена начнет) работать»: 44,0 % женщин и 42,5 % мужчин указали «очень мешает» и «мешает» — гендерно нейтральный проблемный фактор;

— «стремление достичь успехов в работе»: как женщинам, так и мужчинам в равной степени не мешает иметь большее число детей, так считают 55,5 % женщин и 55,7 % мужчин — гендерно нейтральный, слабо влияющий фактор.

Следует отметить, что преимущественно положительно как женщины, так и мужчины отвечают на вопрос «В настоящее время Ваш(а) супруг/супруга (партнёр/партнёрша) по состоянию здоровья может иметь детей?» (75,9 % женщин и 73,6 % мужчин сказали «да»).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Если Вы хотели бы иметь большее число детей, чем собираетесь, то, что и в какой степени мешает лично Вам иметь желаемое число детей?» и характеристика гендерных различий

Признаки, препятствующие иметь большее число детей	Пол респондентов	Варианты ответа на вопрос «в какой степени конкретный фактор мешает лично Вам иметь желаемое число детей?», % от числа ответивших соответствующей гендерной категории				Индекс Рябцева	Характеристика гендерных различий в структуре ответов
		Очень мешает	Мешает	Не мешает	Затрудняюсь ответить		
1	2	3	4	5	6	7	8
Сложности во взаимоотношениях в семье	Женщины	9,3	14,2	60,2	16,4	0,040	Весьма низкий уровень различия
	Мужчины	9,0	16,1	56,1	18,7		
Отсутствие работы	Женщины	19,7	22,8	43,4	14,2	0,052	Весьма низкий уровень различия
	Мужчины	23,3	23,2	39,2	14,3		
Большая занятость на работе	Женщины	16,3	30,8	40,1	12,9	0,029	Тождественность структур
	Мужчины	13,7	32,1	40,0	14,1		
Работаю далеко от дома, много времени трачу на дорогу	Женщины	9,0	17,9	59,1	14,0	0,068	Весьма низкий уровень различия
	Мужчины	10,3	21,3	52,0	16,5		
Стремление достичь успехов в работе	Женщины	10,8	21,2	55,5	12,5	0,024	Тождественность структур
	Мужчины	9,4	20,1	55,7	14,9		
Материальные трудности	Женщины	32,1	33,8	23,9	10,3	0,022	Тождественность структур
	Мужчины	31,0	35,2	22,6	11,2		
Неуверенность в завтрашнем дне	Женщины	28,7	34,3	26,7	10,3	0,039	Весьма низкий уровень различия
	Мужчины	25,9	33,5	27,5	13,1		
Стремление интереснее проводить досуг	Женщины	7,9	14,0	65,4	12,7	0,048	Весьма низкий уровень различия
	Мужчины	8,4	16,8	60,1	14,7		
Стремление должным образом вырастить и воспитать уже имеющегося ребёнка (детей)	Женщины	11,4	23,3	45,9	19,5	0,050	Весьма низкий уровень различия
	Мужчины	12,0	20,0	50,2	17,9		
Неудовлетворительное состояние моего здоровья (респондент)	Женщины	12,8	27,0	43,0	17,2	0,141	Низкий уровень различия
	Мужчины	7,2	18,6	55,8	18,4		

Окончание табл.

1	2	3	4	5	6	7	8
Неудовлетворительное состояние здоровья мужа (жены) (супруг(а) респондента)	Женщины	9,3	17,9	50,2	22,6	0,023	Тождественность структур
	Мужчины	7,6	18,9	51,8	21,6		
Жилищные трудности	Женщины	21,5	27,3	41,9	9,2	0,105	Низкий уровень различия
	Мужчины	23,0	31,1	32,4	13,6		
Боязнь ущемить интересы имеющихся детей	Женщины	7,4	17,0	58,2	17,3	0,022	Тождественность структур
	Мужчины	8,1	17,2	56,0	18,7		
Нежелание мужа (жены)	Женщины	11,4	15,2	50,2	23,1	0,051	Весьма низкий уровень различия
	Мужчины	10,9	18,6	45,8	24,7		
Отсутствие мужа (жены)	Женщины	19,6	15,4	43,2	21,8	0,061	Весьма низкий уровень различия
	Мужчины	14,7	14,0	46,3	24,9		
Трудно устроить ребёнка в хорошие ясли или детский сад недалеко от дома	Женщины	10,7	18,5	54,9	15,9	0,089	Низкий уровень различия
	Мужчины	10,2	24,3	46,7	18,8		
Неудобный режим работы	Женщины	10,9	22,0	52,3	14,8	0,038	Весьма низкий уровень различия
	Мужчины	10,6	23,8	48,7	16,8		
Трудности (для жены) совмещения работы вне дома и по дому, сильно устаю (жена сильно устает) из-за «двойного рабочего дня»	Женщины	12,2	27,8	43,6	16,4	0,056	Весьма низкий уровень различия
	Мужчины	11,6	27,3	39,9	21,2		
Не с кем будет оставить ребенка, когда начну (жена начнет) работать	Женщины	14,0	30,0	40,3	15,7	0,024	Тождественность структур
	Мужчины	11,9	30,6	40,3	17,2		
Родственники пока против рождения ещё ребенка (детей)	Женщины	5,1	7,2	67,8	20,0	0,027	Тождественность структур
	Мужчины	5,1	7,5	64,9	22,5		

Намерение иметь ребенка (первого, если нет детей, или еще одного) указали: «да» — 30,4 % женщин (из них 23,3 % отметили, что рождение ребенка пока откладывают) и 27,5 % мужчин (из них 20,4 % ответили, что иметь ребенка намерены несколько позже, пока откладывают). При этом из тех, кто намерен иметь ребенка (первого или еще одного), но пока откладывает его рождение, в большинстве указали период не более 3-х лет: на 2 года — 25,6 % женщин и 24,5 % мужчин от числа тех, кто ответил, что рождение ребенка откладывает; на 3 года — 22,2 % женщин и 30,8 % мужчин.

Характеризуя факторы, влияющие на решение отложить рождение ребенка, было выявлено, что в большинстве своем мнения мужчин и женщин схожи, однако по некоторым есть существенные разногласия.

Для мужчин факт брака не столь существенен, как для женщин. Среди анализируемых причин, по которым рождение ребенка откладывается, факт отсутствия брака у женщин занимает одно из лидирующих мест (3-е), у мужчин носит менее значимый характер — 7-е место. Таким образом, подтверждена традиционная ценность для женщин — рождение ребенка в браке.

Отметим, что на первом и втором месте среди причин как у женщин, так и у мужчин находятся факторы, связанные с материальным благополучием: 48,9 % женщин и 47,2 % мужчин указали, что необходимость найти более оплачиваемую работу очень сильно влияет на откладывание рождения ребенка (5 баллов из 5 возможных); 39,8 % женщин и 38,5 % мужчин указали, что откладывают рождение ребёнка, так как пока это не позволяют материальные возможности (5 баллов из 5 возможных). По данным факторам зафиксировано гендерное совпадение мнений: независимость ответа от пола респондентов.

На третьем месте у женщин, как было сказано ранее, стоит наличие брака, в то время как у мужчин — отсутствие собственного жилья, в котором можно растить ребенка. У женщин отсутствие собственного жилья, в котором можно растить ребенка, стоит на 5 месте.

Женщины и мужчины в равной степени осознают социальную ответственность за ребенка, фактор «воспитание ребёнка является достаточно трудным делом, требует много сил и времени» стоит на 4 месте по значимости.

При этом у мужчин замыкает пятерку значимых факторов, из-за которых принимается решение отложить рождение ребенка, — жена пока хочет подождать с рождением ребенка.

Также отметим, что на 6 месте указана причина получения образования (гендерное соответствие).

Центральное место занимают факторы самореализации, удовлетворения собственных желаний. Инфраструктурные факторы, как и состояние здоровья, существенно не оказывают влияния на решение отложить рождение ребенка.

Обратим внимание также на то, что в качестве мер социальной помощи и поддержки, необходимых семьям, указали как абсолютно необходимые (первые пять мест по приоритетности для женщин): консультативно-медицинские услуги (43,0 % ответивших женщин и 36,0 — мужчин); дополнительное образование для детей (40,3 % женщин, 34,6 — мужчин); помощь в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику (39,3 % женщин, 27,8 — мужчин); «по уходу за ребёнком дошкольного возраста» (38,4 % женщин; 32,8 — мужчин); «по присмотру за ребёнком школьного возраста» (33,4 % женщин; 26,7 — мужчин). При этом велика вероятность, что под консультативно-медицинскими услугами больше подразумевалось получение рекомендаций в отношении здоровья детей.

Полученные данные прежде всего говорят о желании как мужчин, так и женщин дать более охватывающее / полное образование своим детям, а также о значимости вопросов занятости для женщин. Интересен и важен факт ответа мужчин на вопрос о роли помощи в трудоустройстве с возможностью работы по гибкому графику. Полученные данные говорят об определенной готовности

мужчин разделять ответственность между супругами за воспитание детей и оказание помощи в присмотре за детьми, для чего необходима возможность сочетания профессиональных и семейных обязанностей.

Отметим также, что проводимая сегодня демографическая политика довольно четко определяет меры поддержки по уходу за ребёнком дошкольного возраста, однако слабо отражает такие интересы семьи, как необходимость присмотра за ребенком школьного возраста и дополнительного образования для детей. Более того, в соответствии со ст. 66 п. 8 ФЗ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации», «за осуществление присмотра и ухода за детьми в группах продленного дня учредитель образовательной организации вправе устанавливать плату, взимаемую с родителей (законных представителей) несовершеннолетних обучающихся, и ее размер» [Об образовании... , 2012]. На наш взгляд, это негативно отражается на возможностях женщин полноценно участвовать в экономике. Преодоление имеющейся преграды в осуществлении женщинами трудовой деятельности совместно с выполнением семейных обязанностей по воспитанию детей возможно при дистанционной занятости, которая также может способствовать росту благосостояния семьи.

Заключение

Обобщая результаты проведенного исследования, необходимо отметить, что репродуктивные установки, рост детности в семьях во многом как для мужчин, так и для женщин зависят, прежде всего, от их материального благосостояния, уверенности в завтрашнем дне, стабильной занятости. Современное социально-экономическое развитие страны не способствует преодолению барьеров для роста рождаемости, снижение реальных доходов населения, неуверенность в завтрашнем дне при существующих внешних шоках, пандемии, девальвации рубля определяют сохранение в обозримом будущем двухдетной модели семьи.

Проводимая в настоящее время активная демографическая политика не в полной мере может считаться эффективной. Недостаточно проработаны меры, позволяющие минимизировать препятствия росту рождаемости в гендерном аспекте. В ряде случаев приводятся общие направления, не позволяющие искоренить проблему, а лишь показывающие, что работа в области улучшения демографической ситуации проводится, что может привести к затратам в их определенной части «впустую». Так, например, в рамках национального проекта «Демография» осуществляется реализация федерального проекта «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», модель функционирования результатов и достижения показателей федерального проекта основывается, прежде всего, на ст. 8 п. 1, пп. 3 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Об образовании... , 2012], в соответствии с которым обеспечение государственных гарантий реализации прав на получение общедоступного и бесплатного дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего и дополнительного образования относится к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

Расходы (затраты), связанные с содержанием объектов дошкольных организаций, созданных в рамках федерального проекта «Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет», относятся к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации.

По дополнительным и обосновывающим материалам данного федерального проекта, считается достаточным выполнения государством обязательств по обеспечению детей в возрасте до трех лет местами в организациях дошкольного образования и организации переобучения и повышения квалификации женщин в период отпуска по уходу за ребенком в возрасте до трех лет в качестве факторов роста занятости женщин, воспитывающих детей дошкольного возраста [Содействие занятости... , 2019]. Бесспорно, что указанные меры значимы, но они не исчерпывающие и, более того, нуждаются в конкретизации/уточнениях (касаемо мер по переобучению и повышению квалификации).

По нашему мнению, сегодня необходимо учитывать происходящие серьезные трансформации на рынке труда, связанные с развитием цифровых технологий. К процессу организации переобучения и повышения квалификации необходимо подходить с пониманием имеющихся преобразований и повышения значимости STEM-профессий (science — наука, technology — технологии, engineering — инжиниринг and mathematics — математика). Сегодня нужно смотреть на «шаг вперед» и постараться избежать по сути бессмысленных затрат по обучению тем профессиям, которые в ближайшем будущем будут частично или полностью автоматизированы (например, бухгалтер, банковский операционист, менеджер по кредитам и др.). В условиях смены парадигмы социально-экономического развития в контексте гуманитарно-технологической революции основной преградой на пути роста женской занятости, включенности женщин в цифровую экономику является их низкая профессиональная подготовка как высококвалифицированных специалистов в сфере STEM. Без профессиональной подготовки в сфере STEM женщины, по сути, будут «выброшены» из сферы труда. Сегодня важно не просто принятие и проведение обобщенных управленческих мер, а разработка комплекса целенаправленных мероприятий, которые бы позволили в обозримом будущем дать женщинам образование, отвечающее современным требованиям в контексте цифрового развития, предоставить им возможность овладеть STEM-профессиями, соответствующими навыками и компетенциями. При этом необходимо учесть важность преодоления давно сложившихся гендерных стереотипов о возможностях участия женщин в сфере STEM, которые исторически носят полоролевой характер, на всех уровнях занятости сохраняется гендерная сегрегация [Хасбулатова, 2018а, 2018б]. Решение данных вопросов будет способствовать существенному росту масштабов вовлечения женщин в STEM-экономику.

В свою очередь, перспективные STEM-профессии допускают дистанционную занятость, что может существенно способствовать расширению возможностей полноценной самореализации женщин и как матерей, и как хранительниц домашнего очага, и как высококвалифицированных специалистов.

Успешное совмещение работы и семейной жизни сегодня является приоритетным драйвером роста рождаемости, но для этого необходимо преодолеть

гендерную сегрегацию как в сфере образования, так и в сфере труда (включая снижения различий в заработной плате мужчин и женщин, которые особенно существенно присущи в IT-сфере), что в свою очередь основано на устранении традиционных культурных барьеров. Эти аспекты не находят отражение или отражены слабо в проводимой демографической и социальной политике.

Не достигнув реального гендерного равенства, позволяющего женщинам более уверенно чувствовать себя в современном обществе, не обеспечив полноценно «гендерного перехода», переломить сложившийся тренд суженного воспроизводства представляется невозможным.

Библиографический список

- Демография: национальный проект. 2019—2024. 2019 г. URL: <https://rosmintrud.ru/ministry/programmms/demography> (дата обращения: 07.06.2020).
- Калабихина И. Е. Гендерный переход и демографическое развитие // Российский экономический интернет-журнал. 2009. № 2. С. 540—554.
- О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: указ президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 07.06.2020).
- Об образовании в Российской Федерации: Федеральный закон № 273-ФЗ от 29 декабря 2012 г. (с изменениями 2020 г.). URL: <http://zakon-ob-obrazovanii.ru/> (дата обращения: 07.06.2020).
- Официальная статистика. Демография. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/12781> (дата обращения: 07.06.2020).
- Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет: федеральный проект. 2019. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programmms/demography/2> (дата обращения: 07.06.2020).
- Хасбулатова О. А. Российская государственная политика по преодолению гендерного разрыва в цифровой экономике: концептуальные подходы (2018—2030) // Гендерное измерение цифровой экономики: от стратегии к действию (2018—2030): материалы Всероссийской конференции с международным участием, 20—21 апреля 2018 г. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2018а. С. 19—23.
- Хасбулатова О. А. Технологии создания мифа о равноправии полов: советские практики // Женщина в российском обществе. 2018b. № 4. С. 49—59.

References

- Kalabikhina, I. E. (2009) *Gendernyi perekhod i demograficheskoe razvitie* [Gender transition and demographic development], *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal*, no. 2, pp. 540—554.
- Khasbulatova, O. A. (2018a) *Rossiiskaia gosudarstvennaia politika po preodoleniiu gendernogo razryva v tsifrovoi ekonomike: kontseptual'nye podkhody (2018—2030)* [Russian state policy on bridging the gender gap in the digital economy: conceptual approaches (2018—2030)], in: *Gendernoe izmerenie tsifrovoi ekonomiki: ot strategii k deistviuu (2018—2030): Materialy Vserossiiskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, 20—21 apreliia 2018 g.*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 19—23.

Khasbulatova, O. A. (2018b) Tekhnologii sozdaniia mifa o ravnopravii polov: sovetskie praktiki [Technologies for creating a myth about gender equality: Soviet practices], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 49—59.

Статья поступила 10.09.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Ростовская Тамара Керимовна — доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; профессор кафедры социологии, политологии и нормативно-правового регулирования промышленного развития, Московский государственный технологический университет «СТАНКИН», г. Москва, Россия, gostovskaya.tamara@mail.ru (Dr. Sc. (Sociology), Professor, Deputy Director for Research, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Professor at the Department of Sociology, Political Science and Legal Regulation of Industrial Development, Moscow State University of Technology “STANKIN”, Moscow, Russian Federation).

Кучмаева Оксана Викторовна — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия, kuchmaeva@yandex.ru (Dr. Sc. (Economics), Professor, Leading Researcher, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation).

Золотарева Ольга Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия, Zolotareva.OA@rea.ru (Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Senior Researcher Fellow of the Center of Social Demography, Institute for Demographic Research of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 136—149
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9

Женщина в российском обществе
2021. Специальный выпуск. С. 136—149
ББК 60.561.53
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.9

БРАЧНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЖЕНЩИН-МИГРАНТОК ИЗ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ¹

С. В. Рязанцев^{a, b}, С. Ю. Сивоплясова^{a, c}

^a Институт демографических исследований, Федеральный научно-исследовательский социологический центр, Российская академия наук, г. Москва, Россия, riazan@mail.ru

^b Московский государственный институт международных отношений (университет), Министерство иностранных дел РФ, г. Москва, Россия

^c Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), г. Москва, Россия

В статье представлены результаты исследования особенностей брачного поведения женщин-мигранток из стран Центральной Азии. Выводы сделаны на основе анализа статистических данных о числе заключённых браков между гражданами разных государств. В ходе исследования выявлено, что женщины из Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана довольно активно заключают браки на территории России. Общий коэффициент брачности достигает 244 брака на 1 тыс. женщин-мигранток. В подавляющем большинстве случаев в качестве спутников жизни иностранные невесты выбирают граждан России. Одним из факторов данной этнической структуры является распространённость «фиктивных» браков. В статье рассматриваются последствия таких браков, предлагаются варианты регулирования этого элемента брачного рынка.

Ключевые слова: браки с иностранцами, общий коэффициент брачности, женщины, невесты-иностранки, женихи-иностранцы, Центральная Азия.

MATRIMONIAL BEHAVIOR OF WOMEN FROM CENTRAL ASIAN COUNTRIES

S. V. Ryazantsev^{a, b}, S. Yu. Sivopljasova^{a, c}

^a Institute for Demographic Research, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, riazan@mail.ru

^b Moscow State Institute of International Relations (University),
Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

^c Moscow Aviation Institute (National Research University),
Moscow, Russian Federation

The results of a study of the features of matrimonial behavior of migrant women from Central Asian countries are presented in this article. The conclusions are based on the analysis of statistical data on the number of marriages between citizens of different States in the Russian marriage market. Marriage in the migration process is a widespread phenomenon. In some countries, the proportion of marriages with foreigners reaches 30—40 % of the total number of marriages. In Russia, the share of marriages complicated by a foreign component is 6,5 %. Of these, the largest number of marriages were concluded by citizens of Ukraine. The countries of Central Asia — Tajikistan, Uzbekistan, Kazakhstan, and Kyrgyzstan — occupy the second, fourth, sixth, and ninth positions in the list, respectively. Citizens of Turkmenistan are much less active in getting married in Russia. In our country, number of marriages with foreign men is significantly higher than foreign women. However, this ratio is not met among citizens of Kazakhstan and Kyrgyzstan: more marriages are performed by women than men. The total marriage rates among migrants were calculated to determine the intensity of marriage by foreigners from Central Asian countries. The highest value of the total marriage rate of migrants is observed among citizens of Tajikistan, the lowest is among citizens of Turkmenistan. At the same time, the total marriage rate among women from Kyrgyzstan, Turkmenistan and Uzbekistan exceeds that of men. It is meaning that women from these countries are more likely to marry in Russia. The vast majority of marriages with a foreign component — 96 % — are between foreigners and Russians. The remaining 4 % of marriages are those in which both the bride and groom are foreign citizens. Citizens of Central Asian countries if they marry someone other than a Russian, choose their compatriot in the vast majority. It should be noted that the practice of marriage in the country of emigration is not limited only to marriage migration. It is not uncommon for people who come to the country for employment, education, or other aims to find life partners and register relationships. However, we should not exclude the widespread adoption of a pragmatic approach to marriage, in which migrants consider to marriage as an opportunity to be legalized in the country of immigration in a simplified manner, faster and easier to obtain citizenship. Therefore, the development and implementation of state regulation measures in this area is particularly relevant.

Key words: marriages with foreigners, total marriage rate, women, foreign brides, foreign grooms, Central Asia.

Введение

Брачное поведение формируется под воздействием множества факторов: культурных и религиозных традиций общества, экономических условий жизни людей, правовых норм страны. Значимой детерминантой, влияющей на брачное поведение человека, также выступает его миграционный опыт. Миграция, с одной стороны, может «содействовать» вступлению в брак (в данном случае речь идет

о брачной миграции, когда мужчине или женщине не удалось найти спутника жизни на «местном» брачном рынке и поиски партнёра выходят за его пределы), с другой стороны — миграция может «сдерживать» вступление в брак (когда перед человеком встаёт дилемма: создание семьи на родине или получение образования, или трудоустройство вдали от дома), с третьей стороны — брак в процессе миграции может являться не планируемым, но свершившимся событием (когда создание семьи не являлось основной целью переезда).

Брачное поведение мигрантов значительно различается в зависимости от направления миграции и половозрастной структуры миграционного потока. Настоящее исследование сфокусировано на особенностях брачного поведения женщин-мигранток из стран Центральной Азии в России.

Выбор направления исследования обусловлен несколькими причинами. Во-первых, миграционный коридор между Россией и странами Центральной Азии всегда отличался особой широтой. Около половины миграционного оборота России составляют перемещения в данном направлении [Сивоплясова, 2020: 107]. Во-вторых, в настоящее время фиксируется процесс феминизации миграции, поэтому важным представляется более подробное изучение демографически значимых событий в среде женщин-мигрантов. В-третьих, заключение брака является не только демографически, но и юридически и экономически значимым событием, которое влияет на гендерную, этническую, брачную структуры общества, изменяет численность населения страны (как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе), вносит трансформации в структуру потребления товаров и услуг, влияет на рынок недвижимости, нередко вызывает необходимость решать нетривиальные правовые задачи.

Методологическая база исследования

Проблема брачного поведения мигрантов в последние несколько лет актуализировалась в мировом научном дискурсе. Учёные из разных стран (Дании, Индонезии, Китая, Нидерландов, США, Сингапура и других) проявляют интерес к изучению различных аспектов заключения брака в условиях миграции. Нередко эти исследования затрагивают гендерные вопросы ввиду различий в брачном и миграционном поведении между мужчинами и женщинами.

Так, Кэролайн Б. Бреттель [Brettel, 2017] изучала проблему гендерного дисбаланса, «нехватки» невест как побуждающей силы к поиску спутниц жизни за рубежом, различные формы брака среди мигрантов, проблему супружеских отношений и реализации родительской функции в условиях миграции. Ху Айинг, Ли Шужуо и Маркус В. Фелдман [Hu Ying et al., 2013] акцентировали внимание на социально-юридической стороне вопроса. Результаты данных исследований показали, что молодые китайские женщины стали чаще использовать заключение брака (в том числе фиктивного) для упрощения регистрации на территории, где расположено место работы. Юридические последствия фактического заключения брака среди трудовых мигрантов из Индонезии в Малайзии рассматривают Яян Сопян и Бурханатут Дяна [Yayan, Burhanatut, 2017]. Они обращают внимание на тот факт, что браки индонезийских трудовых мигрантов на территории Малайзии не регистрируются. В связи с этим растёт число незарегистрированных браков, что вызывает негативные социально-экономические

и юридические последствия для супругов и их детей. Правительство Индонезии было вынуждено разработать нормы, упрощающие порядок регистрации таких браков. Однако эти мероприятия были восприняты мигрантами не как «экстренная» мера, а как действующий «особый» порядок регистрации брачных отношений для трудовых мигрантов.

Вопросами брачного поведения мигрантов в России занимаются довольно много отечественных и зарубежных учёных. Главным образом эти исследования касаются миграционного потока из стран Центральной Азии. Среди российских авторов следует отметить Е. А. Варшавера, А. Л. Рочеву, К. И. Казенина, В. А. Козлова [Варшавер и др., 2019], Е. Е. Письменную [Письменная, 2017], Д. В. Полетаева [Полетаев, 2018], С. В. Рязанцева, Т. К. Ростовскую, С. Н. Перемышкина [Рязанцев и др., 2019], Е. Л. Сороко [Сороко, 2014], Е. В. Тюрюканову [Тюрюканова, 2011] и других. Среди зарубежных коллег, занимающихся изучением данного вопроса, необходимо назвать Л. П. Максакову [Максакова, 2015], Х. Х. Мамадалиеву [Мамадалиева, 2017], С. К. Олимову [Олимова, 2018] и других.

В своих исследованиях авторы затрагивают не только вопросы брачного поведения мигрантов, но и более широкий круг проблем, носящих социальный характер, например, особенности сексуального поведения мужчин и женщин в условиях миграции, семейные отношения между мигрантами и членами их семей, оставшимися на родине, условия проживания в стране приема, бытовые проблемы. Важным представляется отметить тот факт, что сделанные авторами выводы основаны главным образом на результатах проведённых социологических опросов, а также интервью с экспертами.

Отличительной особенностью настоящей работы является то, что основу информационной базы исследования составляют не результаты социологических опросов, а статистические данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. Выводы основаны на результатах количественного анализа. Выбор метода исследования обусловлен тем, что он позволяет оценить уровень брачности с учётом иностранного компонента в стране, а также выявить особенности траекторий брачного и миграционного поведения женщин-мигранток из стран Центральной Азии в России.

Масштабы миграции женщин из стран Центральной Азии в Россию

В настоящее время в мире наблюдается увеличение миграционной активности женщин. В 2019 г. их доля в мировом миграционном потоке достигла 48 % [Рязанцев и др., 2019]. Однако уровень феминизации миграции значительно различается в зависимости от региона. Так, в Северной Америке, Европе, Океании и некоторых других макрорегионах доля представительниц прекрасного пола в миграционном потоке превысила 50 % ещё в 2010-х гг. [Научное обозрение, 2015]. А в азиатских и африканских странах и в настоящее время в миграционном потоке преобладают мужчины (53—57 %) [UN DESA, 2019].

Согласно данным Отдела народонаселения Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН, население стран Центральной Азии в постсоветский период активно перемещалось из одной страны в другую. Среди данной группы стран наибольшей миграционной активностью отличаются

Казахстан и Узбекистан. Миграционный оборот этих государств в 2019 г. составил 7,711 млн и 3,148 млн человек соответственно. В Таджикистане, Туркменистане и Киргизии данный показатель не достигает 1 млн человек. Причём, данная диспропорция отмечалась на протяжении всего рассматриваемого периода с 1990 г. по 2019 г.

Страны Центральной Азии всегда отличались патриархальностью и строгостью в следовании традициям. Тем не менее, в новейшей истории доля женщин в миграционном потоке этих стран была очень высокой — 50—56 % от величины миграционного оборота каждой страны. При этом результаты исследования показывают, что в течение последних 15 лет Казахстан активно «теряет» женское население — доля женщин в эмиграционном потоке превышает долю женщин в иммиграционном потоке, а Таджикистан, напротив, «накапливает» — доля женщин в иммиграционном потоке превышает долю женщин в эмиграционном потоке более чем на 10 %.

Наиболее «популярной» страной для эмиграции среди населения Центральной Азии является Россия. Согласно данным ООН, за последние 30 лет доля эмигрантов из этих стран, переезжающих в Россию, составляла от 58 % в Узбекистане в 2019 г. до 83 % в Киргизии в 1990 г. Доля женщин, мигрировавших в нашу страну, также значительно выше, чем в какую-либо другую (от 57 % до 82 % от числа женщин-эмигранток). При этом наиболее «популярна» Россия как страна эмиграции среди жительниц Киргизии (около 80 % от общего числа женщин-эмигранток из этой страны перемещаются в данном направлении), а наименее — среди женщин Узбекистана (около 60 % мигрируют в Россию, другими популярными направлениями являются Казахстан — 12 % и Украина — 10 %).

Миграционные процессы оказывают существенное влияние на социально-экономическое и демографическое развитие принимающей страны. Поэтому важно рассмотреть структуру иммиграционного потока в Россию из стран Центральной Азии. Согласно данным ОЭСР, с 2011 г. по 2017 г. ежегодно в нашу страну приезжают 150—240 тыс. мигрантов из Центральной Азии (рис. 1) [International Migration Outlook, 2019].

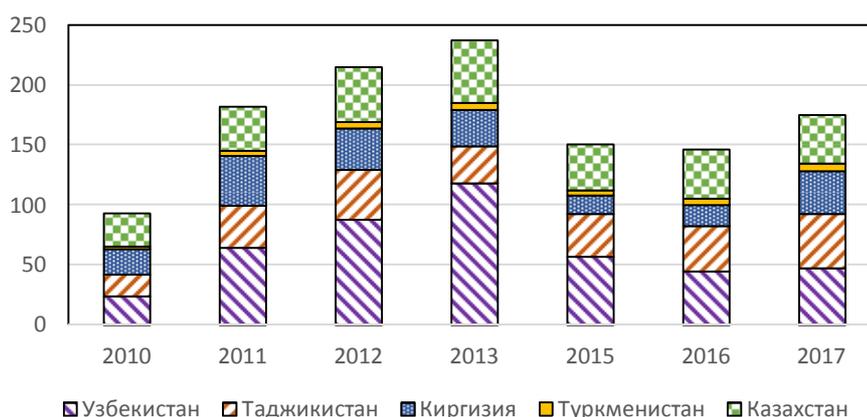

Рис. 1. Иммиграционный поток из стран Центральной Азии в Россию, человек

Доля женщин в данном миграционном потоке составляет около 40 % (рис. 2), т. е. Россия ежегодно принимает около 70 тыс. женщин-мигранток из стран Центральной Азии. Динамика данного показателя является растущей. Исключение составляет период 2013—2015 гг., когда отмечался резкий спад миграции, обусловленный кризисными процессами.

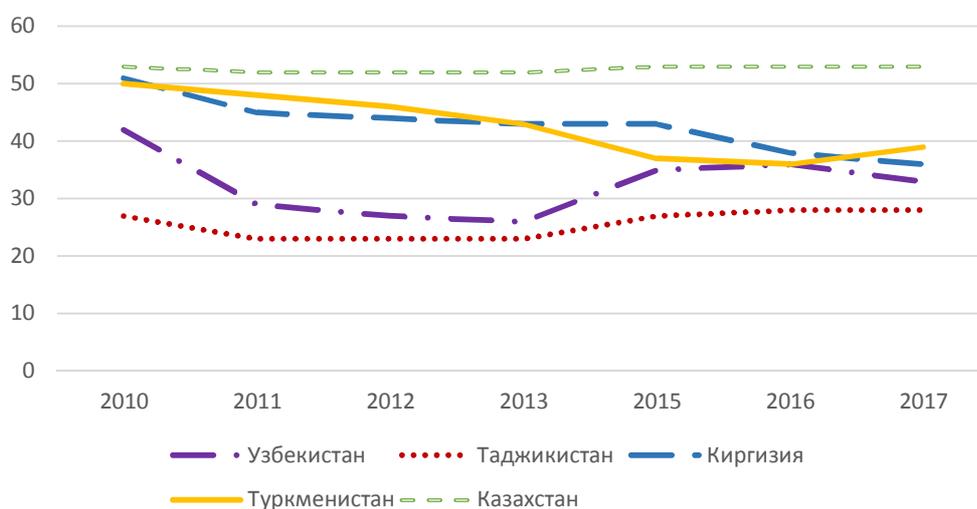

Рис. 2. Доля женщин в иммиграционном потоке в Россию из стран Центральной Азии, %

Среди приезжающих из Казахстана доля представительниц прекрасного пола наивысшая по сравнению с другими странами региона — более 50 %. За рассматриваемый период 2010—2017 гг. доля женщин в миграционном потоке из Киргизии и Туркменистана имела понижательную тенденцию, из Таджикистана — отмечался рост, из Узбекистана — фиксировалась волнообразная динамика. Столь разнонаправленное движение может быть связано с различными факторами, проявляющимися как в стране выезда, так и в стране приёма. Среди них: особенности демографического развития посылающих стран, трансформация рынка труда в стране-реципиенте, изменения в миграционном законодательстве и т. д.

Брачное поведение женщин-мигранток из стран Центральной Азии

Заключение брака в процессе миграции — явление довольно распространённое. Так, в Испании в более чем 15 % случаев хотя бы одним из партнёров [Instituto Nacional de Estadística], заключающих брак, является иностранец. В Италии данный показатель составляет 9 % [Istituto Nazionale di Statistica], в Южной Корее — 10 % (в 1990-е гг. он был значительно выше — 30—40 %) [Сивоплясова, 2017].

Согласно данным Росстата, в России доля браков, осложнённых иностранным компонентом, в 2018 г. составляла 6,5 % (в расчёте учитывались браки, в которых хотя бы один из супругов является иностранцем) (рис. 3).

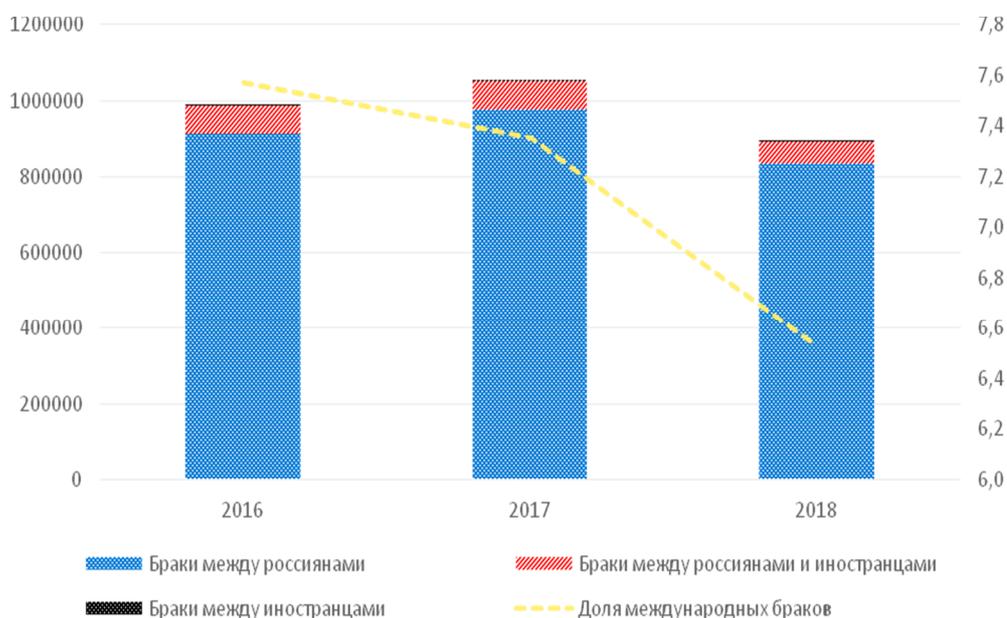

Рис. 3. Число и доля браков по гражданству супругов

При этом за период 2016—2018 гг. отмечалось снижение данного показателя на 1,1 %. Принимая во внимание общую тенденцию снижения брачности, можно сказать, что Россия становится все менее привлекательной для иностранных женихов и невест.

Тем не менее в настоящее время сформировался своеобразный «пул» стран, граждане которых наиболее часто заключают браки на территории России. Безусловным лидером является Украина. В 2018 г. более 17,2 тыс. граждан этой страны заключили брак в России. Страны Центральной Азии — Таджикистан, Узбекистан, Казахстан, Киргизия — занимают в списке вторую (8331 брак), четвертую (4814 брака), шестую (3966 браков) и девятую (1484 брака) позиции соответственно. Граждане Туркменистана значительно менее активно заключают браки на территории России (в 2018 г. было заключено 208 браков).

Динамика брачности среди граждан стран Центральной Азии в России не является однообразной. Так, на протяжении рассматриваемого периода с 2016 г. по 2018 г. число браков, одним из супругов в которых являлись граждане Узбекистана, сокращалось из года в год. Число браков, одним из супругов в которых являлись граждане Казахстана, Киргизии или Туркменистана, увеличилось в 2017 г. по сравнению с 2016 г. и сократилось в 2018 г. по сравнению с 2017 г. Число браков, одним из супругов в которых были граждане Таджикистана,

сократилось в 2017 г. по сравнению с 2016 г. и увеличилось в 2018 г. по сравнению с 2017 г.

В России мужчины-иностранцы заключают заметно большее число браков, чем женщины-иностранки. Наиважнейшим фактором такой диспропорции, безусловно, является гендерный дисбаланс в сторону мужского населения в иммиграционном потоке в страну. Однако среди мигрантов из стран Центральной Азии такая строгая зависимость проявляется не всегда. Так, среди граждан Казахстана больше браков заключают в России женщины, чем мужчины, что соответствует структуре миграционного потока. Среди граждан Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана больше регистрируют отношения мужчины, чем женщины, что также соответствует гендерной структуре миграции. А среди граждан Киргизии больше создают семьи женщины, чем мужчины, хотя на долю прекрасного пола в иммиграционном потоке приходится только около трети от общего числа мигрантов. Вероятнее всего, такое «несоответствие» вызвано, с одной стороны, не столь строгими, как в иных странах Центральной Азии, национальными традициями в отношении выбора спутника жизни; с другой — особенностями трудоустройства в принимающей стране (в России гражданки Киргизии часто устраиваются на работу сиделками и нянечками, то есть в семье, где высока вероятность встретить будущего мужа); с третьей — граждане Киргизии, как правило, неплохо знают русский язык, что облегчает общение с противоположным полом.

При этом, если разница между числом женщин и мужчин из Казахстана и Туркменистана, заключивших брак в России, небольшая (около 10—20 %), то среди граждан Узбекистана данное отношение составляет 1,6 раза, а среди граждан Киргизии и Таджикистана достигает рекордных 2 и 3,5 раза соответственно.

Для определения интенсивности заключения браков иностранцами из стран Центральной Азии были рассчитаны общие коэффициенты брачности среди мигрантов (рис. 4).

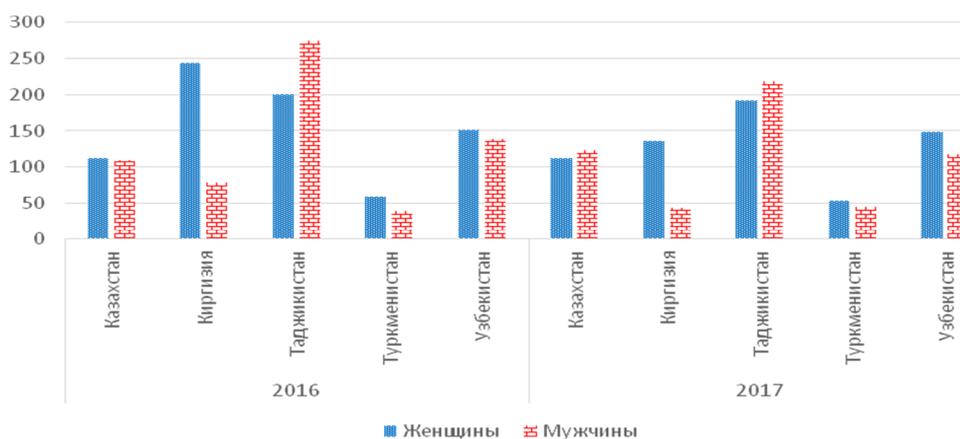

Рис. 4. Общий коэффициент брачности среди мигрантов из стран Центральной Азии, браки на 1 тыс. мигрантов соответствующего пола

Из рисунка видно, что наибольшее значение общего коэффициента брачности мигрантов отмечается среди граждан Таджикистана (200 браков, в которых невеста является гражданкой Таджикистана, на 1 тыс. женщин-иммигранток из этой страны и 275 браков, в которых женихом является гражданин Таджикистана, на 1 тыс. мужчин-иммигрантов из Таджикистана в 2016 г. и 192 и 219 браков на 1 тыс. иммигрантов соответствующего пола в 2017 г.). Наименьшее значение общего коэффициента брачности свойственно гражданам Туркменистана. Важно отметить, что значения общих коэффициентов брачности среди мужчин и женщин из Казахстана, Туркменистана и Узбекистана различаются незначительно. А значения данного показателя среди граждан Киргизии различаются более чем в 3 раза. То есть мигрантки из этой страны не просто более активно выходят замуж в России (абсолютное число браков, в которых невеста является гражданкой Киргизии, в 2 раза больше числа браков, в которых женихом выступает гражданин этого государства), но и со значительно большей частотой.

Помимо этого, интересным представляется тот факт, что, несмотря на значительное превышение числа мужчин-мигрантов из Узбекистана над числом женщин-мигранток из этой страны, а также более чем полторакратное превышение числа браков молодых людей над числом браков девушек и женщин из этой страны, интенсивность вступления в брачные отношения у представительниц прекрасного пола заметно выше — общий коэффициент брачности среди женщин составляет 152 брака на 1 тыс. женщин-иммигранток против 139 браков на 1 тыс. мужчин в 2016 г. и 149 браков против 118 соответственно в 2017 г.

Подавляющее большинство межнациональных браков — 96 % — в России заключается между иностранцами и россиянами. Оставшиеся 4 % браков — это браки, в которых и невеста, и жених являются иностранными гражданами. Среди граждан стран Центральной Азии, заключивших брак в России, отмечается схожее соотношение. Диапазон значений долей браков с россиянами варьируется от 90 % (соответствует доли женихов из Киргизии, женившихся на россиянках в 2018 г., относительно общего числа браков, в которые вступили киргизские мужчины в нашей стране; а также доли браков между невестами из Туркменистана и российскими женихами в 2017 г.) до 98 % (соответствует доле браков между мужчинами-гражданами Таджикистана и россиянками относительно общего числа браков, в которые вступали таджикские женихи в 2018 г.).

Россия нередко становится своеобразной «площадкой» для регистрации браков между иностранными гражданами. Граждане стран Центральной Азии, если заключают брак не с россиянином, то в подавляющем большинстве случаев делают выбор в пользу своего соотечественника. Причём, как правило, данная закономерность прослеживается как в браках женихов — граждан стран Центральной Азии, так и невест из этого региона. Доля подобных браков составляет 76—83 % от общего числа браков между иностранцами. Однако особый «патриотизм» прослеживается в брачном поведении невест из Таджикистана и женихов из Казахстана. Со своими соотечественниками они заключают около 90 % браков. Вероятнее всего, одной из главных причин такой ситуации является более строгое следование национальным традициям в вопросе выбора спутника жизни и традиционное предпочтение человека своей национальности и вероисповедания всем другим кандидатам. Кроме того, закономерной моделью поведения

мигрантов за рубежом является более тесное общение между земляками, ментально близкими людьми. Поэтому неудивительно, что в этой среде зарождаются романтические отношения между мигрантами.

Вместе с тем следует отметить особенность брачного поведения мигранток из Узбекистана: выбирая в качестве жениха гражданина иностранного государства, они делают выбор в пользу соотечественников в 67—70 % случаев, что является наименьшим показателем среди рассматриваемых стран. Своеобразной «альтернативой» для этих невест являются женихи — граждане Таджикистана. Доля браков между невестами из Узбекистана и женихами из Таджикистана составляет 6—10 %.

Таким образом, заключение брака женщинами — гражданками Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана — в процессе миграции в Россию является довольно распространенной практикой. При этом следует отметить, что масштабы данного явления не ограничены только значениями показателей брачной миграции, то есть перемещением людей с целью заключения брака и создания семьи за рубежом. Нередко лица, приехавшие в страну по причине трудоустройства, получения образования или другим, находят спутников жизни и регистрируют отношения. Однако не следует исключать и широкого распространения прагматического подхода в вопросах брака, в рамках которого мигранты рассматривают брак как возможность легализоваться в стране иммиграции в упрощенном порядке, быстрее и проще получить гражданство.

Выводы

Подводя итог, необходимо отметить, что заключение брака в процессе миграции является весьма распространённой практикой, к которой прибегают как мужчины, так и женщины. В ходе исследования была выдвинута гипотеза, что национальные традиции и устои стран Центральной Азии могут «сдерживать» вступление в брак в стране эмиграции. Однако анализ статистических данных показал, что граждане Казахстана, Киргизии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана, напротив, активно ищут спутников жизни в России. Более того, среди мигрантов из Казахстана и Киргизии чаще заключают браки женщины, чем мужчины, а среди мигрантов из Узбекистана интенсивность заключения браков выше у женщин, чем у молодых людей. То есть брачный канал миграции из стран Центральной Азии в Россию используется весьма активно.

Нельзя отрицать, что часто причиной заключения брака за рубежом является симпатия и любовь между женихом и невестой. Однако масштабы регистрации браков между гражданами Центральной Азии и россиянами, то есть значительно различающимися в ментальном плане людьми, позволяет предполагать, что нередко браки заключаются «фиктивно», из прагматических целей получения гражданства.

Причём бремя поиска «фиктивного» мужа или жены в настоящее время далеко не всегда ложится на плечи самого мигранта. Известны случаи «коммерциализации» данной сферы, когда специальные посредники обеспечивают регистрацию брака между мигрантом и гражданином России за определенную плату. Однако «фиктивные» супруги далеко не всегда получают те «выгоды», на которые рассчитывали. Гражданин или гражданка России не получают оплату,

а также сталкиваются с массой правовых проблем: признание отцовства в отношении детей «фиктивной» супруги, раздел имущества в случае развода, «испорченная» репутация и другие. Иностранец, плохо разбирающийся в отечественном законодательстве, часто не получает гражданства в упрощённом режиме, сталкивается с невозможностью установления отцовства в отношении своих детей, может быть выдворен за границу в случае, если будет доказано, что брак фиктивный.

В российской практике не существует специальных государственных органов, осуществляющих контроль за действительностью браков, заключённых между россиянами и иностранцами. Поэтому обнаружить и доказать, что брак является фиктивным, крайне сложно. Вместе с тем, как было сказано выше, это влечёт за собой большое число негативных юридических, экономических и психологических последствий. Поэтому очевидно, что данная сфера должна быть понята, просто и чётко урегулирована.

Тем не менее, с демографической точки зрения, брак между гражданином России и иностранцем может рассматриваться как некий «человеческий ресурс», ведь заключение брака и желание получить гражданство свидетельствует о планах надолго связать свою жизнь с нашей страной. Поэтому важность правовой определённости в данной сфере не вызывает сомнений.

Библиографический список

- Варшавер Е. А., Рочева А. Л., Казенин К. И., Козлов В. А.* Рождаемость среди иностранных трудовых мигрантов в России и влияющие на нее факторы: (анализ данных опроса) // Вестник института экономики Российской академии наук. 2019. № 1. С. 100—111.
- Зайончковская Ж. А., Карачурина Л. Б., Мкртчян Н. В., Полетаев Д. В., Тюрюканова Е. В., Флоринская Ю. Ф.* Женщины-мигранты из стран СНГ в России / под ред. Е. В. Тюрюкановой. М.: МАКС Пресс, 2011. 119 с.
- Максакова Л. П.* Трудовая миграция в аспектах семьи // Миграционные мосты в Евразии: материалы VIII Международной научно-практической конференции «Роль трудовой миграции в социально-экономическом и демографическом развитии посылающих и принимающих стран (Москва — Ставрополь, 13—18 октября 2015 года) / под ред. чл.-корр. РАН С. В. Рязанцева. М.: Экон-Информ, 2015. С. 141—144.
- Мамадалиева Х. Х.* Брак и семья в Узбекистане // Народонаселение. 2017. № 4. С. 67—77.
- Олимова С. К.* Трудности адаптации к мигрантской жизни: как таджики строят интимные отношения в России // Российский совет по международным делам. 28 июля 2018. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/trudnosti-adaptatsii-k-migrantskoy-zhizni-kak-tadzhiki-stroyat-intimnye-otnosheniya-v-rossii/> (дата обращения: 21.06.2020).
- Полетаев Д. В.* Женская трудовая миграция из Таджикистана и Киргизии в Россию // Народонаселение. 2018. Т. 21, № 4. С. 68—78.
- Рязанцев С. В., Ростовская Т. К., Перемышкин С. Н.* Гендерные аспекты трудовой миграции в России: тренды, последствия, регулирование // Женщина в российском обществе. 2019. № 4. С. 53—65.
- Сиволясова С. Ю.* Российские женщины на брачных рынках Японии, Кореи и Китая // Миграционные мосты в Евразии: модели эффективного управления миграцией

в условиях развития евразийского интеграционного проекта: материалы IX Международного научно-практического Форума (Москва, 28—29 ноября 2017 года): в 2 т. / под науч. ред. чл.-корр. С. В. Рязанцева, М. Н. Храмовой. М.: Экономическое образование, 2017. Т. 1. С. 169—173.

- Сивоплясова С. Ю. Женская трудовая миграция в период пандемии COVID-19 // Научное обозрение. Сер. 1, Экономика и право. 2020. № 3. С. 106—113.
- Сороко Е. Л. Этнически смешанные супружеские пары в Российской Федерации // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 4. С. 96—123.
- Brettel C. B. Marriage and Migration // *Annual Review of Anthropology*. 2017. Vol. 46. P. 81—97.
- Hu Ying, Li Shuzhuo, Feldman M. W. Trends and determinants of female marriage migration in contemporary China. 2013. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Trends-and-determinants-of-female-marriage-in-China-Ying-Shu-zhuo/05e4bc21cdc0c9b14e55aa7674a5435d487c0ad0#references> (дата обращения: 21.06.2020).
- Instituto Nacional de Estadística. URL: https://ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176999&menu=ultiDatos&idp=1254735573002 (дата обращения: 25.06.2020).
- Instituto Nazionale di Statistica. URL: <http://www4.istat.it/it/immigrati> (дата обращения: 25.06.2020).
- OECD. International Migration Outlook 2019, OECD Publishing, Paris, 2019. URL: <https://doi.org/10.1787/c3e35eec-en> (дата обращения: 20.06.2020).
- Pismennaya E. E., Ryazantsev S. V., Sivoplyasova S. Yu. Influence of migration on transformation of families in Tajikistan // *Female Migration: Forms, Trends, Consequences*. Ser.: Demography. Sociology. Economics. Vol. 3, № 1 / ed. by Corresponding-Member of the RAS S. V. Ryazantsev. Moscow: Econ-Inform, 2017. P. 122—131.
- UN DESA. 2019. URL: <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (дата обращения: 15.06.2020).
- Yayan S., Burhanatut D. Marriage legalization for Indonesian migrant workers // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: International Conference on Law and Justice*. 2017. Vol. 162. P. 18—22.

References

- Brettel, C. B. (2017) Marriage and migration, *Annual Review of Anthropology*, no. 46, pp. 81—97.
- Hu, Ying, Li, Shuzhuo, Feldman, M. W. (2013) *Trends and Determinants of Female Marriage Migration in Contemporary China*, available from <https://www.semanticscholar.org/paper/Trends-and-determinants-of-female-marriage-in-China-Ying-Shu-zhuo/05e4bc21cdc0c9b14e55aa7674a5435d487c0ad0#references> (accessed 21.06.2020).
- Instituto Nacional de Estadística, available from https://ine.es/dyngs/INEbase/es/operacion.htm?c=Estadistica_C&cid=1254736176999&menu=ultiDatos&idp=1254735573002 (accessed 25.06.2020).
- Instituto Nazionale di Statistica, available from <http://www4.istat.it/it/immigrati> (accessed 25.06.2020).
- Maksakova, L. P. (2015) Trudovaia migratsiia v aspektakh sem'i [Labor migration in family aspects], in: Riazantsev, S. V. (ed.), *Migratsionnye mosty v Evrazii: Materialy VIII Mezhdunarodnoï nauchno-prakticheskoi konferencii "Rol' trudovoi migratsii v sotsial'no-ekonomicheskom i demograficheskom razvitii posylaiushchikh*

- i primimaiushchikh stran (Moskva — Stavropol', 13—18 oktiabria 2015 goda), Moscow: Ekon-inform.
- Mamadaliyeva, Kh. Kh. (2017) Brak i sem'ia v Uzbekistane [Marriage and family in Uzbekistan], *Narodonaselenie*, no. 4, pp. 67—77.
- OECD (2019) *International Migration Outlook 2019*, OECD Publishing, Paris, available from <https://doi.org/10.1787/c3e35eec-en> (accessed 20.06.2020).
- Olimova, S. K. (2018) *Difficulties of adaptation to migrant life: how Tajiks build intimate relationships in Russia*, available from <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/postsoviet/trudnosti-adaptatsii-k-migrantskoy-zhizni-kak-tadzhiiki-stroyat-intimnye-otnosheniya-v-rossii/> (accessed 21.06.2020).
- Pismennaia, E. E., Riazantsev, S. V., Sivoplyasova, S. Yu. (2017) Influence of migration on transformation of families in Tajikistan, in: Ryzantsev S. V. (ed.), *Female Migration: Forms, Trends, Consequences*, seria Demography. Sociology. Economics, vol. 3, no. 1 Moscow: Ekon-Inform.
- Poletayev, D. V. (2018) Zhenskaia trudovaia migratsiia iz Tadjikistana i Kirgizii v Rossiiu [Female labor migration from Tajikistan and Kyrgyzstan to Russia], *Narodonaselenie*, vol. 21, no. 4, pp. 68—78.
- Riazantsev, S. V., Rostovskaia, T. K., Peremyshlin, S. N. (2019) Gendernye aspekty trudovoi migratsii v Rossii: trendy, posledstviia, regulirovanie [Gender aspects of labor migration in Russia: trends, implications, regulation], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 53—65.
- Sivoplyasova, S. Yu. (2017) Rossiiskie zhenshchiny na brachnykh rynkakh Iaponii, Korei i Kitaa [Russian women in the marriage markets of Japan, Korea and China], in: Riazantsev, S. V., Khramova, M. N. (eds), *Migratsionnye mosty v Evrazii: modeli effektivnogo upravleniia migratsiei v usloviakh razvitiia evraziiskogo integratsionnogo proekta: Materialy IX Mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo foruma* (Moskva, 28—29 noiabria 2017 goda), vol. 1, Moscow: Ekonomicheskoe obrazovanie, pp. 169—173.
- Sivoplyasova, S. Yu. (2020) Zhenskaia trudovaia migratsiia v period pandemii COVID-19 [Female Labor Migration in Condition of Pandemic COVID-19], *Nauchnoe obozrenie*, seria 1, Ekonomika i pravo, no. 3, pp. 106—113.
- Soroko, E. L. (2014) Etnicheski smeshannye supruzheskie pary v Rossiiskoi Federatsii [Ethnically mixed married couples in the Russian Federation], *Demograficheskoe obozrenie*, vol. 1, no. 4, pp. 96—123.
- Tiuriukhanova, E. V. (ed.) (2011) *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii* [Women migrants from CIS countries in Russia], Moscow: MAKSS Press.
- UN DESA (2019), available from <https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/data/estimates2/estimates19.asp> (accessed 15.06.2020).
- Varshaver, E. A., Rocheva, A. L., Kazenin, K. I., Kozlov, V. A. (2019) Rozhdaemost' sredi inostrannykh trudovykh migrantov v Rossii i vliiaushchie na nee faktory: (Analiz dannykh oprosa) [Birth rate among foreign labor migrants in Russia and factors affecting it: (Analysis of survey data)], *Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk*, no. 1, pp. 100—111.
- Yayan, S., Burhanatut, D. (2017) Marriage legalization for Indonesian migrant workers, *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. International Conference on Law and Justice, vol. 162, pp. 18—22.

Информация об авторах / Information about the authors

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Россия; заведующий кафедрой демографической и миграционной политики, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ, г. Москва, Россия, riazan@mail.ru (Dr. Sc. (Economics), Professor, RAS Corresponding Member, Director, Institute for Demographic Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Head of the Department of Demographic and Migration Policy, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation).

Сивоплясова Светлана Юрьевна — кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социальной демографии, Институт демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, г. Москва, Российская Федерация; доцент кафедры экономической теории, Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), г. Москва, Российская Федерация, svetlankamos84@rambler.ru (Cand. Sc. (Economics), Associate Professor, Leading Researcher of the Center of Social Demography, Institute for Demographic Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation; Associate Professor at the Department of Economics, Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russian Federation).

Woman in Russian Society
2021. Special issue. P. 150—167
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.10

Женщина в российском обществе
2020. Специальный выпуск. С. 150—167
ББК 60.561.2
DOI: 10.21064/WinRS.2021.0.10

СОВМЕЩЕНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО И РОДИТЕЛЬСКОГО ТРУДА В ОЦЕНКАХ УРАЛЬСКИХ ЖЕНЩИН: ОБЪЕКТИВНЫЕ И СУБЪЕКТИВНЫЕ БАРЬЕРЫ

А. П. Багирова, Н. Д. Бледнова

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия, a.p.bagirova@urfu.ru

В статье рассматривается проблема совмещения двух видов трудовой деятельности — профессионального и родительского труда. На основе данных опроса работающих женщин в возрасте 18—45 лет в Свердловской области мы выявляем объективные и субъективные барьеры совмещения этих двух трудовых сфер. В качестве объективных барьеров в совмещении профессионального и родительского труда для уральских женщин выступают продолжительность рабочего дня, а также время его начала и окончания. В качестве субъективных барьеров, препятствующих эффективному сочетанию профессионального и родительского труда, для уральских женщин выступают стереотипы работодателей и коллег, не имеющих детей, ядро которых составляют представления о низкой эффективности профессиональной деятельности работников с детьми, негативном влиянии детей на реализацию профессионального труда и профессиональную карьеру родителей, непонимание тех преимуществ, которые дают дети работникам с детьми в процессе реализации ими профессионального труда.

Ключевые слова: профессиональный труд, родительский труд, уральские женщины, барьеры совмещения профессионального и родительского труда.

© Багирова А. П., Бледнова Н. Д., 2021

Исследование выполнено при содействии Совета по грантам Президента РФ для государственной поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ в рамках проекта «Российская пронаталистская политика: ресурсы, эффекты, возможности оптимизации» (грант № НШ-2722.2020.6).

COMBINATION OF PROFESSIONAL AND PARENTAL LABOR IN ASSESSMENTS OF URAL WOMEN: OBJECTIVE AND SUBJECTIVE BARRIERS

A. P. Bagirova, N. D. Blednova

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation, a.p.bagirova@urfu.ru

The article considers the problem of combining two types of labor activity — professional and parental labor. The aim of the research is to identify objective and subjective barriers for combination of these two labor spheres. We focus on specific elements of the organization of labor of working mothers (length of the working week and working day, time of the start and the end of work, alternation of work and days off, leave period, form of work organization) and on identifying subjective barriers that prevent the effective combination of professional and parental labor. We conducted an online survey of 265 women aged 18 to 45 working in various organizations in the Sverdlovsk region. We analyzed the data using descriptive statistics, correlation analysis, and group comparison based on nonparametric criteria. The results of the study are as follows: the length of the working day, as well as the time of its beginning and end, act as objective barriers to combining professional and parental work for Ural women. The subjective barriers preventing the effective combination of professional and parental work for Ural women are stereotypes of employers and colleagues who do not have children, based on the perception of the low efficiency of professional activities of workers with children, the negative impact of children on the implementation of professional work and the professional career of parents, misunderstanding of the advantages that children give to workers with children in the process of their professional work. The presence of such subjective barriers often entails refusals in employment of subjects of parental labor, a deterioration in the attitude of the employers towards them, and increases the likelihood of going on unpaid leave.

Key words: professional labor, parental labor, Ural women, barriers for combination of professional and parental labor.

Введение

От эффективности совмещения родительства в целом и материнства в частности с профессиональной деятельностью зависит решение одной из важнейших российских социально-экономических задач — повышения рождаемости. Высокая значимость этой проблемы и важность ее решения для нашей страны отражена в одном из федеральных проектов, входящих в национальный проект «Демография» [Содействие занятости... , 2019]. Цель этого подпроекта состоит в обеспечении возможностей женщин, имеющих детей, совмещать трудовую деятельность с семейными обязанностями.

Проблема сложностей совмещения профессиональной деятельности и родительства рассматривается в качестве одного из факторов низкой рождаемости в разных странах мира. Мы, следуя за концепцией трудового характера родительства [Oakley, 1974; Erickson, 2005; Bianchi, Milkie, 2010; Blair, Lichter, 1991; Shelton, John, 1996; Синица, 2012; Шубенкова, Панина, 2013; Багирова и др., 2017], смотрим на неё как на проблему совмещения двух видов трудовой деятельности — профессиональной и родительской. Оба вида труда имеют своих

субъектов, цели, задачи и мотивы [Багирова и др., 2014], технологии реализации. В отношении каждого из этих видов труда можно говорить в терминах его организации и стимулирования.

Совмещение работы и семьи чаще всего рассматривается в рамках концепции «Work-life balance» (WLB, баланс жизни и работы). Такого подхода придерживается целый ряд ученых, ставящих вопросы поиска оптимального сочетания профессиональной деятельности и личной жизни (см., напр.: [Lucia-Casademunt et al., 2018; Feeney et al., 2019; Ильдарханова и др., 2019]). В условиях конкурентного рынка труда поиск работы и продвижение по карьерной лестнице требуют больших умственных, временных и психологических затрат. Родители, чьи ресурсы должны быть направлены не только на профессиональную самореализацию, но и на воспитание детей, находятся в состоянии глубокого стресса, который оказывает негативное влияние на физическое, психологическое здоровье, уровень общего благосостояния личности [Nair et al., 2019; McCanlies, 2019; Remery, 2019]. Кроме того, в целом активность человека в одной из этих сфер может стать причиной его неэффективности в другой — наличие работы рассматривается в качестве детерминанты низкой рождаемости [Greulich, 2017] или некачественного выполнения родителями своих семейных обязанностей [Snir, 2019].

Несмотря на сложность родительского труда, наличие детей не только не создает дополнительных стимулов для родителей, но и является зачастую причиной дискриминации, с которой все чаще сталкиваются работники с детьми в процессе реализации своей профессиональной деятельности [Nanappi, Lipps, 2019; Miller, 2019; Henle et al., 2020]. Ученые отмечают, что родители, оставившие работу, чтобы посвятить себя воспитанию детей, имеют менее выигрышное положение на рынке труда, нежели работники без детей [Lott, 2019; Bartoš, Pertold-Gebicka, 2018; Boye, 2019]. Причем чаще всего с такими проблемами сталкиваются работающие матери, а не отцы, что объясняется укоренившимися в сознании людей гендерными стереотипами [Bygren et al., 2017; Yamaguchi, 2017; Al-Ismail et al., 2019; Хасбулатова и др., 2020; Тартаковская, 2019].

Отдельные аспекты изучения совмещения сфер родительского и профессионального труда, посвященные элементам каждого из них, раскрыты в работах российских и зарубежных авторов, исследовавших соотношение семьи и работы. В исследованиях баланса двух сфер нас прежде всего интересует аспект, связанный с уровнем рабочих мест, т. е. предприятий, реализующих (сейчас или имеющих потенциал для этого) ту или иную корпоративную политику, адресованную сотрудникам с семейными обязанностями [Чернова, 2012]. На рисунке 1 нами предпринята попытка систематизации полученных ими результатов с точки зрения трудового подхода к обеим сферам деятельности. Цель же нашей статьи — выявить, в каких элементах организации труда кроются сложности (барьеры) совмещения двух трудовых сфер. Научная новизна нашего исследования состоит в фокусировке на конкретных элементах организации труда работающих женщин-матерей (среди которых — продолжительность рабочей недели и рабочего дня, время начала и окончания работы, чередование рабочих и выходных дней, период предоставления отпуска, форма организации труда) и в выявлении субъективных барьеров, препятствующих эффективному совмещению

сфер профессионального и родительского труда. К таким субъективным барьерам мы относим бытующие в общественном сознании мнения и убеждения о работающих родителях, в том числе представления о них работодателей и работников, которые еще не успели обзавестись детьми.

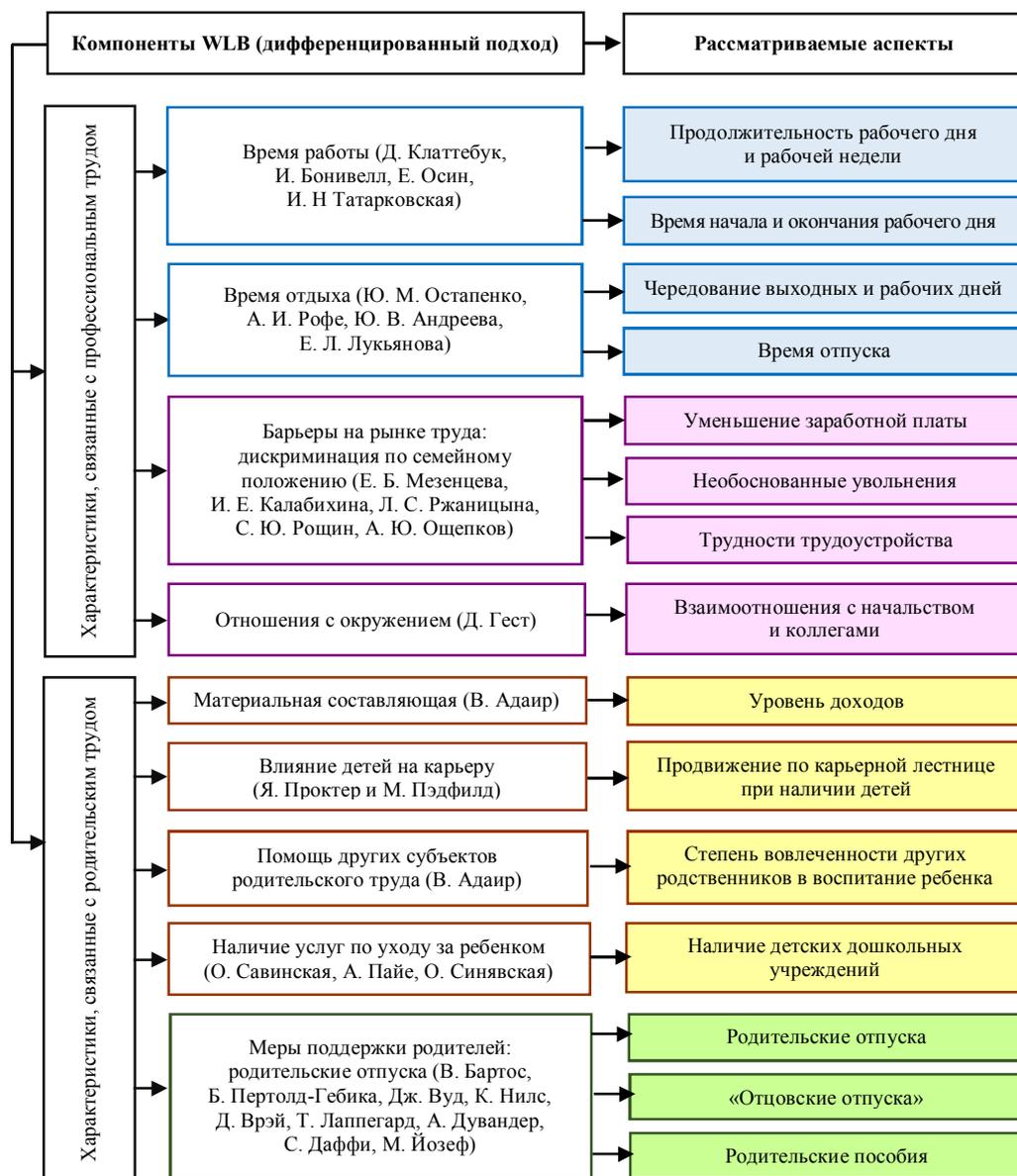

Рис. 1. Элементы сфер родительского и профессионального труда в работах исследователей

Данные и методы исследования

В ходе исследования в феврале-апреле 2020 г. были опрошены женщины в возрасте от 18 до 45 лет, работающие в различных организациях Свердловской области (N = 265). Это был онлайн-опрос, однако респонденты в выборочную совокупность отбирались случайным образом в каждой квоте с целью соблюдения распределений работающих женщин по возрасту и наличию детей, представленных в данных Всероссийской переписи населения за 2010 г. и Управления Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области о занятости населения в регионе. Структура респондентов по наличию детей и их возрастные характеристики представлены в таблице 1.

Таблица 1

Характеристика женщин-респонденток по наличию детей

Группы по наличию детей	%	Возраст, лет	
		Медиана	Средняя
Есть дети	71,1	35,0	34,7
В том числе:			
один ребенок	32,5		
два ребенка	48,7		
три ребенка	16,2		
четыре ребенка	2,6		
Нет детей	27,9	24,0	25,3
<i>Всего</i>	100,0	–	–

Собранные данные анализировались в IBM SPSS 22.0 с помощью процедур описательной статистики, корреляционного анализа и оценки различий в группах респондентов с помощью непараметрических критериев Манна-Уитни и Краскелла-Уоллеса.

Объективные барьеры совмещения профессионального и родительского труда

В ходе анализа было выявлено, что основные трудности, которые усложняют респондентам выполнение их родительских функций, связаны с продолжительностью рабочего дня, временем его начала и окончания. Почти половина ответивших родителей считает, что продолжительность рабочего дня не позволяет им заниматься детьми. Для оценки различных элементов рабочего графика в качестве барьеров совмещения родительского и профессионального труда мы рассчитали так называемый «индекс препятствия» (табл. 2), который может изменяться в диапазоне от 1 (беспрепятственность совмещения двух трудовых сфер) до 5 (сложность совмещения двух трудовых сфер).

Таблица 2

Индекс препятствия в совмещении сфер профессионального и родительского труда в разрезе элементов рабочего графика профессиональной занятости

Элемент рабочего графика	Значение индекса препятствия
Продолжительность рабочего дня	3,20
Начало и конец рабочего дня	3,04
Продолжительность рабочей недели	2,77
Чередование рабочих и нерабочих дней	2,61
Время отпуска	2,08

Расчет аналогичного индекса для групп респондентов, чей рабочий день имеет разную продолжительность (табл. 3), показал, что наибольшие сложности при выполнении родительских функций испытывают те респонденты, которые работают более 8 часов в день.

Таблица 3

Индекс препятствия в совмещении сфер профессионального и родительского труда в группах респонденток с разной продолжительностью рабочего дня

Продолжительность рабочего дня	Индекс препятствия
Более 8 часов в день	3,63
Неполный рабочий день	3,22
8 часов в день	3,18
Ненормированный рабочий день	2,95
Гибкий рабочий день	2,42
Менее 8 часов в день	2,00

В то же время мы обнаружили статистически значимые различия в оценках респондентами влияния времени начала рабочего дня на возможность заниматься детьми. Выяснилось, что наибольшие трудности испытывают те родители, чей рабочий день начинается в диапазоне от 0 до 5 часов и от 8 до 9 часов утра (табл. 4).

Таблица 4

Индекс препятствия в совмещении сфер профессионального и родительского труда в группах респондентов с разным временем начала рабочего дня

Время начала рабочего дня, ч	Индекс препятствия
0:00—5:00	4,00
6:00—7:00	2,50
8:00—9:00	3,27
10:00—11:00	2,25
12:00—13:00	1,0

Почти 40 % респондентов-матерей признались, что им приходилось увольняться с работы, поскольку рабочий график не позволял в необходимом объеме осуществлять функции родительского труда. Конкретные элементы рабочего графика, ставшие причинами увольнения, представлены на рисунке 2 — видно, что наиболее распространены из них продолжительность рабочего дня и неподходящее время его начала и окончания. Также почти две трети родителей отметили, что им приходилось отказываться от дополнительной работы за дополнительную плату из-за необходимости уделить время детям и уходу за ними.

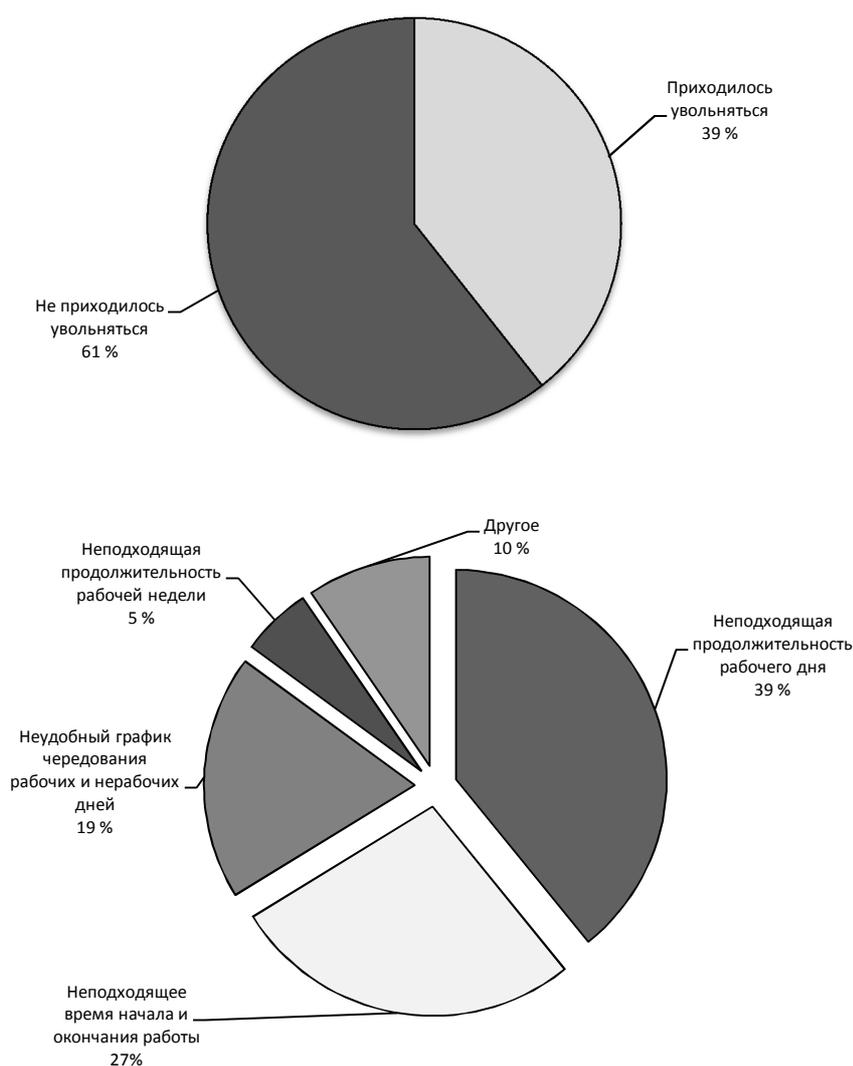

Рис. 2. Распределение ответов респондентов на вопрос о случаях увольнений с работы из-за сложностей совмещения рабочего графика с уходом за ребенком и конкретных причинах этого, %

Респондентам, имеющим детей, было предложено оценить степень их согласия с рядом утверждений, связанных с организацией профессионального труда. Средние оценки приведены в таблице 5. Видно, что чаще всего респонденты соглашались с приведенными суждениями, исключение здесь имеет только утверждение об удаленной занятости как наиболее подходящей форме работы для родителей. Отчасти мы связываем это с теми внезапными сложностями, в которые попали работники-родители в период пандемии.

Таблица 5

Степень согласия с утверждениями о совмещении профессионального и родительского труда

Элемент организации труда	Утверждения	Степень согласия (1 — полное несогласие, 5 — полное согласие)		
		Средняя	Медиана	Мода
Продолжительность рабочего дня	Родителям нужно работать не более 8 часов в день	4,41	5	5
	Родителям нужно работать не более пяти дней в неделю	4,35	5	5
Чередование рабочих и выходных дней	Нерабочие дни должны совпадать с календарными выходными днями	4,35	5	5
	Нерабочие дни должны совпадать со школьными каникулами	4,08	5	5
Начало и окончание рабочего дня	Оптимальный рабочий день для родителя начинается в 8:00 и заканчивается в 17:00	3,84	4	5
Режим рабочего времени	Родителям нужно работать в режиме неполного рабочего времени	3,63	4	5
Продолжительность рабочего дня	Родителям лучше самим по согласованию с работодателем устанавливать продолжительность своего рабочего дня	3,48	3	5
Форма организации труда	Удаленная работа — наиболее подходящая форма организации трудовой деятельности для родителей	2,91	3	1

Субъективные барьеры совмещения профессионального и родительского труда

В качестве субъективных барьеров, препятствующих совмещению профессионального и родительского труда, мы рассматривали представления работодателей о работниках с детьми, а также мнения работников без детей о семье и ее влиянии на карьеру. С целью выявления возможных барьеров группам респондентов с детьми и без детей были заданы вопросы об их взаимоотношениях с начальством и коллегами, а также об опыте столкновения с ущемлением прав на рынке труда. Кроме того, респондентам было предложено оценить ряд суждений, связанных с взаимодействием сфер профессионального и родительского труда.

В результате мы выяснили, что почти половина опрошенных респондентов когда-либо получала отказ в трудоустройстве. При этом мы не обнаружили значимых различий между группами респондентов с детьми и без детей: среди родителей отказ получали 46,3 % респондентов, среди тех, у кого нет детей — каждый второй. В целом, в качестве наиболее распространенных причин отказа в трудоустройстве были названы отсутствие стажа работы, наличие детей и отсутствие необходимых знаний и умений; более 40 % респондентов, получавших отказ, отметили, что работодатель не озвучил его причину.

Респонденты-родители в качестве самой распространенной причины отказа называли наличие детей, но при этом им реже, чем респондентам без детей, отказывали из-за недостаточного уровня квалификации (табл. 6, различия в столбцах статистически подтверждены). Среди других причин отказа, связанных с детьми, респонденты указывали боязнь работодателя принять работника из-за возможной перспективы декретного отпуска и пр.

Таблица 6

Распределение ответов о причинах отказа в трудоустройстве в группах респондентов-родителей и респондентов, не имеющих детей, %

Причина отказа	Группа респондентов		Все респонденты
	Родители	Не имеющие детей	
Отсутствие стажа	31,0	44,7	35,2
Отсутствие знаний, умений	23,0	31,6	25,6
Недостаточная квалификация	8,0	21,1	12,0
Другой пол	4,6	5,3	4,8
Наличие детей	42,5	–	29,6
Возраст	8,0	13,2	9,6
Причину не озвучили	43,7	39,5	42,4
Другое	2,3	13,2	5,6

О том, что дети рассматриваются работодателями, а затем и самими работниками в качестве препятствия при трудоустройстве, косвенно свидетельствуют и данные рисунка 3. Подавляющее большинство респондентов отметили, что во время собеседования им задавался вопрос о семье (наличии супруга и детей), половине респондентов при собеседовании был задан вопрос о перспективах наличия детей. Респондентам-родителям вопрос о семье и детях задавался несколько чаще, чем респондентам без детей; но статистически значимых различий в частоте вопроса работодателя о перспективах рождения детей в группах респондентов-родителей и респондентов без детей не обнаружено — в каждой из групп он задавался примерно половине опрошенных.

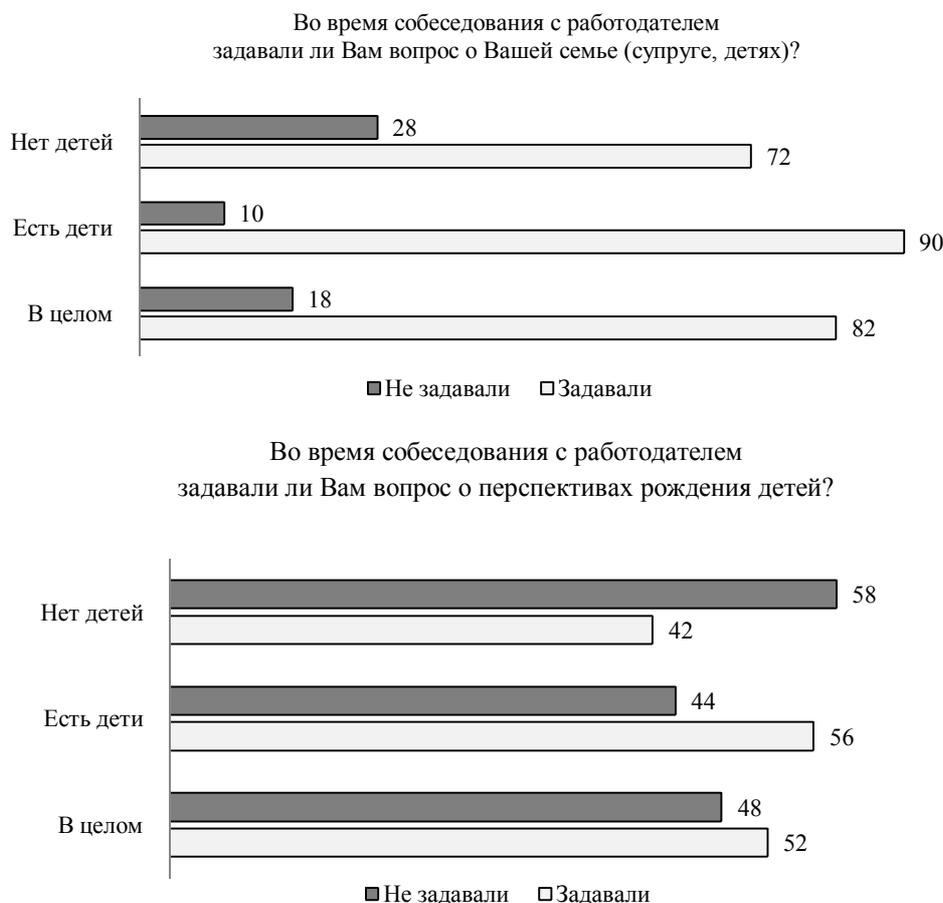

Рис. 3. Распределение ответов о заданных на собеседовании вопросах по поводу семьи и перспектив наличия детей в группах респондентов-родителей и респондентов, не имеющих детей, %

Респондентам были предложены ситуации, с которыми они могли столкнуться на рынке труда. Оказалось, например, что к работникам-родителям чаще работников без детей было адресовано требование уйти в неоплачиваемый отпуск (табл. 7). По ситуациям, связанным с динамикой карьеры, стимулированием и организацией профессионального труда, значимых статистических различий в группах респондентов с детьми и без мы не выявили.

Респондентам с детьми были заданы и прожективные вопросы — мы предложили спрогнозировать поведение работодателя в ситуации, когда обе трудовые сферы требуют одновременного присутствия субъекта этого труда в различных местах. В качестве примера таких ситуаций мы предложили респондентам рассмотреть варианты с утренником в детском саду (или концертом в школе) в рабочее время, а также присутствие ребенка на рабочем месте родителя (например, в период неработы по каким-то причинам детского образовательного учреждения). Ответы на эти вопросы представлены на рисунке 4.

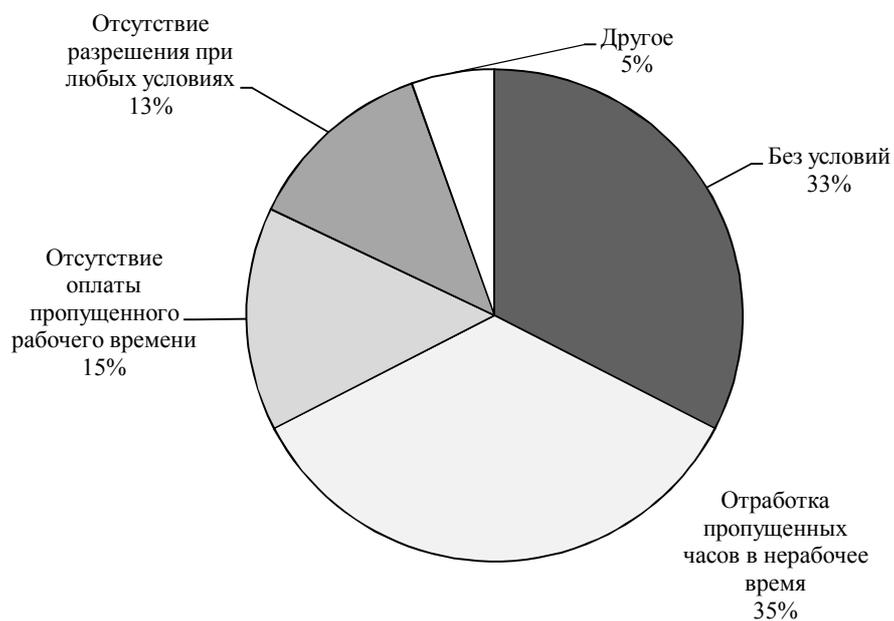

Рис. 4.1. Ситуация утренника в детском саду в рабочее время

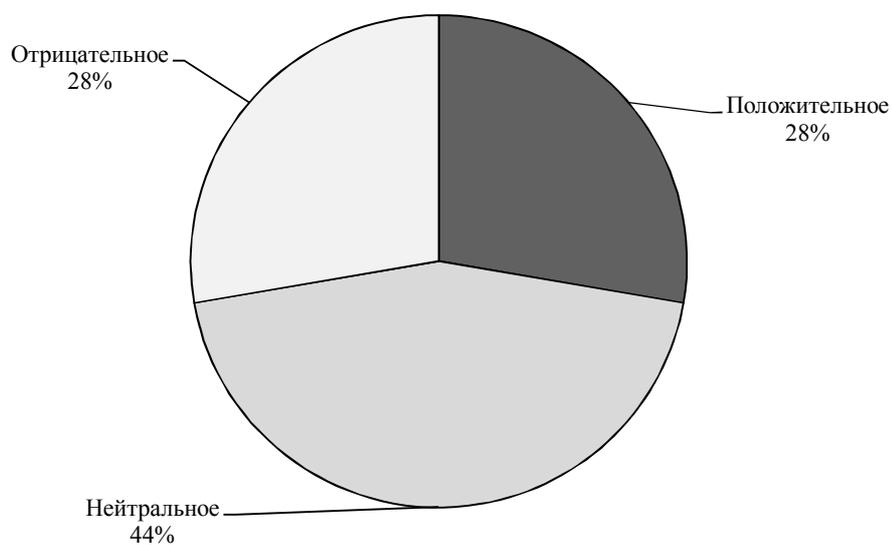

Рис. 4.2. Ситуация присутствия ребенка на рабочем месте в период неработы детского образовательного учреждения

Рис. 4. Поведение работников сферы профессионального труда в случае его совмещения с родительским трудом, %

Таблица 7

Распределение ответов респондентов на вопрос о ситуациях, с которыми они сталкивались на рынке труда, %

Ситуация	Работники с детьми	Работники без детей	Все опрошенные
Невыплата/задержка заработной платы	32,6	37,0	33,8
Отсутствие шансов продвижения по карьерной лестнице	54,5	51,4	53,7
Понижение в должности	10,2	11,1	10,5
Вынужденный уход в неоплачиваемый отпуск	24,6	5,6	19,4
Увеличение норм выработки на вредных производствах	19,6	2,8	14,8
Привлечение к сверхурочной работе	46,8	38,9	44,6
Необоснованное увольнение	9,1	4,2	7,8

Из респондентов, которые воспользовались родительским отпуском, более трети (39,7 %) сказали о различных трудностях, с которыми столкнулись при выходе на работу после отпуска. Отметим, что чаще всего эти трудности были связаны с изменениями отношений с руководством (рис. 5).

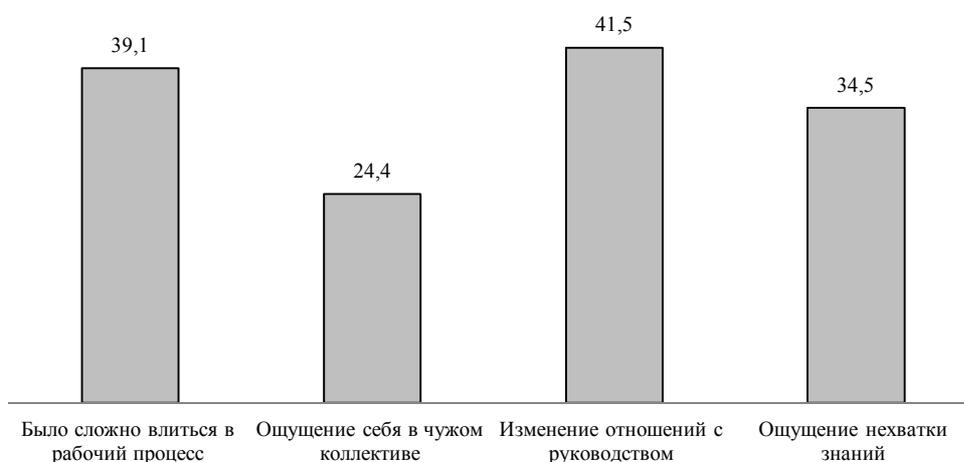

Рис. 5. Причины трудностей при возвращении на работу после отпуска по уходу за ребенком, %

Мы проанализировали различия в оценке утверждений о совмещении сфер профессионального и родительского труда в группах респондентов с детьми и без. С помощью критериев непараметрической статистики была зафиксирована значимость различий в оценках лишь нескольких суждений, связанных с последовательностью реализации, приоритизацией сфер профессионального и родительского труда, представлениями о самочувствии и самореализации субъекта двух видов труда (рис. 6).

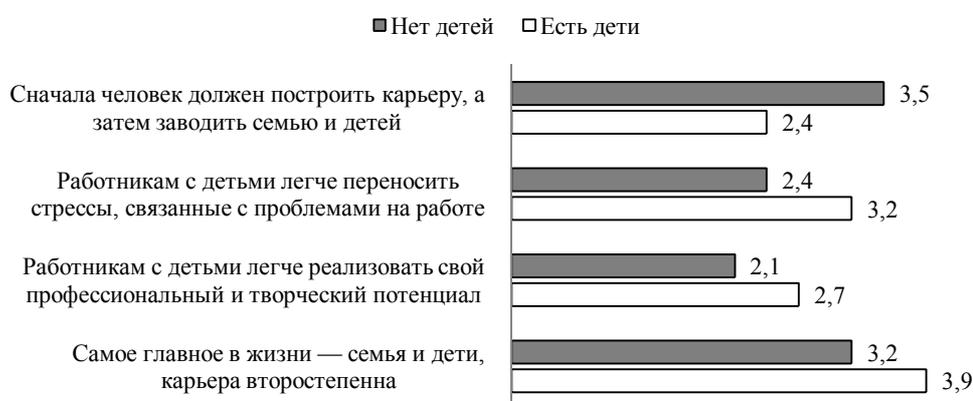

Рис. 6. Индекс согласия респондентов с детьми и без них с утверждениями о взаимодействии сфер профессионального и родительского труда

Полученные нами данные говорят о том, что наличие детей воспринимается работниками без детей как препятствие для продвижения по карьерной лестнице. Более того, работники без детей, в отличие от родителей, не видят преимуществ, которые дают дети в процессе реализации профессионального труда (снижение уровня рабочего стресса, повышение шансов реализовать свой творческий потенциал).

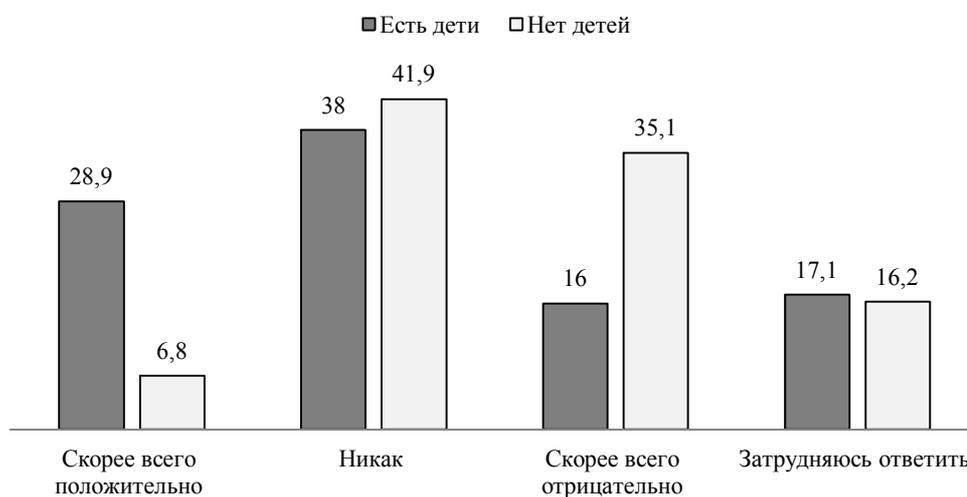

Рис. 7. Мнение респондентов о том, как рождение ребенка сказалось / может сказаться на их профессиональной карьере, %

Учитывая существенные различия мнений в утверждениях, связанных с влиянием детей на профессиональную карьеру, мы проанализировали мнения работников о том, как рождение ребенка повлияло (или могло бы повлиять) на их карьеру (рис. 7). Более трети работников без детей сказали о потенциальном отрицательном влиянии, в то время как среди респондентов-родителей таких оказалось намного меньше — более чем в два раза. Аналогичное существенное расхождение — в положительной оценке влияния рождения детей на карьеру: субъекты родительского труда говорят об этом чаще, связывая это с тем, что их жизнь наполняется смыслом, они становятся более внимательными, ответственными, продуктивными и могут реализоваться сразу в нескольких сферах. Те же, кто говорил о негативном влиянии, замечали, что дети отнимают слишком много энергии и времени и детей не с кем оставить дома.

Заключение

Выводы нашего исследования таковы:

1. В качестве объективных барьеров в совмещении профессионального и родительского труда для уральских женщин выступают продолжительность рабочего дня, а также время его начала и окончания. Именно с этими причинами чаще всего связаны увольнения родителей, которые хотели бы более активно заниматься реализацией родительского труда. Эти объективные барьеры могут быть смягчены мерами корпоративной демографической политики, направленной на гармонизацию сфер профессионального и родительского труда.

2. В качестве субъективных барьеров, препятствующих эффективному сочетанию профессионального и родительского труда, для уральских женщин выступают стереотипы работодателей и коллег, не имеющих детей, ядро которых составляют представления о низкой эффективности профессиональной деятельности работников с детьми, негативном влиянии детей на реализацию профессионального труда и профессиональную карьеру родителей, непонимании тех преимуществ, которые дают работникам с детьми дети в процессе реализации ими профессионального труда (снижение уровня рабочего стресса, повышение шансов реализовать свой творческий потенциал). Наличие таких субъективных барьеров часто влечет за собой отказы при трудоустройстве на работу субъектов родительского труда, ухудшение отношения к ним руководства, повышает вероятность ухода в неоплачиваемый отпуск.

Мы убеждены, что совершенствование нормативного регулирования взаимодействия двух значимых для общества сфер профессионального и родительского труда, направленное на «подстройку» элементов рабочего графика под режим родительского труда, разработка и реализация корпоративных демографических политик, признающих за работниками предприятий их статуса еще и субъектов родительского труда, позволит смягчить существующие сегодня барьеры взаимодействия двух трудовых сфер и создать условия для повышения рождаемости и качества будущего человеческого капитала российского населения.

Библиографический список

- Багирова А. П., Быкова Д. Г., Ворошилова А. И., Ильвес Э. В., Черешова С. В. Родительский труд: экономический и социологический анализ. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 208 с.
- Багирова А. П., Шубат О. М., Ворошилова А. И., Витик С. В., Пшеничникова М. М., Полушкина И. В. Мотивация родительского труда и регулирование установок на родительство населения Уральского региона. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. 271 с.
- Ильдарханова Ч. И., Гневашева В. А., Валидова А. Ф. Диалог труда и материнства в условиях социально-экономической и территориальной дифференциации в республике Татарстан // Регионология. 2019. Т. 27, № 4. С. 801—830.
- Синица А. Л. Труд по уходу за детьми дошкольного возраста: сочетание домашней и общественной форм. М.: МАКС Пресс, 2012. 176 с.
- Содействие занятости женщин — создание условий дошкольного образования для детей в возрасте до трех лет: паспорт федерального проекта. 2019 г. // Министерство труда и социальной защиты РФ. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography/2> (дата обращения: 27.08.2020).
- Тартаковская И. Н. Баланс жизни и труда precarious работников: гендерные аспекты // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 163—178.
- Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н., Ростовская Т. К. Технологическая гендерная сегрегация на рынке труда в экономике XXI века: направления исследования // Женщины в профессиях XXI века: тенденции, проблемы, перспективы: материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 9—14.
- Чернова Ж. В. Баланс семьи и работы: политика и индивидуальные стратегии матерей // Журнал исследований социальной политики. 2012. Т. 10, № 3. С. 295—308.
- Шубенкова Е. В., Панина Е. В. Забота о детях как вид трудовой деятельности // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2013. № 22. С. 73—83.
- Al-Ismaïl S., Carmichael F., Duberley J. Female employment in hotels in Saudi Arabia and UAE // Gender in Management. 2019. Vol. 34, № 7. P. 554—576.
- Bartoš V., Pertold-Gebicka B. Parental leave length, social norms, and female labor market re-entry frictions // International Journal of Manpower. 2018. Vol. 39, № 4. P. 600—620.
- Bianchi S. M., Milkie M. A. Work and family research in the first decade of the 21st century // Journal of Marriage and Family. 2010. Vol. 72, № 3. P. 705—725.
- Blair S. L., Lichter D. T. Measuring the division of household labor: Gender segregation of housework among American couples // Journal of Family Issues. 1991. Vol. 12, № 1. P. 91—113.
- Boye K. Care more, earn less? the association between taking paid leave to care for sick children and wages among Swedish parents // Work, Employment and Society. 2019. Vol. 33, № 6. P. 983—1001.
- Bygren M., Erlandsson A., Gähler M. Do employers prefer fathers? evidence from a field experiment testing the gender by parenthood interaction effect on callbacks to job applications // European Sociological Review. 2017. Vol. 33, № 3. P. 337—348.
- Erickson R. J. Why emotions work matters: sex, gender and the division of household labor // Journal of Marriage and Family. 2005. Vol. 67, № 2. P. 337—351.

- Feeney M. K., Stritch J. M. Family-friendly policies, gender, and work — life balance in the public sector // *Review of Public Personnel Administration*. 2019. Vol. 39, № 3. P. 422—448.
- Greulich A., Guergoat-Larivière M., Thévenon O. Emploi et deuxième naissance en Europe // *Population*. 2017. № 72. P. 625—647.
- Hanappi D., Lipps O. Job insecurity and parental well-being: The role of parenthood and family factors // *Demographic Research*. 2019. № 40. P. 897—932.
- Henle C. A., Fisher G. G., Clancy R. L. Eldercare and childcare: how does caregiving responsibility affect job discrimination? // *Journal of Business and Psychology*. 2020. Vol. 35, № 1. P. 59—83.
- Hochschild A. R. *The time bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work*. New York: Metropolitan Books, 1997. 316 p.
- Lott Y. Is maternal labor market re-entry after childbirth facilitated by mothers' and partners' flexitime? // *Human Relations*. 2020. Vol. 73, № 8. P. 1106—1129.
- Lucia-Casademunt A. M., García-Cabrera A. M., Padilla-Angulo L., Cuéllar-Molina D. Returning to work after childbirth in Europe: well-being, work — life balance, and the interplay of supervisor support // *Frontiers in Psychology*. 2018. № 9. URL: <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00068>
- McCanlies E., Mnatsakanova A., Andrew M., Violanti J., Hartley T. Child care stress and anxiety in police officers moderated by work factors // *Policing: An International Journal*. 2019. Vol. 42, № 6. P. 992—1006.
- Miller A. L. Stereotype threat as a psychological feature of work — life conflict // *Group Processes & Intergroup Relations*. 2019. Vol. 22, № 2. P. 302—320.
- Nair D. S., Millath M. A. Identifying family-work conflict among employees of the travancore cements limited, Kottayam, Kerala // *International Journal of Recent Technology and Engineering*. 2019. № 8. P. 718—726.
- Oakley A. *The Sociology of Housework*. New York: Pantheon, 1974. 219 p.
- Remery C., Schippers J. Work-family conflict in the European Union: the impact of organizational and public facilities // *International Journal of Environmental Public Health*. 2019. Vol. 16, № 22. URL: <http://doi.org/0.3390/ijerph16224419>.
- Shelton B. A., John D. The division of household labor // *Annual review of sociology*. 1996. № 22. P. 299—322.
- Snir R. Tarzan, Jane, the baby and the boss // *International Journal of Organizational Analysis*. 2019. Vol. 27, № 5. P. 1422—1441.
- Yamaguchi S. Family policies and female employment in Japan // *Japanese Economic Review*. 2017. Vol. 68, № 3. P. 305—322.

References

- Al-Ismail, S., Carmichael, F., Duberley, J. (2019) Female employment in hotels in Saudi Arabia and UAE, *Gender in Management*, pp. 554—576.
- Bagirova, A. P., Bykova, D. G., Voroshilova, A. I., Ilves, E. V., Cheresnova, S. V. (2017) *Roditel'skiĭ trud: ekonomicheskiĭ i sotsiologicheskii analiz* [Parental labor: economic and sociological analysis], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.
- Bagirova, A. P., Shubat, O. M., Voroshilova, A. I., Vitik, S. V., Pshenichnikova, M. M., Polushkina, I. V. (2014) *Motivatsiia roditel'skogo truda i regulirovanie ustanovok na roditel'stvo naseleniia Ural'skogo regiona* [Motivation of parental work and regulation of parenting attitudes of the population of the Ural region], Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta.

- Bartoš, V., Pertold-Gebicka, B. (2018) Parental leave length, social norms, and female labor market re-entry frictions, *International Journal of Manpower*, vol. 39, no. 4, pp. 600—620.
- Bianchi, S. M., Milkie, M. A. (2010) Work and family research in the first decade of the 21st century, *Journal of Marriage and Family*, vol. 72, no. 3, pp. 705—725.
- Blair, S. L., Lichter, D. T. (1991) Measuring the division of household labor: gender segregation of housework among American couples, *Journal of Family Issues*, vol. 12, no. 1, pp. 91—113.
- Boye, K. (2019) Care more, earn less? The association between taking paid leave to care for sick children and wages among Swedish parents, *Work, Employment and Society*, vol. 33, no. 6, pp. 983—1001.
- Bygren, M., Erlandsson, A., Gähler, M. (2017) Do Employers prefer fathers? Evidence from a field experiment testing the gender by parenthood interaction effect on callbacks to job applications, *European Sociological Review*, vol. 33, no. 3, pp. 337—348.
- Chernova, Zh. V. (2012) Balans sem'i i raboty: politika i individual'nye strategii materei [Work-life balance: policies and individual strategies for mothers], *Zhurnal issledovanii sotsial'noi politiki*, vol. 10, no. 3, pp. 295—308.
- Erickson, R. J. (2005) Why emotions work matters: sex, gender and the division of household labor, *Journal of Marriage and Family*, vol. 67, no. 2, pp. 337—351.
- Feeney, M. K., Stritch, J. M. (2019) Family-friendly policies, gender, and work — life balance in the public sector, *Review of Public Personnel Administration*, vol. 39, no. 3, pp. 422—448.
- Greulich, A., Guergoat-Larivière, M., Thévenon, O. (2017) Emploi et deuxième naissance en Europe, *Population*, no. 72, pp. 625—647.
- Hanappi, D., Lipps, O. (2019) Job insecurity and parental well-being: the role of parenthood and family factors, *Demographic Research*, no. 40, pp. 897—932.
- Henle, C. A., Fisher, G. G., Clancy, R. L. (2020) Eldercare and childcare: how does caregiving responsibility affect job discrimination?, *Journal of Business and Psychology*, vol. 35, no. 1, pp. 59—83.
- Hochschild, A. R. (1997) *The Time Bind: When Work Becomes Home and Home Becomes Work*, New York: Metropolitan Books.
- Il'darkhanova, Ch. I., Gnevasheva, V. A., Validova, A. F. (2019) Dialog truda i materinstva v usloviakh sotsial'no-ekonomicheskoi i territorial'noi differentsiatsii v Respublike Tatarstan [Dialogue of Labor and Motherhood in the Context of Socio-Economic and Territorial Differentiation in the Republic of Tatarstan], *Regionologiya*, vol. 27, no. 4, pp. 801—830.
- Khasbulatova, O. A., Smirnova, I. N., Rostovskaia, T. K. (2020) Tekhnologicheskaya gendernaia segretatsiia na rynke truda v ekonomike XXI veka: napravleniia issledovaniia [Technological gender segregation in the labor market in the economy of the XXI century: research directions], in: *Zhenshchiny v professiiakh XXI veka: tendentsii, problemy, perspektivy*, Ivanovo: Ivanovskii gosudarstvennyi universitet, pp. 9—14.
- Lott, Y. (2020) Is maternal labor market re-entry after childbirth facilitated by mothers' and partners' flextime?, *Human Relations*, vol. 73, no. 8, pp. 1106—1129.
- Lucia-Casademunt, A. M., García-Cabrera, A. M., Padilla-Angulo, L., Cuéllar-Molina, D. (2018) Returning to work after childbirth in Europe: well-being, work — life balance, and the interplay of supervisor support, *Frontiers in Psychology*, no. 9, available from <http://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.00068>.
- McCanlies, E., Mnatsakanova, A., Andrew, M., Violanti, J., Hartley, T. (2019) Child care stress and anxiety in police officers moderated by work factors, *Policing: An International Journal*, vol. 42, no. 6, pp. 992—1006.

- Miller, A. L. (2019) Stereotype threat as a psychological feature of work — life conflict, *Group Processes & Intergroup Relations*, vol. 22, no. 2, pp. 302—320.
- Nair, D. S., Millath, M. A. (2019) Identifying family-work conflict among employees of the travancore cements limited, Kottayam, Kerala, *International Journal of Recent Technology and Engineering*, no. 8, pp. 718—726.
- Oakley, A. (1974) *The Sociology of Housework*, New York: Pantheon.
- Remery, C., Schippers, J. (2019) Work-family conflict in the European Union: the impact of organizational and public facilities, *International Journal of Environmental Public Health*, vol. 16, no. 22, available from <http://doi.org/0.3390/ijerph16224419>.
- Shelton, B. A., John, D. (1996) The division of household labor, *Annual review of sociology*, no. 22, pp. 299—322.
- Shubenkova, E. V., Panina, E. V. (2013) Zabota o detiakh kak vid trudovoi deiatel'nosti [Childcare as a form of employment], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, seriya Ekonomika i upravlenie*, no. 22, pp. 73—83.
- Sinitsa, A. L. (2012) *Trud po ukhodu za det' mi doshkol'nogo vozrasta: sochetanie domashnei i obshchestvennoi form* [Childcare work for preschool children: a combination of home and social forms], Moscow: MAKS Press.
- Snir, R. (2019) Tarzan, Jane, the baby and the boss, *International Journal of Organizational Analysis*, vol. 27, no. 5, pp. 1422—1441.
- Tartakovskaia, I. N. (2019) Balans zhizni i truda prekarnykh rabotnikov: gendernye aspekty [Precarious employment and work-life balance: gender aspects], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 3, pp. 163—178.
- Yamaguchi, S. (2017) Family Policies and Female Employment in Japan, *Japanese Economic Review*, vol. 68, no. 3, pp. 305—322.

Статья поступила 10.09.2020 г.

Информация об авторах / Information about the authors

Багирова Анна Петровна — доктор экономических наук, кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, a.p.bagirova@urfu.ru (Dr. Sc. (Economics), Cand. Sc. (Sociology), Professor at the Department of Sociology and Public Administration Technologies, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation).

Бледнова Наталья Дмитриевна — специалист по аналитической работе Центра региональных экономических исследований, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия, n.d.blednova@urfu.ru (Analyst at the Center for Regional Economic Research, Ural Federal University, Ekaterinburg, Russian Federation).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

---

1. К публикации принимаются статьи, рецензии, материалы круглых столов (рекомендуемый объем статьи 20—25 тыс. знаков, в исключительных случаях до 40—45 тыс. знаков; объем рецензии 10—15 тыс. знаков) в редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, кегль 14. При создании диаграмм и графиков необходимо использовать приложения Microsoft Graph и Microsoft Excel.

2. Материалы принимаются в электронном виде по адресу, указанному на сайте журнала (<http://www.womaninrussiansociety.ru>), а также по следующим адресам: gafizovanb@mail.ru, riabova2001@inbox.ru.

3. Комплект документов должен состоять из двух файлов, сохраненных в формате RTF:

1) собственно статьи (приводятся фамилия, инициалы автора, название статьи, текст, библиографический список). Приветствуется членение статей на смысловые части (разделы). Статьи, содержащие данные эмпирических исследований, должны включать разделы «Постановка задачи / выдвижение гипотезы», «Методы исследования», «Результаты исследования»;

2) приложения, в котором должны быть следующие составляющие:

- сведения об авторе / авторах (фамилия, имя и отчество, ученая степень и ученое звание, место работы и должность, контактные данные (телефон и электронная почта);
- аннотация, отражающая основное содержание статьи (10—15 строк);
- ключевые слова (не более 10);
- фамилия, имя и отчество автора (или же только фамилия и имя) в транслитерации (в латинском алфавите). Следует пользоваться системой транслитерации, принятой Библиотекой Конгресса США. Правила перевода с кириллицы на латиницу см. на сайте журнала;
- название статьи на английском языке;
- аннотация статьи на английском языке. Она должна быть содержательнее и объемнее (до 0,5—1 страницы) аннотации на русском языке. Просим обеспечить квалифицированный перевод и приложить оригинал на русском языке, который был переведен (для удобства работы проверяющего переводчика);
- ключевые слова на английском языке;
- место работы, ученая степень и должность на английском языке.

4. Библиографический список к статье должен быть выполнен в двух вариантах.

В первом варианте («Библиографический список») библиографическое описание источников оформляется в соответствии с российскими ГОСТами 7.1—2003, 7.0.5—2008. В алфавитном порядке указываются только использованные в статье источники (сначала на русском языке, затем на иностранном). Пункты списка, в каждом из которых приводится одна работа, не нумеруются. Ссылки на список даются в тексте статьи в квадратных скобках, где указывается фамилия автора, далее, через запятую, год издания работы и, после двоеточия, страница. Образцы оформления ссылок см. на сайте журнала.

Второй вариант списка использованной литературы («References») выполняется в латинском алфавите.

В References включаются: монографии, статьи, сборники, тезисы, диссертации, авторефераты диссертаций; не включаются: архивы, газеты, указы, постановления, приказы, небольшие интернет-материалы.

Для русскоязычных источников (и других источников, изданных во всех алфавитах, кроме латинского) сначала приводится транслитерация названия, затем в квадратных скобках — его перевод на английский язык (в этих случаях транслитерируются и названия издательств). Если описание начинается со статьи или главы, то на английский язык переводятся их названия, а названия журналов и монографий, где они размещаются, только транслитерируются.

Названия работ, изданных на латинице, дублируются в двух списках. Порядок источников диктуется латинским алфавитом.

Образцы оформления см. на сайте журнала.

5. Направление в редакцию ранее опубликованных и принятых к печати в других изданиях работ не допускается.

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

ГЕНДЕРНАЯ СОЦИОЛОГИЯ

Архангельский В. Н., Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Влияние уровня жизни на репродуктивное поведение россиян: гендерный аспект	3
Великая Н. М., Князькова Е. А. Репродуктивные права женщин в политическом дискурсе современной России	25
Зубок Ю. А., Чупров В. И., Сорокин О. В. Смысловая саморегуляция жизнедеятельности молодежи: гендерные различия в сфере труда	38
Гневашева В. А., Ильдарханова Ч. И. Гендерная асимметрия труда: региональный аспект (Результаты эмпирического исследования)	60
Лукьянец А. С., Рязанцев Н. С. Положение женщины в японском обществе: социально-демографические аспекты	77
Аникеева О. А., Фомина С. Н., Шимановская Я. В. Социальное и психическое здоровье женщин старшего возраста в контексте стратегии народосбережения: новые задачи социальной работы	88
Иванова А. Е. Гендерные особенности смертности от ВИЧ-инфекции	106

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В., Золотарева О. А. Оценка демографических установок глазами мужчин и женщин в условиях дефицита рождаемости	121
Рязанцев С. В., Сивоплясова С. Ю. Брачное поведение женщин-мигранток из стран Центральной Азии	136
Багирова А. П., Бледнова Н. Д. Совмещение профессионального и родительского труда в оценках уральских женщин: объективные и субъективные барьеры	150
<i>Информация для авторов</i>	168

CONTENTS

SOCIAL SCIENCES

GENDER SOCIOLOGY

Arkhangelskiy V. N., Rostovskaya T. K., Vasilieva E. N. Influence of the standard of living on the reproductive behavior of Russians: gender aspect	3
Velikaya N. M., Knyazkova E. A. Reproductive women rights in political discourse of modern Russia	25
Zubok Yu. A., Chuprov V. I., Sorokin O. V. Meanings in self-regulation of young people's life: gender differences in the labor sphere	38
Gnevasheva V. A., Ildarhanova Ch. I. Gender labor asymmetry: regional dimension (Empirical research)	60
Lukyanets A. S., Ryazantsev N. S. Women's situation in Japanese society: socio-demographic aspects	77
Anikeeva O. A., Fomina S. N., Shimanovskaya Ya. V. Social and mental health of older women in the context of the strategy of people's conservation: new objectives of social work	88
Ivanova A. E. Gender features of mortality from HIV infection	106

ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V., Zolotareva O. A. Evaluation of demographic attitudes by the eyes of men and women under conditions of fertility deficiency	121
Ryazantsev S. V., Sivopljasova S. Yu. Matrimonial behavior of women from Central Asian countries	136
Bagirova A. P., Blednova N. D. Combination of professional and parental labor in assessments of Ural women: objective and subjective barriers	150
<i>Information for the authors</i>	168

ЖЕНЩИНА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ
Российский научный журнал
Специальный выпуск — 2021

Директор издательства *Л. В. Михеева*
Редакторы *О. В. Батова, В. А. Киселева, Л. Г. Качалова*
Технический редактор *И. С. Сибирева*
Компьютерная верстка *Т. Б. Земсковой*

Дата выхода в свет **29.12.2020 г.** Печать плоская. Бумага писчая.
Формат 70×108 1/16. Усл. печ. л. 15,05. Уч.-изд. л. 11,0. **Тираж 100 экз.**
Заказ № 98. Цена свободная

Отпечатано в издательстве «Ивановский государственный университет»
✉ 153025 Иваново, ул. Ермака, 39
☎ (4932) 93-43-41. E-mail: publisher@ivanovo.ac.ru

